

ВЛАДИМИР ФОМИН

РАЗУМ

И

ВЕЩИ

ВЛАДИМИР ФОМИН

РАЗУМ

И
ВЕЩИ

Одогові Борисовичу
Тувуляку —
другові, колезі, оригі-
нальному науковцю,
поету від зухвалою
автора, без голови"
з ширкою приязню і
найкращими побажан-
нями — В. Фомин

УЖГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРПАТЫ»
1989

ВЛАДИМИР ФОМИН
РАЗУМ И ВЕЩИ

РАЗУМ
И
ВЕЩИ

[Faint, illegible text, possibly bleed-through or a watermark]

Эпиграфом к предлагаемой научно-популярной книге, посвященной проблемам формирования разумных потребностей советского человека, могут служить слова известного психолога А. Н. Леонтьева: «Личность не может развиваться в рамках потребности, ее развитие с необходимостью предполагает смещение потребностей на творчество, и только творчество не знает никаких рамок».

Суждения автора не лишены эмоциональности, даже дискуссионной остроты, не все в них бесспорно, но если книга вызовет живой читательский интерес к кругу обозначенных вопросов, цель ее будет достигнута.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5—7757—0107—0

© Издательство «Карпаты», 1989

В В Е Д Е Н И Е

Древние завещали нам познавать себя, но как же трудно дается нам это, как редко умение единственно правильно распорядиться своим уникальным, бесценным сокровищем — дарованной нам разумной жизнью. Всевозможные миражи и растлевающие соблазны, вещный фетишизм так часто разъедают человеческие души...

Современная цивилизация, завершая свой двухтысячелетний виток, вынуждена критически, без излишнего самолюбования, посмотреть на себя.

Вопросы, издревле считавшиеся сугубо личностными («зачем жить?», «в чем счастье, истинное благополучие и призвание?» и т. д.) предельно актуализировались и приобрели всечеловеческий характер. «Как это случилось?», «Что с нами происходит?», «Кто виноват?», «Как дальше жить?» — современная, шукшинская специфика вечных вопросов бытия. Возникая в течение веков, смысловые ориентиры терзают совесть все большего числа людей. Выбатывались представления о должном, соединившем в себе три качества единого бытия человека: стремление к истине, желание добра и наслаждение красотой. С веками разум приближался к этим ценностям. В социально-историческом, национальном, этическом контексте общественной жизни выбатывались и получали идеологическое закрепление и представления об истинных нуждах человека. Но здесь обнаружилось нечто роковое, отрезвляющее его в неумном стремлении к внешнему обустройству жизни. Камнем пре-

ткновения все чаще становится отсутствие благоразумия в нашем отношении к миру созданных вещей. В естественные целесообразные связи человека с природой, обществом, другими людьми как бы вмешались недостойные разума представления и цели. Значительные массы людей во всем мире расточают огромный созидательный потенциал на сомнительные развлечения, беспечно раскошествуют, словно пассажиры печально известного «Титаника», прожигают жизнь с уверенностью, что это и есть земной удел человека.

Драматическое противостояние богатства и бедности, нищеты и роскоши, достижений техники, новейших технологий и бедственного положения миллионов — все это остается весьма примечательным, устойчивым состоянием мирового сообщества. В большей или меньшей степени это присутствует даже в самых развитых государствах мира.

Атрофия же нравственной энергии удесятерляет силу индивидуального эгоизма и превращает чувство обладания в некий эталон здравого смысла, в доминирующий фактор поведения, в главный критерий благополучия и счастья. Экспансия несправедливых спосов существования, своекорыстия, паразитическая состоятельность, фетишизированный потребительский образ бытия нередко подавляет авторитет веками известных благородных проявлений: простоты и скромности, целесообразного удобства, индивидуальной приспособительно-творческой активности и смекалки, достоинства и нестяжательства, милосердия и благотворительности.

Есть ли сила, противостоящая анархии потребительских вожделений? Безусловно, есть. И сегодня она как никогда могуча. Разум, поднявшийся до науки, указывает нам истинный смысл бытия: труд, познание и совершенствование самих себя, утвержде-

ние социальной справедливости и гуманизма в обществе.

Проблема взаимодействия человека с миром вещей все чаще становится объектом скрупулезного научного анализа, философско-этических размышлений. Не только в плане сохранения жизни на земле от ядерной катастрофы прогрессивное человечество уповает сегодня на силу разума.

На разумно-гуманистической основе должны строиться взаимоотношения человека и природы, личности и общества, понимание индивидуальных потребностей и общественных возможностей для их удовлетворения. Случилось так, что само понятие «разумные потребности», очевидно, явилось уже реакцией на факт стереотипизации притязаний, в той или иной степени противоречащих интересам развития человека и общества, конфронтирующих с культурой и общественной нравственностью. Можно привести здесь слова одного современного поэта:

Что нынче драгоценней для людей,
Для тех, кто жаждет жизни, не наживы?
Какой великой целью люди живы?..
Борьбой за жизнь!
Борьбой за мир идей!

Автор прозрачно и не без оснований как бы предостерегает от опасности эпидемического распространения идеалов личной корысти, служения наживе и роскоши. Нельзя вполне отрицать сегодня, что целые пласты населения оказались вне поля действия возвышенных, социально значимых идей. У этого явления есть, конечно, свои причины. Однако вряд ли найдутся веские доказательства, морально оправдывающие философию потребительства, упоение чувством обладания, как бы олицетворяющего жизнь вообще — признак начала упадка и разложения.

Опыт древних цивилизаций в этом отношении

легкомысленно игнорируется. Подавление материальными критериями прогресса духовности человека — симптом реальной угрозы. К сожалению, многие люди спохватываются поздно. Сложившиеся установки потребительского мироотношения обычно не поддаются моральной реконструкции.

Научно-технический прогресс повлек за собой огромные изменения в структуре и масштабах потребления. Влияние мира вещей на человека заставляет по-новому оценивать его духовную жизнь, нравственность, убеждения, психику, жизненные цели. Нельзя не видеть, что все мы столкнулись с испытанием вещами. И то, какие мировоззренческие выводы делают люди из возрастающего благосостояния, равно как и из перекосов в социальной сфере, сохраняющей несправедливость и бедность, — далеко не праздный вопрос.

Возникает необходимость выяснить и проанализировать личностные (нравственные, психологические и др.) аспекты и общественные, в том числе социально-психологические условия распространения потребительско-вещистских установок значительной части людей.

Вещизм — явление многоликое, а нередко и трудноуловимое для понимания. Если кратко и просто, — это такое преклонение перед материальными ценностями и обожествление вещей, такое стремление любой ценой овладеть атрибутами так называемой престижности, комфортности, новейшей моды и т. п., когда это противоречит здравому смыслу, вредит справедливости и духовному развитию, становится преградой раскрытия творческого потенциала личности. Опасность вещизма — в его проникновении в нравственные отношения, в психологию людей, вследствие чего он обретает свойства устойчивости стереотипа: «так все делают», «так принято», «не хочу быть

белой вороной», и эти мещанско-приспособительные максимы для множества людей нередко становятся сильнее любых доводов разума.

Потребитель-вещист непроизвольно, бессознательно и ежечасно совращает собственный разум, все свое мироощущение. Бытие утрачивает для него значение самооценности и высокий морально-этический смысл. Для данного типа личности жизнь становится средством. Не в ней он находит радость. Призрачное счастье обладания вещью порождает внутреннюю оппозицию разумной жизни. Отличие истинно мудрого от глупца состоит в том, что мудрый видит смысл жизни в ней самой, в познании и умножении свободы и прекрасного в мире, а глупец как бы отрицает самооценность жизни, путая ее с приобретательскими страстями. Самоценность, абсолют для него — это упоение властью над вещами, а через них и над людьми.

Чего легче, казалось бы, понять, принять за незыблемый смысложизненный регулятив сказанное А. И. Герценом: «Для меня легче жизнь считать за достигнутую цель, нежели за средство достижения». Но нет, на каждом шагу видим противоположное. В современном обиходе не случайно появился точный речевой эквивалент ложной гедонистической идеи. Многие люди обожествляют вещи, сплошь и рядом предпочитают серьезным интеллектуальным и нравственным потребностям стремление прожить «в свое удовольствие», «для себя», «как хочу» и т. п. Серьезной угрозой для нравственного здоровья общества является эта «философия» «для-себя-жития». Один из множества примеров — предательство «жизнелюбивыми» детьми престарелых родителей.

Как же далеки люди, жаждающие не жизни, а наживы и опустошительных наслаждений, от постижения своего человеческого существа. Как медленно

приближаются многие к пониманию того, что «в мире есть две вещи, изумляющие тем больше, чем больше о них думаешь, это — небо над нами, полное звезд, и моральный закон внутри нас» (И. Кант). Многие отнюдь не собираются опровергать древнего философа, сказавшего, что «нельзя жить приятно, если не жить разумно, благородно и справедливо». Однако живут по преимуществу скорее наоборот. Лишь бы приятно и сладко. Даже если неразумно, безнравственно и несправедливо.

Что же, спросит кто-то, люди должны жить и, следовательно, потреблять только по велению разума? А чувство, эмоции, вкусы, мода, наконец, молодость? Все это подчинить умствованию? Не будем столь категоричны в ответе на такой неоднозначный вопрос. Однако и совсем уходить от ответа тоже нельзя. Ведь в конечном счете, при серьезном взгляде на жизнь нетрудно установить, что самый надежный проводник человека именно разум.

Вопрос об «участии» разума в процессе отбора, «сортировки» и удовлетворения потребностей слишком сложен. Но больше всего он все-таки запутан. Это ошибка, когда считают, что выражение (и понятие) «разумные потребности» — итог рационального познания. Проблема «разум и вещи» не «от лукавого» — от жизни. В понятии «разумные потребности» — динамика человеческого бытия, в нем все наши связи с природным и социальным миром, диалектика бытия и сознания, личности и общества, желаний и возможностей, идеалов и объективной реальности, наконец, — целей и средств жизнедеятельности. Именно поэтому в данном вопросе особый смысл приобретает глубочайшая идея К. Маркса о предпочтении разуму вообще нравственного разума, который

воплощается в нравственных отношениях людей, в идеалах социальной справедливости*.

В этой связи воспользуемся с некоторой долей условности методологией В. Г. Белинского при анализе им романтизма. Критик различал романтиков по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни. Вещист — тот же романтик, но со знаком минус... Это азартный игрок. И тогда, когда он только мечтает о многих, редких и дорогостоящих предметах, и после овладения ими, мечтая о новых, — он живет в воображаемом, в какой-то мере в неестественном мире, видя и себя не таким, каким является на самом деле.

Вещист по натуре — явление крайне редкое. Сплошь и рядом он — итог воспитания и обстоятельств жизни. Поэтому прежде всего с точки зрения условий воспитания и обстоятельств жизни мы и попытаемся ближе познакомиться как с самим вещизмом, так и с возможностями разумного сопротивления ему.

* Ссылки на использованную литературу по сквозной нумерации даны в затекстовом списке.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ВЕЩЕЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЛЮШКИНА НА НИВЕ ЖИЗНИ.

Созданный Н. В. Гоголем образ помещика Плюшкина — непревзойденный классический опыт проникновения в умонастроение и психологию вещиизма. С фотографической точностью и воображением тонкого живописца писатель как бы очертил сами истоки феномена вещиизма. Плюшкин вошел в эстетическую память и нравственное сознание народа однозначно в качестве нарицательного типа. В одной из молодежных аудиторий меня спросили: «Откуда берутся плюшкины и как с ними бороться?»

Плюшкиным никто не рождается. Вспомним, гоголевский герой вначале был «только бережливым хозяином», вызывающим даже уважение своей рачительностью и «мудрой скупостью». Все произошло, как убеждает нас писатель, тогда, как остался Плюшкин独自一人, как один очутился сторожем, хранителем и владельцем своих богатств. В доме его воцарился немыслимый беспорядок, усугублявшийся таким нагромождением «всякой всячины», что хозяин уже забывал сам, сколько у него было чего. Вещи, имущество, богатство — все истлевало, самоуничтожалось. Все накопленное «становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве». Может быть именно тем и более всего поучителен данный образ, что обнаруживает некую закономерность поглощения бездушным миром вещей живой души человека, когда уже ничего не может противопоставить напору вещных страстей. Нагромождение богатства происходило как бы за

счет духовного обнищания, путем бесповоротной утраты социальных, нравственных качеств. Владелец тысячи «душ» крестьян оказывается совершенно бессильным овладеть своей собственной душой.

Одинокая жизнь Плюшкина «дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем больше пожирает, тем становится ненасытнее»... Вот оно, мудрое и поистине человеколюбивое предостережение. Но вся мировая философия, этика, включая библейские десять заповедей, не обладают достаточной силой нормативности. Литература тоже. Мало кто не знает о Плюшкине, а много ли тех, кто озадачил бы себя серьезной этической целью уберечься от его человеческой трагедии? Кто не улыбнется при одном только воображении сцены, где усердный собиратель всевозможных ненужностей намеревается потчевать загадочного гостя «славным ликерчиком с козявками и всякой дрянью». Кульминация в раскрытии потребительской психологии — момент, когда Плюшкин услышал, что за мертвые души можно получить деньги, отчего «руки его задрожали, как ртуть». Тут уже не до смеху. Смешное высказанное, как заметил однажды Аркадий Райкин, не опасно, а ставшее опасным уже не будет смешным.

Исчезли в волнах революции плюшкины-помещики. Человеческий труд, научно-технический прогресс до неузнаваемости преобразили вещный мир. Плюшкиных «по натуре» теперь мало, преимущественно они — «по воспитанию» и «обстоятельствам жизни». Странный гибридный тип вещиста дал обильные и уродливые всходы. Он перестал быть всеобщим помешком, потому что стал социально опасен. Странный гибридный тип вещиста дал обильные и всячины». Это рискованный вор, изощреннейший мошенник, иждивенец, взяточник, казнокрад, коррупционер-мафиози на высоком посту.

Галерея плюшкинских сородичей длинная-предлинная. Типаж по социальным, демографическим, должностным характеристикам — богатейший. Вот несколько эпизодов.

В доме спекулянтов и стяжателей К. при обыске нашли десять тонн зерна, полторы тонны муки, 350 килограммов сухарей, 67 килограммов масла, 242 одеяла, 20 пар валенок, 65 женских платьев, 284 куска мыла, 120 алюминиевых ложек. Стоимость всего накопленного составляла более 30 тысяч рублей. Хозяйке был задан вопрос, сколько она хотела иметь вещей и денег. И та ответила (запомним этот ответ): «Этому нет предела...».

История заведующей производством киевского ресторана «Столичный» Елкиной для своего изложения потребовала 209 томов уголовного дела. Два года 30 следователей изучали секреты кулинарной технологии и ведения бухгалтерского учета, чтобы восстановить масштаб деятельности и глубину нравственного падения преступной группы. По меткому замечанию экспертов, квартира Елкиной могла бы стать самым грустным музеем личного имущества. Сервизы из 114 и 141 предмета, радио-кинетехника, произведенная в разных странах, меха, антиквариат, многочисленные предметы роскоши. Был у Елкиной пес по кличке Цезарь. В наморднике и ошейнике — благородные металлы и диаманты. По экспертным оценкам в основной своей массе вещи не использовались, много оставалось в иностранной упаковке. Как малограмотный, но предприимчивый человек, Елкина содержала личного секретаря, две домработницы для ведения хозяйства, а профессиональный ветеринар следил за здоровьем Цезаря. Что двигало распоясавшимися дельцами преступного бизнеса? Вещизм.

Три «Волги». 23 сервиза на 380 персон. 74 костю-

ма. 149 пар туфель. 62 пуховых одеяла. 19 магнитофонов, 40 неразвернутых ковров, 420 метров тканей, 100 каракулевых шкур, 735 тысяч рублей, спрятанных в чужом курятнике. Еще 18 тысяч рублей в облигациях трехпроцентного займа, 450 золотых монет, 39 золотых часов с браслетами. 16 золотых браслетов без часов, но с бриллиантами. Всего сокровищ в общей сложности на 1200000 рублей отобрано было у проректора по заочному обучению в скромном педагогическом институте.

В 1987—1988 годы, когда гласность и правда обрели достаточную устойчивость, широкой общественности стали известны многие одиозные руководящие фигуры и куда более впечатляющие модели оголтелого вещизма. Характерно, что и миллионера с его десятками килограммов золота, несколькими машинами, живущего в мраморных хоромах, как бы в издевку многочисленным очередникам, мы относим к вещистам. И алюминиевые ложки, и украшенная драгоценностями собачка, и телохранители, все — вещи. Страсть к обладанию в сущности ненасытна. Сколько бы ни приобретал, ни воровал, ни спекулировал, ни мошенничал — все мало, все — «нужная вещь».

Автору пришлось однажды присутствовать на заседании Ивано-Франковского горсуда. Трое молодых граждан, совершивших 35 квартирных краж в Калуше, Коломые и областном центре, наряду с различными дорогостоящими вещами не гнушались брать носки, столовые ножи, одеколоны, шампуни, туалетное мыло. На процессе по делу взяточников из Ивано-Франковского мединститута та же история: люди известные, ни в чем не знавшие нужды, обеспеченные почетом и высокими доходами, брали крупные денежные суммы, а также вазы, спиртное, комнатные тапочки и т. п.

Вещизм — это алчность, возведенная в степень. Она парализует разум. Врачи стоматологической поликлиники, как сообщалось в одной из центральных газет, делили списанные новые шторы, увозили домой оставшиеся после ремонта линолеум, уносили в сумках чистящие и моющие порошки (задолго до введения постыдных талонов!).

Страсть к обладанию вещами, крупными денежными суммами, хрусталем, золотом, сложной техникой культурно-бытового назначения динамизируется в соответствии с мировым техническим прогрессом и возможностями пользоваться его плодами через все более совершенствующиеся торгово-экономические связи. Вот почему необходимо видеть разницу между безумным накопительством примитивного спекулянта и изощренным потребительским гедонизмом коррумпированного чиновника. И тот, и другой — функционеры порочного уклада жизни, невольные жертвы несовершенных экономических и других отношений. У них разные притязания и масштабы социальных взаимосвязей и, следовательно, влияние на других людей. Но и те, и другие, и третьи (множество различных промежуточных типов вещиста) в равной мере пребывают в порочном круге гонки за личным обогащением. Деньги, золото, бесстыдная роскошь — приметы вещиста любой эпохи. Актуальным становится не только пафос гоголевского разоблачения «плюшкинизма», но также и лейтмотив творчества А. Н. Островского — общественное презрение к культуре денег и других форм собственнического самоутверждения в жизни. Один из персонажей драматурга, как известно, упрекая молодого собеседника в наивности, обращал его внимание на симптоматичное распространение роскоши в обществе. Проницательно и честно говорит об этом известный артист Игорь Владимиров: «...Как ни странно, налаженный быт,

который улучшает нашу жизнь, уже начинает звать Островского — может, скоро он станет главным драматургом, актуальным и репертуарным, потому что понадобятся исследования влияния накопительства на душу человека...». Прогноз этот, похоже, приближается к факту. Хотя о налаженности нашего быта, как равно и об улучшении жизни всего народа, можно и следует спорить.

Осознание пагубности вещизма должно помочь людям в любых социальных условиях научиться измерять их потребности с велением разума и гражданской совести. Ведь разум, писал В. Г. Белинский, дан человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что неразумно живёт.

Приращение разума, а также социальных критериев личного благополучия, извращение понятий о полнокровном бытии и счастье — прямой путь к появлению «насильных потребностей», различных причуд и «извращеннейших фантазий потребителя» (К. Маркс), к возрождению «плюшкинизма». Поскольку же последний на любом уровне, в любой материально-вещной компоновке не прибавляет добра и счастья ни человеку, ни человечеству, нужно всем братья за ум. Современная разоруженческая формула «разумной достаточности» обретает особый смысл и в этой плоскости. Но никому из вещистов и невдомек, что убивать человека можно не только из пистолета, но духовно, что вещи, если не познавать их человеческого смысла, не видеть их функционального предназначения — служить духовному совершенствованию личности — те же бомбы. Герой невыдуманного рассказа Николая Сидова «Зачем?», по недомыслию променявший достоинство, доверие, семью, достаток и свободу за десятки тысяч, на золотую

мишуру, не раз в тупом отчаянии надрывным голосом спрашивал себя: «Зачем? Зачем я это сделал?».

Нравственный разум подсказывает человеку этот вопрос всегда вовремя...

ВЕЩИЗМ РАСЧЕЛОВЕЧИВАЮЩИЙ

Похождения «плюшкинизма» в современной жизни указывают на очень высокий уровень его выживаемости, способности мимикрировать и заражать. Вполне резонно предположить, что в человеке заложены не только потребности к целостному саморазвитию и «осуществлению себя» (В. И. Ленин) через реализацию задатков и способностей. Изначально ему присущи и различные представления о материально-вещных условиях жизни. Драматизм бытия человека состоит еще и в том, что в течение всей своей жизни он сталкивается с огромными преградами на пути к обретению условий, благоприятствующих проявлению лучших человеческих качеств.

Следовательно, в своих идеальных представлениях человек осознает свою предрасположенность к гармонии с природой, обществом и самим собой. Но реальные, прежде всего социально-экономические, условия как бы отодвигают эту высокую цель. Так из диалектического противоречия между идеалом (желаемым и должным) и действительностью (объективными условиями, сущим) отпочковывается противоречие иного, еще более сложного порядка. Это — противоречие между материальными условиями бытия человека и его высшей, духовной сущностью. Суть его — в переходе от осознания необходимых материальных потребностей к осознанию мировоззренческих и нравственных ценностей, от осознания себя как индивидуального способа бытия человечества, к пониманию того, что К. Маркс называл «автономией

человеческого духа», к разгадке тайны Человека. Люди должны быть носителями добра и человеколюбия. Иначе им просто не надо было слезать с дерева, уходить из стада, перебираться в комфортабельные селения, изобретать книгопечатание, сочинять музыку, писать картины. Спору нет, чтобы все это делать, нужны вещи. Они — результат человеческого труда, орудия производительной общественно необходимой деятельности. И в этом смысле они не мешают человеку быть Человеком.

Все упирается в отношение к вещам. Если они развивают нас, способствуют росту культуры, значит потребности в этих вещах и разумны и человечны. Если же принимаются как способ самовнушения личного достоинства и психологического самоутверждения в своей среде — это угроза человечности.

Расчеловечивающий характер вещиизма проявляется не только в ложных формах самоутверждения, когда «быть» подменяется «казаться». Еще хуже другое. Вещизм все более явственно избирается многими в качестве посредника в различных утилитарно-обменных формах общения. Это выражено в известном условии взаимоотношений: «Ты мне — я тебе». В этих условиях, как справедливо замечает Л. В. Коновалова, рост потребностей не идет на пользу человеку, а напротив, огрубляет и обедняет жизнь, ибо «престиж потребления настолько высок, что люди перестают стесняться друг друга в обнаружении своих ненастных желаний, страстей. Скрывать начинают отсутствие желаний и средств к их удовлетворению, недостаток оперативности в добывании благ». Справедливость данного утверждения вполне очевидна.

Ничто в мире не существует само по себе. Ни крупные накопления денег, ни гардероб, укомплектованный «не нашими» нарядами, ни унитаз золотистого

цвета, ни холодильник с «нашей» икрой и балыками. Кроме малодоступности всего этого и многого другого возникает проблема цены его добывания. И уже не о деньгах речь. Цена — обесценивание самого человека.

Потребности человека, являются ли они выражением необходимости, или только представляются таковыми, всегда открыты для субъективных извращений. Верно, духовный суверенитет личности непререкаем. Однако в таком вопросе, как удовлетворение материальных потребностей, не все вещи непременно должны становиться желаемы и не все желаемые вещи могут быть отнесены к разряду необходимых, то есть требовать сиюминутного удовлетворения. Существуют и очередность, и степень настоятельности, и уровень целесообразности, полезности, соответствия принципам справедливости и целый ряд других характеристик отношения людей к желаемым вещам. Так или иначе «вмешательство» разумных доводов в пользу желания или наоборот, вопреки ему, всегда благотворно сказывается на всем нашем образе жизни. По крайней мере не так уж трудно «вычислить», что для овладения вещами нужна предшествующая деятельность непосредственных производителей этих вещей, работа продавца, наконец, наша собственная зарплата. «Чем больше у человека потребностей, — писал П. Гольбах, — тем больше он зависит от тех, кто в состоянии удовлетворить их». Иначе говоря, проблема «человек — вещи» есть не столько материально-вещная, сколько собственно человеческая, этическая. «...Люди оказывают вещи (деньгам) такое доверие, — писал К. Маркс, — какого они не оказывают друг другу как личностям». Это и есть расчеловечивающее действие вещизма, всевозможных форм накопительства.

Вещи обогащают быт, создают внешнюю ком-

фортность жизни, но не судьбу, как принято говорить. Ибо богатство заложенных в человеке потребностей несоизмеримо ни с каким количеством вещей, ни с какой фантастичностью роскоши. Разумное удовлетворение любых потребностей или удовлетворение разумных потребностей может быть рационально понято лишь как употребление богатства вещного мира на развитие богатства человеческой природы, на совершенствование мира духовного и гуманизацию общественных отношений. В конечном счете только это приводит к тому, что «свободно развивающийся человек ищет возможно более большего по объему и разнообразию счастья, которое находилось бы в гармоническом сочетании со счастьем других» (А. В. Луначарский). И наоборот, «чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности» (К. Маркс). Здесь запечатлена философско-этическая идея о несовместимости духовности, человечности с вещизмом. Об актуальности разумного отношения к вещи с древних времен свидетельствует мысль Аристотеля: «Справедливым, — убеждал философ, — человек становится, творя дела справедливые, а умеренным, поступая с умеренностью, а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком». Мы видим, что человечность всегда связывалась с принципами умеренности и справедливости, а эти две категории напрямую связаны с потреблением. И только нарушаются эти принципы, только становится больше вещей за счет этого нарушения — меньше становится самого человека.

Научно-объективный подход к самой проблеме разумного или фетишистского отношения к вещам обнаруживает довольно обширный круг соприкасаю-

щихся и взаимопересекающихся факторов и обстоятельств — вещизм и вещизм порождает реальная жизнь. В наших условиях — это, как правило, дефицитная, самоедкая экономика, питающая всевозможные спекулятивные отношения и разжигающая страсти потребительского излишества. Об этом разговор впереди. Здесь же пока идет фактический, так сказать функциональный, разбор вещизма, его мотивационного единообразия.

Итак, вернемся к поставленному вопросу. Читатель помнит приведенную выше формулу вещизма: накоплению вещей и денег нет предела. Многочисленные встречи и беседы автора с опытными работниками правоохранительных органов, знакомство с судебными делами только подтверждают это. А вот одно из запоздалых признаний: «Увидела за окном цветущий каштан и словно в первый раз заметила его красоту. Но у окна-то — конвоир...» Вот когда только заговорил в человеке разум — через конвоира. Как опасна роскошь, коль из-за нее забывают люди об огромной ценности времени, о неприкосновенности жизни и достоинства других людей, о неповторимости своей собственной жизни, о великой ценности горького опыта других. Вещизм все ставит с ног на голову, все извращает до абсурда, порождает несправедливость, а жестокость доводит до самых ужасающих проявлений. «Философия» вещизма вмещается в лаконичной фразе: «Хоть час, да мой». Варварская идея!

В отличие от плюшкинского, современный вещизм возведен в несравненно более высокую степень. Он обычно не собирает, чтобы обладать «про запас». Вещи нужны ему не по нужде, а больше для самодовольства, для игры воспаленного честолюбия, для развлечения. Сегодня в разгуле потребительских страстей есть что-то роковое. Самый распространен-

ный тип вещизма — это человек без будущего, он живет наслаждением. Потому он может легко прокутить за один вечер крупную сумму или при добывании ее не задумываясь убить человека.

Известен феномен Ники Турбиной, ялтинской школьницы, наделенной редким талантом совершенно независимо и от жизненного опыта, и от педагогических назиданий воспринимать, ощущать и в поэтической форме изображать мир. Стихотворение «Нули» не просто своеобразно. Каким-то непостижимым образом юная поэтесса высвечивает ту грань бытия, где невозможен плен души перед вещами. Духовность неповторима у каждого человека. Это с одной стороны «откровение», интимная сфера, с другой — какая-то обезоруживающая и очаровательная прозрачность. Я не толкую здесь стихотворение, а лишь пользуюсь своим правом читателя высказать его ассоциативное переживание. Итак, стихотворение «Нули»:

Научусь считать до 10, 30, 100.
И еще очень много нулей...
А что будет потом?
Я останусь маленькой
И шепотом расскажу
Маме сказку
О Красной Шапочке
И о том,
Что бывает страшно
Не только ночью.
Но и днем.
Потому что я боюсь цифр,
В которых много нулей.
Они так похожи
На пасти жутких,
Диких зверей.

В этом определенно аллегорическом мироощущении видится разумное начало человеческих потребностей и интересов. Интуитивное предвосхищение опасности

любой предметной (материально-вещной) множественности, угрожающей расчеловечить душу — неотъемлемое свойство разумного существа, его способность нравственной самозащиты. Страсть к «нулям» в денежных суммах, в предметах внешнего комфорта способна губить человеческую духовность, обесценивать поиск смысла созидательного бытия. Противоречивость же и конфликтность социальных условий и возможностей удовлетворения человеческих потребностей уже не символически, а вполне реально, зримо ассоциируют власть вещей с «пастью жутких, диких зверей». Многочисленные драматические ситуации как нельзя лучше свидетельствуют о том, что распоясавшийся потребитель легко превращается не просто в жуткого дикого зверя, но и в изощренного садиста-зверя. В газете «Советская культура» был обнародован поистине немислимый факт. Некая Ильюкевич в порыве потребительских страстей, пребывая на квартире своего бывшего мужа, устроила громкий скандал. Чтобы не была вызвана милиция, экс-жена перерезала телефонный шнур. А затем она (врач по профессии!) в присутствии двоих уже почти взрослых сыновей умышленно отрезала месячной дочери бывшего мужа левую ушную раковину и скрылась... На мольбы убитого горем отца пострадавшего младенца и требования оперативных работников Ильюкевич выдвинула свое: 738 рублей (потом еще 100), потом заверенную нотариусом расписку об обязательстве выплачивать ежемесячно пятьдесят процентов алиментов вместо тридцати по закону. 738 рублей понадобилось на округление счета в сберкассе до 10 000 руб., а вымогательство незаконных алиментов обещало ее воображению новые и новые нули. Совершенно очевидно, что сколько бы ни было нулей в сумме сбережения, последним нулем становится сам ее властелец, не понявший и не желающий

понять зачем, а главное — как ему жить на земле. Вещизм, накопительство в любых его формах — это лишь жалкая компенсация отсутствия выстраданного разумом и совестью лучшего смысла жизни, потребности жить в согласии с вековыми истинами общечеловеческой морали, искать утоления возбужденного духа. И лишь разум, если взять за неизблемое правило советоваться с ним, способен спасти человека от самой страшной беды — бездуховности.

В одной из ранних поэм Е. Евтушенко есть такие слова:

«...Ставить вещи превыше духа
нам не позволит совесть никогда...
Вещи текучи, как будто вода.
Вещи —
 зловещи.
Мужество, совесть, честь —
 это да!
Вещи!

Отрывок я процитировал на встрече с учащимися культпросветучилища. После стихов в зале установилась особая тишина. На мгновение замолчало и мне. И тут в одном из ближних рядов увидел лицо: печальное, отрешенное, вопрошающее, мучимое тяжкими переживаниями, жаждущее утешения — в глазах слезы... Нас познакомили. Совсем молодая женщина до недавнего сама исповедовавшая идеалы «красивой жизни», совершенно разуверилась не только в вещах, но и в людях. Горячо любимому и, казалось, любящему человеку встретила девушка из «престижной» семьи. Перспектива пересестя из «Москвича» за руль «Волги», с гарантией поступить в перспективный институт, войти на равных в круги столичной элиты — все это оказалось сильнее недавних жарких клятв и обзятий. Ребенок? «Вырастет, узнает жизнь, — написал он в записке, — поймет и

простит, ведь я полюбил другую». Другую ли? В конце нашей беседы она сказала неожиданно спокойным и твердым голосом: «Урок... Теперь знаю, что ложные ценности, как и лживые слова, возвращаются бумерангом. А когда-то смеялась над этими, как мне казалось, книжными премудростями. Нет, это — жизнь. Вот что должен понять сын, когда вырастет. Но мне-то как дальше, как же я?..» И снова то самое выражение отчаяния и скрытой мольбы...

Есть множество тяжких исповедей. Одна из них была напечатана в газете «Труд». В ней отчетливо показана роль вещей в горькой судьбе Т. Батюк из Подволочиска Тернопольской области. Сначала, пишет она, даже не страсть была, а лишь какая-то тяга к вещам, но со временем прорвалась наружу именно необузданная страсть. Покупала — что нужно и что не нужно. В муже видела только плохое, упрекала, что слабохарактерный, что зарабатывать не умеет, и одевается не так, и разговаривает не так, и ест не так. То и дело сравнивала: «Вот у подружки муж — с ним не стыдно в люди показаться», или: «У других и машины, и дачи, и за границу ездят, а мы...» Запил муж, потом завербовался на Север зарабатывать... А она жила весело, беззаботно, увлеклась женатым человеком, ее миром стали наряды, развлечения, рестораны... Преданный муж спился потом и погиб. Сын — возненавидел мать за смерть отца — и вот финал: «Теперь я живу одна... У меня все есть — квартира, дорогая обстановка, дорогие наряды, даже машина. Но что мне во всем этом?..». Что же произошло? Неизбежное. Бумерангом вернулось предательство и вещизм. Понять, осознать, почувствовать, что «чужой любимый», тряпки, пустая жизнь, уничтожающие счастье реальное, земное — это ли не «страшный суд»?

Потрясающую поэму «Ров» написал Андрей Воз-

несенский. «До чего должен дойти человек, — сокрушенно размышляет поэт, — как развращено должно быть сознание, чтобы копаться в скелетах, рядом с живой дорогой, чтобы крошить череп и клещами выдирать коронки при свете фар. Причем, даже почти не скрываясь, оставив все следы на виду, демонстративно как-то, с вызовом. А люди, спокойно мчавшиеся по шоссе, наверное подшучивали: «Кто-то опять там золотишко роет? Да все с ума посходили, что ли?!» Тяжкое, но справедливое обвинение выдвигает поэт против вещизма, против психологии «нового вора», отмеченной особой степенью жестокости и цинизма. И когда он утверждает, что «зверю нужен лишь харч», а «человек родил алчю» — спорить не придется, ибо крыть нечем. Вещизм, потребительство есть тот бездуховный процесс, процесс расчеловечения, который завершается именно алчью. Они несовместимы — человек и алчю.

Все мыслимые и трудно постигаемые мошенничества и зверские злодеяния, связанные с добыванием вещей и богатства, чаще всего показывают в сторону экономики. Прав философ Е. В. Осичнюк, утверждая, что «вещизм и потребительство следует рассматривать не как подражание дурной моде, а как серьезные социальные явления и естественно, что для их искоренения необходимо устранить объективные и субъективные факторы, которые их питают и воспроизводят».

В то же время легко представить вещизм в любой стране, в том числе развитой, с насыщенным и перенасыщенным товарным рынком. И свидетельств этому хоть отбавляй. Как сказал поэт, «все прогрессы реакционны — если рушится человек». А он должен выстоять, именно как человек разумный, мыслящий — и при любой нехватке вещей, и при их изобилии.

Мы возмущены дефицитом многих лекарственных препаратов. И мечтаем о том, что это когда-нибудь кончится. Но никому и в голову не придет оправдывать тех «сестер без милосердия», которые подменяли в ампуле дефицитные лекарства, предназначавшиеся для детей, на дистиллированную воду или димедрол. Грошевую упаковку с дефицитом продавали по 20—25 рублей. Иногда вместо денег брали золотые изделия, меховые шапки. Верно, есть дефицит. И то, что зарплата у нынешней медсестры не ахти какая, тоже верно. Но согласиться с подобными действиями по улучшению своего положения невозможно ни при каких обстоятельствах!

Вещизм голодный и вещизм пресыщенный оставляет открытым вопрос о человеке, открытым для разума и совести. Это — главный вопрос бытия, через который следует и рассматривать и пытаться разрешать все другие вопросы. Как нельзя лучше, искренне и выстраданно сказал об этом Валентин Распутин: «Останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то лживое и недоброе, что уготовлено тебе во многих житейских испытаниях, где трудно стали различимы даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальш, благо и порабощение...» И хотелось бы еще добавить: ...вещи и вещизм, нужда и алчье.

А ВАСЬКА СЛУШАЕТ ДА ЕСТ...

Из сказанного вполне логично сделать следующее заключение: человек потреблять должен, но он может и перепотреблять, потребительствовать. Он не может жить без вещей, но может овеществить самого себя, говоря мягко, до неприличного. Можно, приобретая, изощряться в потребительском гедониз-

ме до безобразия, коллекционируя ассигнации, вещи, драгоценности, ни разу и не задумавшись о колоссальном опыте, запечатляемом в течение веков в мировой литературе, философии, криминалистике, в реальных, доступных личному наблюдению каждого человеческих судьбах. «Меня это не касается, — говорит вещист, — я как все...» и т. д. Вариативность «соображений», мотивов духовной капитуляции перед «системой» вещей практически необозрима, ибо она слишком личностна. Философ В. П. Иванов, отстаивая прерогативу самой личности в нахождении разумной меры потребления, обоснованно выдвигает еще и вопрос о праве кого бы то ни было судить о потребностях других людей. Это справедливо, спорить тут не приходится. Но и проблема тоже остается. Расширяется поток вещей. Увеличивается и легион вещистов. Появляются новые социальные очаги современного «плюшкинизма», ожесточенного и разрушительного по отношению уже не только к личности какого-нибудь экзотического собирателя, но и к социальным ценностям.

В интересной, творчески обстоятельной монографии Донченко Е. А., Сохань Л. В., Тихоновича В. А. «Формирование разумных потребностей личности», изданной Политиздатом Украины в 1984 году, утверждается, что разумными следовало бы считать такие потребности, которые сформировались по мере самого человека как разумного, сознательного общественного индивида, для которого характерны гармония между личными и общественными интересами, многогранность его отношения к миру, всесторонность развития его самого как личности. Можно, конечно, делать какие-то оговорки, в чем-то уточнять приведенное определение. В целом оно оптимально.

Совершенно понятно, что, говоря о разумных потребностях конкретной личности, в качестве «судьи»

подразумевают не разум «человека со стороны», а того, чьи потребности подвергают экономической и нравственной оценке. Обращает на себя внимание, однако, что суверенитет личной самооценки меры и способов потребления имеет объективные, социально обусловленные границы. Указанные авторы резонно подчеркивают значение не просто индивидуального разума как такового, но и общественного сознания личности ее знания социальной жизни, общественных условий удовлетворения индивидуальных потребностей. В итоге все это и будет означать, что каждый человек признает за собой не только право получать блага, удовлетворяющие его разнообразные потребности, но и обязанность быть «разумным, общественно сознательным индивидом», уважающим интересы других людей, общества в целом.

Ключом к пониманию критериев социально зрелого отношения человека к миру вещей, то есть разумного потребления может быть только диалектический метод. В этой связи напомним одно из основополагающих положений К. Маркса. «Наши потребности и наслаждения, — писал он, — порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения». В литературе приведенная мысль на этом часто обрывается. А между тем именно ее продолжение чрезвычайно поучительно: «Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны»². В каком плане утверждается идея относительности наших потребностей? Ответ на этот вопрос не может быть ни однозначным, ни односторонним как это нередко предлагается. К. Маркс имел в виду, что общество, целиком и полностью обуславливая систему потребностей человека, ограничивает тем самым какие-либо произвольные, субъективистские, неестественные

способы их реализации. И потому, хотя и остается в силе момент порождения обществом наших потребностей и наслаждений, доминирующим фактором становится именно «общественная мерка», социально-экономический и нравственный критерий оценки потребностей и наслаждений.

Способ производства, уровень развития производительных сил и этический уровень социальной политики в любом обществе оказывает сильное корректирующее воздействие на потребительское сознание различных групп населения. Общественная жизнь развивается так, что перепотребление, то есть вещизм, потребительство, может наблюдаться рядом с хроническим недопотреблением. «Не перепроизводство, — утверждал К. Маркс, — а перепотребление и безумное потребление, которое, доходя до чудовищных и причудливых явлений, знаменует собой гибель античной государственности»³. Поскольку перепотребление на любом уровне не может представлять именно «общественную мерку», статус относительного фактора обретает не эта последняя, а прежде всего индивидуальные прихоти и вожделения, независимо, внушаются ли они конкретной средой, модой или извращенным потребительским сознанием. «Общественная мерка» в потреблении — это прежде всего учет принципов социальной справедливости, этики взаимоотношений, культуры в целом. Культуры особенно, поскольку именно она отнюдь не исчерпывается комфортом, количеством предметов, служащих для удовлетворения потребностей, а олицетворяет достижение гармонии человека, общества с природой, а вслед за этим и достижение реально возможной для каждой конкретной эпохи. экономики и системы нравственных ценностей, согласованности между общественным и личным идеалами, между личными притязаниями и общественными воз-

можностями, а в конечном счете между материальным комфортом и духовностью.

Возврата «к неестественной простоте бедного, не имеющего потребностей человека» (К. Маркс) не может и не должно быть. Потребности обусловлены «материальностью» самой человеческой природы, а их постоянное возрастание оправдано развитием интеллекта, его творческих возможностей, взаимодетерминацией производства и потребления. Но в то же время лучшие умы на всей нашей планете постоянно высказывают свою обеспокоенность вопиющим отрывом материально-вещных притязаний человека от потребностей своего духовного, нравственного самосовершенствования.

С другой стороны, всюду, где проявляются гипертрофированные материальные потребности, утверждается и социальное лицемерие. С оглядкой на существующее общественное неблагополучие во всем мире, на толпы обездоленных в буржуазных цивилизациях, вещисты от правящих, нередко коррумпированных элит, исповедуя известный с древности принцип «Обогащайтесь!», способствуют расползанию социальной несправедливости, имущественного расслоения, антагонизируют человеческие отношения.

В последнее время обращает на себя внимание факт увеличивающегося расхождения между «идеологическим» отношением к вещизму и реальным стилем жизни. Кто-то очень верно сказал: все хотят переделать мир, но никто не хочет начинать с себя.

О формировании разумных потребностей написано немало книг и статей. Одно перечисление потребует нескольких страниц. Многие публикации обладают значительным познавательным и воспитательным потенциалом. Но многие из этих работ кроме специалистов-обществоведов и отдельных лекторов мало кто читает. Это грустный факт. В течение ряда

лет я пытаюсь анализировать проблематику лекций в Ивано-Франковской областной организации общества «Знание», а также ежемесячный список тем для пропагандистов и агитаторов, публикуемый Домом политпросвещения в газете «Прикарпатська правда». И можно сделать вывод, что тема эта не интересует никого, будто нет ни вещизма, ни острой необходимости хоть как-то «зацепить» в идеологической работе этот глубинный пласт духовной жизни, коммунистического воспитания личности. Конечно, в реальной жизни все складывается иначе, не по научным рекомендациям, а по советам здравого смысла. Но полагаться на здравый человеческий смысл в его обыденности, в вопросах, имеющих прямой выход на понимание смысла жизни, бытия вообще (а потребности таким значением обладают), дело не очень надежное. Бытующие в той или иной среде нравы, стили жизни, стереотипы нередко питают как раз потребительский, мещанский здравый смысл. Он, в отличие от разумного, трезвого, реалистического жизнепонимания, носит, по определению К. Маркса, «грубый характер» по причине своей полной освобожденности от научных знаний, от всестороннего анализа социально-экономических и нравственно-мировоззренческих предпосылок развития и удовлетворения потребностей.

Проблема эта не новая. Евангелист Матфей предупреждал, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное. Однако это предостережение, как и многие другие, мало кого отвращало от желания завладеть богатством. Знаменитый автор «Похвалы глупости» говорил о социальном ханжестве как религиозных, так и светских стяжателей: «Папы, кардиналы и епископы не только соперничают с государями в пышности, но иногда и превосходят их...». Из-

вестен стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, но который, как скажет о нем Ф. Энгельс, «...был первым интриганом при дворе Нерона, ... добивался... подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи».⁴ Проходят годы и столетия. И все повторяется. По-старому видна ситуация, блестяще сформулированная Гельвецием: «Когда я говорю — я надеваю маску, когда я действую — я вынужден ее снять». Что ж остается простым смертным, видящим море несправедливостей, бесстыдство роскоши или слышащим лживую проповедь о том, что бедняк всегда богаче богача? И разве не законно возмущение недоедающего, голодающего призывами ожиревшего не переедать?

В конце концов получается именно по басне: «А Васька слушает да ест». Потребительское «здоровьесмыслие» во всех антагонистических общественных формациях всегда являлось господствующей социальной и тем более нравственной нормой. Богатство там выступает символом жизненного успеха, критерием ума и счастливой судьбы.

Все это заложено в самой специфике капиталистического способа производства и формируемых им механизмов распределения и потребления. Характеризуя в целом буржуазный образ жизни, В. И. Ленин писал: «...либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом человек, ко-

торый заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»⁵.

Жизнь так называемого потребительского общества или общества «всеобщего благоденствия» убедительно, с высоким саркастическим мастерством развенчивается в широко известном фильме Марко Феррари «Большое обжорство». Его герои — представители высших сословий — нашли идеал в патологическом чревоугодии и разврате и в конце концов кончают жизнь самоубийством при помощи обжорства.

Разумеется, это крайние формы потребительства. Но культивирование ложных потребностей, нездоровый ажиотаж вокруг многоликого феномена «престижности» приобретает в элитарных слоях любой страны все более изощренные, безумные и вызывающие массовые формы. В отличие от шестидесятых и семидесятых годов, — сказал известный американский писатель Том Вулф, — сегодня Нью-Йорк сотрясает денежная лихорадка. Раньше образованные люди считали неприличным выпячивать свое богатство, это казалось вульгарным. Сегодня уже ничто таким не кажется... Главным пороком 70-х годов была порнография. В 80-е годы ее место заняла плутография — графическое изображение того, как ведут себя богачи». Все проявления неразумного и опасного расчеловечиванием флирта с вещами, комфортом и роскошью всегда и везде подвергались большей или меньшей философской и нравственной критике. Но вещизм, как уже не раз подчеркивалось, жил и процветает ныне.

Правомерно предположить, что в динамичном, постоянно изменяющемся взаимодействии человека с миром вещей закономерно складывается и работает определенный, мало изученный закон заражения, подражания, наследования. Естественно, далеко не в исм только дело. Экономика, распределение, обще-

ственная мораль, культура в целом остаются базисными факторами воспитания потребностей. Они определяют и масштабы потребительских умонастроений и господствующее идеологическое отношение к ним. Но каналы внушения преимущественно в социально-психологическом, эстетическом, бытовом планах всегда открыты и для других факторов, ведущих к «переходу границы» между разумными и ложными (неразумными) желаниями и потребностями. Они имеют место не только в мировоззрении разных людей в любом конкретном обществе, но проявляются и на уровне межклассовых, межнациональных, межгосударственных отношений. И если потребности во всей их разветвленной системе имеют тенденцию к сохранению своего колоссального разнообразия, то потребительские установки и мотивация конкретных потребителей, ценностное отношение к вещам во многом унифицируются. В более-менее развитых государствах можно сказать, что «все хотят всего», мало считаясь с неизбежными социальными дифференциациями. Различия в потребности по ряду направлений, например, в одежде, обуви, в обустройстве жилищ, в покупке машины изменились в сущности своей и на субъективном, психологическом уровне все чаще воспринимаются как весьма условные.

Этот процесс вполне заметен в современном социалистическом обществе. Период перемещения потребительских приоритетов от ограниченно доступных до общедоступных, хотя и медленно, но все же сокращается. Конечно, даже не каждый министр, академик, генерал имеет возможность приобрести «Мерседес» или яхту Онассиса. О массе рядовых граждан уж и говорить не приходится. Но едва ли найдется министр, академик, генерал, который бы счел себя униженным от того, что и он и рабочий или учи-

тель, инженер, комбайнер ездят на одинаковых «Жигулях». Подобные аналогии можно приводить без конца.

Вопрос, однако, в том, что и отдельные граждане и целые социальные слои, добившиеся высокого уровня благосостояния, находят для себя иные, еще более ложные модели потребления и устремляются к их осуществлению.

Представим себе ситуацию. Отрасль, которой руководит какой-то наш министр, буквально затоварила торговую систему совершенно непопулярными вещами. Тем не менее, наш уважаемый министр с благоволения другого, например, Минфина, Госплана и не только их, упорно догоняет президентов преуспевающих иностранных фирм. К сожалению, не по технологической части, не по конкурентоспособности на мировом рынке продукции возглавляемой им отрасли, а именно по личному стилю жизни. К тому же, одеваясь, обуваясь, между прочим, все в ту же пресловутую «фирму». Не отстает от него ответственный и средний торговый работник, известный и очень нужный другим работникам, ответственным за другие отрасли. Все хотят одеться, обуться, прокормиться, обустроиться «как люди». Не будем лукавить, многое, очень многое можно купить всем и в открытую. Но еще больше остается «за кадром», того, что можно только «достать», только выклянчить, выудить, спекулировать, утянуть в конце концов. Так и получается: на прилавках чего-то нет, но люди-то носят, едят, пользуются.

Порочно организованная и порочно управляемая экономика — первый виновник массового потребительского психоза, разлагающего общественные нравы, обесценивающего духовные основы человеческих взаимоотношений. В этих условиях постепенно и неотвратимо обесмысливается главенствующий

принцип социализма (да и только ли социализма?): потребление — финал трудового процесса, знания, профессионализма, трудолюбия, энергии, предприимчивости и необходимых для конкретных обстоятельств различных заповедей.

Опыт застойных десятилетий показал, что чем больше наше общество отдалялось от ленинских экономических предначертаний и социально-экономических принципов, тем больше, в обход всех трудностей, расползался вещизм. Каждый рядовой работник каждый факт возрождения сословной психологии среди высшего управленческого корпуса, а затем и среди самых различных промежуточных групп вольно или невольно вынужден принимать за «общественную мерку» и показатель жизненного успеха. Практические уроки жизни буквально принуждают все большее число людей из самых различных общественных групп подгонять свои цели, образ жизни своих семей под поведение ничтожного меньшинства пресыщенных, обласканных «от имени общенародно-го» государства бюрократических кланов.

Известный советский философ В. И. Толстых указывает на то, что среди различных форм потребительства едва ли не самой опасной является «противоречие между тем, что человек дает обществу или своим ближним, и тем, что он от них требует, желает получить, часто незамедлительно и независимо от реальных возможностей. Этот вид потребительской психологии наиболее коварный, хитрый и тревожный, так как воспитывает неуважение к творчеству, отучает относиться к созиданию нового как главной цели и смыслу деятельности человека».

Очень верное наблюдение. Попробую хоть в какой-то мере приоткрыть социальный контекст этой мысли.

Обычно авторы публикаций, идеологические ра-

ботники всех рангов, заостряя внимание общественности на социальной аномальности, на превышающих реальные общественные возможности и личный трудовой вклад притязания отдельных людей на жизненные блага, не всегда указывают, кого это касается прежде и больше всего. А это как раз и необходимо. Борьба с вещизмом, пропаганда истин социалистического образа жизни и присущих ему разумных потребностей могут быть успешными лишь тогда, когда они точно адресуются и глубоко отражают интересы и чувства конкретных слоев населения.

Возьмем такой пример: закоренелый взяточник, коррумпированный чиновник и пресловутый вор-несун. У каждого из них сложились определенные взгляды на жизнь, отношение к обществу, к вещам и духовным ценностям. И тот, и другой, и третий посягает на неприкосновенное: общественную либо личную собственность, на социальную справедливость, на свое же нравственное достоинство. Но было бы неверно обвинять их по одной статье: «потребительство, вещизм». Вор-несун далеко не всегда вещист и паразитический тип потребителя. Взятчик — да!

Вещизм, живущий по принципу «васькизма», очень сложное, синтетическое явление в советском обществе. В социальном плане — это собирательный тип. Ни принадлежность к той или иной социально-демографической группе, ни профиль жизнедеятельности, ни тем более национальная принадлежность или вероисповедание сами по себе еще не создают каких-то специфических обусловленностей потребительского умонастроения. Есть вещисты во всех слоях населения, во всех возрастных группах и рекрутируются из них хотя и в разной мере. Все они с необходимостью подвергаются большему или меньшему воздействию системы общественного воспитания и микросредовых

(семейных, различных групповых, случайных, ситуативных и т. д.) «обстоятельств жизни». И в этой связи есть необходимость выяснить в общих чертах вопрос об условиях, порождающих групповую, нередко клановую психологию вещизма, социальную природу вещиста «по натуре». Это чрезвычайно важно хотя бы только потому, что иным путем нельзя подобраться до Васьки — потрошителя складов и баз, предназначенных для справедливого распределения жизненных благ в социалистическом обществе.

Система производственно-снабженческих и распределительных отношений, сложившихся в СССР после свертывания нэповских, хозрасчетных и кооперативных ленинских начал, в течение десятилетий все больше отдалялась и от ленинских принципов распределения по труду и рационального потребления.

Собственно экономическая сфера по нарастающей драматизировалась в результате ее подчинения абсолютному диктату ведущих надстроечных институтов и прежде всего административно-командным методам планирования и управления.

Сегодня уже каждому непредвзято мыслящему человеку совершенно ясно, что эти методы оказались в корне порочными. Они уродливы в своем фанатическом самодовольстве, чванстве и волюнтаризме и еще (об этом нельзя не сказать) — в бесчеловечности. Созидательный потенциал командно-нажимного стиля организации общественной жизни и манипуляционных принципов социального управления в целом оказался более чем скромным. Его известная эффективность в экстремальные периоды нашей отечественной истории не покрывает всех производственно-технологических, социальных и особенно гуманитарных потерь и отставаний от целого ряда развитых государств. Гласность в условиях осуществляемой в обществе перестройки позволяет всем советским лю-

дям найти ответы на многие мучительные вопросы относительно того, что с нами произошло, почему так сильна инерция застойно-культовых настроений, и, наконец, что питает сегодня самоуверенность антиперестроечных элементов. Наконец-то мы добились признания настоящей и главной правды о своем обществе. Ведущие экономисты, публицисты, историки просветили разные стороны одной беды. Семь десятилетий эйфорического самообольщения относительно общенародной социалистической собственности подвергнуты серьезной экономической переоценке. Мы увидели, что весь уклад нашей жизни в его экономических, мировоззренческих и социально-этических реальностях опровергает догматизм формальных лозунгов. Среди них особое мировоззренческое и смысло-жизненное значение имели утверждения о том, что каждый гражданин СССР является хозяином своей страны, что все у нас делается для человека и во имя каждого трудящегося человека. На самом же деле только фанатически преданным ленинским идеям социализма и высокому профессионализму, только исключительно мужественным, нравственно стойким людям типа Н. Амосова, С. Федорова, В. Стародубцева удавалось утверждать свое чувство хозяина, и как правило, не далее чем на своем рабочем месте. Ценой потерь, значительно превосходящих победы. Десятилетиями в нашем обществоведении под видом классовой бдительности и коммунистической идейности насаждалась неприязнь к самой постановке проблемы гуманизации социалистической экономики и демократизации общества в целом. Идеи «социализма с человеческим лицом», «гуманного социализма» и т. п., хотя в строго научном отношении и не являются ни безупречными, ни убедительными, ни по-настоящему конструктивными, все же поворачивали нас (и себя, кстати, тоже!) к реальности. Они

не с неба свалились. Мир зарубежный, буржуазные социологи и политологи, включая и откровенных врагов социализма, оказывается, знали намного больше о нашем обществе, чем мы сами.

Истории понадобились десятилетия, партии и обществу потребовалась революционная перестройка, чтобы народ узнал правду обо всех «помешательствах» паразитирующего на инерции революционного энтузиазма трудящихся масс махрового бюрократизма, узурпировавшего власть и общественную собственность. Понадобилась максимально возможная для четырех лет возрожденческой политики социализма гласность для того, чтобы лидер революционной перестройки М. Горбачев едва не впервые после В. И. Ленина снял толстый покров вульгарной спекулятивности с понятий «человеческий фактор» и «социальная справедливость»; чтобы академик Л. Абалкин без оглядки на высокую звездноносную грудь смог констатировать беспрецедентное для Всемирной истории явление — «ничейность», бессубъективность экономики мировой державы; чтобы экономист В. Селюнин отважился публично назвать сталинско-брежневскую модель экономики «самоедской», то есть бесчеловечной; чтобы дошла наконец до массового читателя книга ярких и зажигательных очерков-размышлений «Экономика в человеческом измерении» Д. Валового; чтобы вышли из разряда «непатриотической крамолы» мысли А. Нуйкина, Н. Шмелева, Г. Попова и многих других пытливых, честных и глубоких умов. Благодаря всем им мы возвращаемся к истокам социализма — к пониманию смысла личной и общественной собственности, к нравственным основам нашего мировоззрения — к ленинскому пониманию социальной справедливости.

Мы оказались живущими как бы в перевернутом мире. До того все запуталось, переплелось, наслои-

лось, что на часто задаваемый в массовых и даже пропагандистских аудиториях и на страницах печати вопрос о том, в каком же обществе мы жили столь долгое время, и опытный лектор не всегда решается на четкий, однозначный ответ. И в задачу автора не входило предлагать такой ответ. Но одно совершенно очевидно и это непременно нужно осмыслить: советское общество было повергнуто в пучину бюрократического субъективизма и чиновничьего произвола, извративших и обесценивших в массовом сознании социалистические идеалы. Перестройка — способ убыстренной передвижки к прогрессу. Весь парадокс реальной ситуации состоит в том, что для движения вперед необходимы во многом и одновременные возвраты назад. Сущность, идеалы и конечные цели социализма нужно осознать изначально с ленинской эпохи, с более ранних периодов рабочего и коммунистического движения. Иначе не «перестроится» наше мышление, не преодолются частнособственнические, потребительские подходы к жизни в условиях дефицитной, «самоедской» экономики, вопиющего произвола и беззаконий в сфере распределения.

Как утверждает Л. И. Абалкин, и не он один, у нас нет субъекта общественной собственности, то есть хозяина. Все верно. Однако нельзя забывать, что есть еще одна грань реальности. А именно: возможность извлекать из данной ситуации личную выгоду порой в совершенно неконтролируемых масштабах и ненаказуемых формах. И с этой точки зрения можно смело утверждать, что у нашей многострадальной, отвоёванной у царизма общественной собственности есть «хозяин» (лучше было бы сказать распределитель). Это — командно-бюрократический аппарат, иерархи сферы снабжения и обслуживания, люди, задействованные в механизме распределения.

В идеологическом и нравственном плане противо-

речие между социальной эффективностью непомерно раздутых управленческих структур и мерой личной соприкасаемости их работников с проблемой дефицитности жизненных благ, конечно, может иметь различные объяснения, порождать как принципиальные партийные оценки, так и различные слухи и кривотолки. Важно добраться до истины.

Отсутствие частного владения средствами производства в условиях социализма еще не обеспечивает устранение внеэкономической индивидуальной и групповой привилегированности в сфере потребления, когда организационно-политически, юридически, идеологически и нравственно не обеспечены гарантии от возможности и безнаказанности служебных злоупотреблений против социалистического учета и контроля, за мерой труда и потребления.

Обюрократившиеся и зарвавшиеся в нескромности чиновники — люди сплошь безыдейные. Им наплевать на вопросы о том, в каком обществе мы живем: в обществе разумного, безумного или хронически низкого потребления. Им-то всегда недурно. Как раз вот эта общественно-формационная неопределенность, вечное переходное состояние экономики и нравов им и нужно. Частнособственнический уклад им чужд не идейно, а потому что в нем требуется энергия, ум и профессионализм. Там надо рисковать, терпеть неудачи и кризисы, платить за просчеты и малейшие самоублажения. Бюрократу на паруснике под социалистическим вымпелом это не выгодно. Но и социализм настоящий ему несподручен, ибо это строгий учет и контроль масс (их органов и затем поголовно всех) за мерой труда и потребления. Им хорошо что-то «между». Придумать броские лозунги, сверстать хорошие планы и, не умеючи делать дело, увлечь массы «догонять и перегонять» других, призывать «экономить экономику», взывать к совести бессове-

стных бракоделов», работающих на допотопном оборудовании и... жить припеваючи при любом исходе этих кавалерийских набегов на связанные в тугой узел общественно-экономические и социальные проблемы.

В таком реальном контексте велась у нас долгое время и пропаганда искусственно сконструированных критериев образцовой модели якобы уже построенного развитого социалистического общества, якобы уже утвердившегося, достигнутого, то есть, как считал В. И. Ленин, вошедшего в быт, в привычки, нового образа жизни и т. д. Все это логически завершалось требованием бороться с проникновением из-за рубежа вещизма, точнее сказать, модных штанов, блузок, колготок, курток и массы других отнюдь не раритетных предметов. И многие старались, без понимания того, что не в вещах дело, а в организации дела, и в чувстве собственного достоинства, а еще в бескорыстии и скромности.

Проповедь гуманизма и справедливости, говоря словами В. И. Ленина, вне характера собственности на средства производства, есть тупоумие мещанина и филистера. Проповедь же разумных потребностей при виде личного благополучия повинных в общественном неблагополучии — еще большее тупоумие и шарлатанство, хотя бы потому, что созерцаемое благополучие всегда «терроризирует» совесть и волю масс, не имеющих никаких привилегий. «...Государство, — говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, — не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни»⁶. Понять это нетрудно, подчеркивал он, и «...тут мы заранее обеспечены сочувствием беспартийных рабочих и крестьянских масс. Нам надо лишь шире эту мысль распространить и практичнее поставить на местах эту работу»⁷. Как уже подчеркивалось, В. И. Ленин не только проповедовал, но и исповедовал доктрину ра-

ционального и особенно справедливого потребления. Альберт Дж. Вильямс дал меткую социальную интерпретацию большевистской эпохи потребления: Ленин переносил лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства. Известно множество трогательных, буквально потрясающих свидетельств о той непреклонной, неумолимой скромности и щепетильности, которые В. И. Ленин положил в основу социалистической модели потребления. В его огромном философском, идейно-политическом и публицистическом наследии нет ни одной статьи, которая специально была бы посвящена социалистическому образу жизни. Но сам феномен ленинского стиля жизни, равно как стиль жизни семьи Ульяновых, когорты профессиональных революционеров, наркомов ленинского правительства стали нагляднейшей энциклопедией поступков, очаровательной симфонией глубоко осмысленных альтруистических деяний, отмечающих малейшие сомнения кого бы то ни было в абсолютном бескорыстии нравственного энтузиазма и собственно революционно-пролетарского аскетизма. Не только по собственному волеизъявлению, по требованию разума В. И. Ленин ограждал себя от малейших попользований к вещизму. Здесь была безотказно действующая система социально-этических принципов, высочайшая политическая культура, традиции которой всегда поддерживались и пропагандировались лучшими гражданами Отечества и отмечались глубочайшей симпатией даже идейными противниками социалистических идеалов. Не может никого оставить равнодушным, к примеру, признание одного из президентов Франции В. Жискара д'Эстена. Как нечто сокровенное высказал он уже в полуофициальной обстановке свое впечатление о пребывании в кабинете и квартире В. И. Ленина: «Я счастлив, что посетил этот музей. Меня долгие годы мучила

мысль — в чем сила Ленина, в чем исток его непобедимости. Здесь я понял, — в бескорыстии. Он ничего не хотел для себя. Все, что он сделал, он сделал для своего народа, для своей страны. Он обязан был победить, иначе это было бы слишком несправедливо».

Скромность, бескорыстие, нетерпимость к «реальному крохоборству» потакающих пресловутым «человеческим слабостям» были его личными выстраданными аргументами в отстаивании долгосрочных перспектив социальной политики большевизма, продолжением идеи равенства и справедливости, распределения продуктов «по научным соображениям»⁸. «Мы должны, — настаивал он, — постараться построить государство, в котором рабочие... с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств»⁹.

В биении ленинского сердца, в пульсации его разума и социальной совести в каждой из многочисленных ситуаций ощущается большая тревога вождя Октябрьской революции о возможности появления групповых имущественных интересов, прямо или косвенно оправдывающих производственно немотивированные, незаконные, безнравственные, наконец, способы распределения и присвоения общественного продукта. Именно отсюда берет свое начало святая ленинская ненависть к воровству, мотовству и особенно к взяточничеству, казнокрадству, радению о личном привилегированном благополучии при нерешенности неотложных социально-экономических программ, призванных кроме всего прочего укреплять веру в коммунистический идеал, развивающих живое социальное творчество масс.

Если «философия» вещизма всегда или почти всегда заканчивается выдвижением несправедливых, незаконных и потому уже неразумных требований к обществу в вопросах личного благосостояния, тогда

неизбежны и такие явления, как взяточничество, коррупция и т. д. А если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет, как говорил В. И. Ленин, речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам¹⁰. Именно это явление расцвело пышным цветом. В период безудержного восхваления нашей политики сформировалась саморазвивающаяся система круговой поруки, коррумпированного чиновничества с его телефонным, протекционистским правопорядком.

«В период застоя, — констатировал бывший министр внутренних дел СССР А. Власов, — формировались не просто гнездовья, а целая система расхитительства, взяточничества по горизонтали и вертикали во многих отраслях производства, снабжения и сбыта, торговли... Не вдаваясь в детали причин экономической преступности, можно, однако, утверждать, что она связана и с общим положением в нашей экономике, когда производитель, труженик в сущности, отчуждался от государственной и кооперативной собственности, утрачивал положение заинтересованного хозяина». Именно положение в экономике и положение в общественном сознании и нравах, отвечающих за положение в экономике, позволявших себе годами бесстыдно лгать всему миру об этой экономике, явилось главным источником социальной апатии многих людей, их примиренчества и сближения с мелкобуржуазной психологией собственности и вещизма.

Как особо разлагающие социалистическое сознание личности следовало бы выделить три фактора:

1) Нарушающие коренные принципы социализма привилегии работников органов государственного, общественного и производственно-снабженческого управления; 2) сложившийся и идеологически закрепленный механизм лицемерия в вопросах социальной по-

литики; 3) обусловленное двумя предыдущими факторами и ставшее нормой реагирования административное, партийное, юридическое попустительство в отношении любых антисоциалистических, антинародных действий политически и нравственно переродившихся вещизмов-преступников.

Угроза произвольного «самовознаграждения» партийно-советского аппарата возникла еще при жизни В. И. Ленина и больше всего этим, а не философско-аскетическим умствованием можно объяснить ту неистовость, с которой В. И. Ленин и все его единомышленники ограждали себя от всяких попыток кого бы то ни было прибавить им оклад, доставить книги, предоставить другие льготы. В. И. Ленин тут же объявлял их незаконными, несправедливыми, отказывался от них и так или иначе взыскивал с искренних и совершенно, между прочим, нравственно беспорочных работников. Страницы эпистолярной и документально-мемуарной ленинианы не оставляют никаких сомнений на этот счет. Все многообразие стратегических нравственных установлений большевиков-ленинцев очень точно и недвусмысленно выразил Ф. Э. Дзержинский: «...Отказываться от жизненных благ, чтобы бороться за них вместе с теми, которые их лишены...», — писал он еще за три года до Октября, писал не в юбилейном докладе — в «Дневнике заключенного», адресуя эти строчки своей жене.

Социалистическую революцию, диктатуру трудящихся масс нередко обвиняли и обвиняют по сей день в жестокости. Тоскуя по доброте человеческой, бескорыстии «впередсмотрящих», милосердию и сострадательности ближнего, иные люди с надеждой взирают на христианские доктрины любви и добротворения. Но на счету Революции есть несколько не уступающие христианским добродетелям гуманистические ценности. В воспоминаниях первого наркомздрава

Н. А. Семашко есть такие слова В. И. Ленина: «Мы, взрослые, поголодаем, но последнюю щепотку муки, последний кусок сахара, последний кусок масла мы отдадим детям. Пусть лучше эти тяжелые события лягут на плечи взрослых, но всячески пощадим детское население». Перед нравственным взором многих современников возникают ленинские высказывания, идеи, а главное — поступки. Бессмертным уроком бескорыстия стала жизнь наркомпрода А. Д. Цюрупы, перенесшего два тяжелых голодных припадка. В XXI книге «Ленинского сборника» есть по этому поводу запись: «За неосторожное отношение к казенному имуществу (два припадка) объявляется А. Д. Цюрупе I-е предостережение и предписывается немедленно ехать домой... Ленин».

Обидно и горько, что бескомпромиссное большевистское отношение к привилегиям еще в двадцатые годы было сочтено многими партийными руководителями неуместным, изжившим себя явлением. Лиха беда начало. Уже в одном из первых произведений советской литературы романе А. Головки «Бурьян» запечатлен этот контрреволюционный по существу перекосяк в отношении к деликатнейшей из сфер общественной жизни — социально-нравственной. Еще на втором году Советской власти пластинка с речами В. И. Ленина, как выразился герой романа Матюха, устарела. А потом, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Марксистско-ленинские этические принципы все больше размывались и расценивались не более как не имеющая приложения к новым условиям музейная экзотика.

Повелением Сталина, как известно, были введены «пакеты», то есть двойные, тройные и т. д. тайные месячные оклады лицам партийного, советского, административного аппарата, не облагаемые никакими налогами, недоступные и партийным взносам. Вместо

ленинского гласного «партмаксимума» вводится тайный сталинский «партминимум». Прав Ю. Черниченко, увидевший в тех «пакетах» «бомбу замедленного действия». Ублажая все возрастающие потребительские аппетиты новой разновидности фараонства, сей механизм «пакетирования» разлагал и ум, и честь, и совесть многих партийцев и других работников управления. Умножаемые на так называемое «комчванство», привилегии периода сталинского триумфаторства становились, быть может, самым крепким фундаментом процессов коррумпирования и мафиизации органов власти, чиновничьих поборов в период влывания Брежнева, с одной стороны, и нравственной деградации, политической апатии, поползновений к низкопоклонничеству и угодничеству со стороны низов — с другой. Можно согласиться с публицистом и в том, что акт «пакетирования» аппаратчиков с неотвратимостью дает многочисленные разветвления, что привилегия тайного бездефицитного жизнеобеспечения тиражируется. Оно распространилось буквально на все сферы жизни: на доступ к образованию и информации, культуры в целом, на пользование достижениями здравоохранения, на качество питания, на быт. Словом, мы имеем опаснейший из социальных эксцессов, в результате которого появился на свет государственно-бюрократический «васькист», надменно взирающий с высоты пьедесталов на проносящийся семью этажами ниже взрыленный житейскими проблемами человеческий разлив. Старые большевики примечали много важных деталей в отношении В. И. Ленина к привилегиям. Он не только очень конфузился и отрекался от различных продовольственных посылок, мелких подарков, от малейших попыток славословить в его адрес, но, как свидетельствует Н. К. Крупская, при решении любых вопросов спрашивал себя: «Что скажут об этом рабочие?».

Последующие руководители, за редким исключением, как свидетельствует история и многие живущие очевидцы, не очень утруждали себя размышлением над огромного социального смысла ленинским вопросом. Расчет, можно предположить, был прост: а что они — рабочие — могут сказать о том, чего они не знают и не видят? Так, в унисон этой подленькой, жульнической логике появляется, «разветвляется» и «тиражируется» закрытая система гарантированного снабжения продовольственными товарами высших стандартов, другими видами жизненных благ.

Не часто встречаются в огромном потоке литературы факты проявления в наши дни святого отношения работников управления к примеру ленинского бескорыстия и его высочайшей социально-этической рефлексии. В книге «Этика инженера» В. Нестерова, И. Иткина и Н. Соколовой (Свердловск, 1969 г.) приводились следующие слова директора одного из уральских предприятий: «На нас, хозяйственных руководителей, смотрят тысячи глаз. На нас смотрят, какие у нас квартиры, что едим, покупаем, как одеваемся, разговариваем, действительно ли мы делим с народом не только радость побед, но и трудности борьбы».

Недурно было бы, чтобы современные наркомы вышли на свет со всем своим образом жизни, чтобы сама общественность могла определить, кто беспокоится о том, что о них скажут рабочие, а кто считает это наивным морализаторством. «Два года назад, — говорил летом 1985 года известный публицист В. Коротич, — я пришел к двум членам Политбюро и сделал наглое предложение: разрешите репортеру нашего журнала провести с вами несколько дней, с утра до вечера? Что вы едите на завтрак? Что делаете на работе? Что в это время делает ваша жена? Просто рассказать, какой вы человек. У меня ничего не получилось».

В. И. Ленин, как известно, связывал успехи воспитания с пропагандой живых, конкретных примеров и образцов из всех областей жизни. Из рассматриваемой сферы (распределение, потребление, культура быта и нравственных отношений, социальное поведение руководящих работников, этика семейного воспитания и т. д.) в пропаганде и воспитании приводится как раз менее всего положительных примеров и образцов. А может, они потихоньку отмирают и изгоняются из нашей жизни? Быть может, оттого и к образцам и примерам из героического прошлого советского народа столь много скептического отношения? Ох, не легкие вопросы, драматичные.

Последовательный курс КПСС на развитие демократии и гласности, послесъездовские вскрытия социальных гноинок коррупции, взяточничества, бюрократической круговой поруки, ряда других злоупотреблений партийной, государственной и хозяйственной властью иногда наталкивается на стремление некоторых высокопоставленных должностных лиц отгородиться от очистительной правды, оживить и оправдать перестроечными аргументами сталинскую деспотию и брежневскую демагогию, попытки блокировать широкое общественное обсуждение атрибутов власти, в том числе установления гласного контроля за всей совокупностью широко практикуемых льгот.

Масштабы распространенности и узаконенности привилегий свидетельствуют сами по себе об уровне социалистичности общества, о мере уважения государственных и общественных органов власти к социалистическому идеалу всестороннего и гармонического развития всех членов общества. Если привилегия институтируется в условиях протекционистской, таинственной корпоративности, то есть в интересах только непосредственно причастных и приближенных к власти слоев населения, это значит развиваются

попятные, несоциалистические тенденции, уводящие общество от коренных социальных и духовных предположений марксизма-ленинизма.

Партии и правительства, быть может, ни на чем не приобретают столько авторитета и в равной мере не теряют его, как на их отношении к атрибуту власти и прежде всего к границам своей привилегированности. На этом отношении можно безошибочно определить мировоззренческую и нравственную зрелость любого ранга лиц, осуществляющих власть от имени народа. Можно утверждать с уверенностью, что когда огромные массы людей подвергаются испытанию миром вещей, то результат этого испытания зависит во многом от того, как переносят испытание властью и выгодами от должности правящие круги. Это присуще всем общественным системам.

В ряде братских социалистических стран, которые, как и СССР, столкнулись с аналогичными экономическими и социальными трудностями, эти вопросы довольно активно прорабатываются, дискутируются и освещаются средствами массовой информации. Поражает сходство проблем. Один пример из подготовленного советским журналистом О. Лосото обзора писем, адресованных польскими гражданами в ЦК ПОРП и редакцию газеты «Трибуна люду». «Был я недавно в государственном учреждении, — пишет один из авторов. — Пальмы, ковры... Чем выше чиновник, тем богаче обставлен кабинет, тем дороже ковер. Я ходил по кабинетам, чтобы решить вопрос с крышей, которая уже несколько лет протекает. Меня поразил контраст между этими люксовыми кабинетами и моей дырявой крышей. Может, впечатление мое и было несколько иным, решишь наболевший вопрос быстро и эффективно. А то говорят мне: нет материалов, денег. В таком случае, к чему дразнить людей этими хоромами?» И еще отрывок из приве-

денного в том же обзоре другого письма: «Вообще говоря, существует слишком много разного рода привилегий. Люди это используют, особенно те, кто в течение многих лет привык обходить предписания, приспособливать их во благо себе (привилегии в налогах, оплате жилища, пользовании транспортом, бесплатное лекарство, служебные автомобили, разные доплаты и т. д...)».

Эти два человеческих документа специально приведены, как говорится, извне, чтобы читатель сам уловил логику мысли, сравнил их с массой писем идентичного содержания и социального настроения, но написанных советскими людьми, опубликованных в «Правде», «Известиях», «Труде», «Огоньке», почти во всех органах печати. Но вот что странно. Несмотря на известную вынужденность этих писем (как правило, не от легкой жизни они пишутся), их несомненно социалистическую направленность, отношение к ним отнюдь не однозначное. Казалось бы, всем радоваться должно от того, что идеология разумного потребления, принципы социальной справедливости, неприятие трудящимися любых форм излишеств и расточительства все больше утверждается в общественном сознании. Так нет же, многим это не нравится. И происходит это как раз потому, что в письмах, дискуссиях, в других формах социального общения нравственному осуждению подвергается привилегия, идейно деконсолидирующая общество, наносящая ущерб его нравственному здоровью. Другим социальным фактором, так или иначе стимулирующим вещизм, является, как уже отмечалось, социальное, моральное двуличие опеределенной части людей. Оно — прямое порождение несовершенства экономических отношений, социальной политики, обуславливающих в свою очередь известную типизацию потребительских стилей жизни.

В социалистическом идеале нет места лицемерию относительно потребностей существования и развития человека. Но отношение к нему должно быть реалистичным, недопускающим иллюзий, абстрактно-идеологического очищения нравов. В не извращенных никакими конъюнктурными спекуляциями коренных человековедческих положениях марксистско-ленинской теории постоянно проводилась и проводится мысль о сильной, иногда всеохватывающей подержанности личности влияниям общественного бытия, среды, обстоятельств, традиций, привычек, нравов и т. д. Это относится и к большей или меньшей массе людей, которые, по оценке В. И. Ленина, в определенных обстоятельствах могут поддаваться далеко не передовым настроениям.

Социализм, особенно в его начальной, средней фазах развития, не дает каких-либо законченных, присущих ему (в идеале) моделей нравственного поведения в сфере потребления. Общество, более или менее успешно приближающееся к идеалу социализма, являет собой лишь специфическое «поле боя» за утверждение новых ценностей, в том числе и новых установок относительно создания для нормальной жизни материально-вещной среды.

Во многих мыслях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина отмечаются социально-этические преимущества трудящихся перед владельцами капиталов и сокровищ. Однако острая, безвыходная нужда и обнищание, по их мнению, нередко толкает и простых людей на безнравственные, а то и жестокие поступки. Крайней степенью деградации бедствующей женщины, к примеру, считалось одолевающая инстинкт материнства жестокость английских трудящихся женщин. В. И. Ленин не просто предполагал, а был убежден в том, что воспитанный и развращенный капитализмом пролетариат, взяв власть в свои руки, сам еще стоит по ко-

лено в грязи, не может в одночасье стать поголовно чистым, культурным и т. д.

Основатель социалистического государства, к сожалению, не успел многого сделать в условиях народовластия для резкого повышения культурного уровня масс. Подчеркнем, не образованности, не грамотности, а именно культурности, цивилизованности. И та задача большевиков, которую В. И. Ленин квалифицировал как самую трудную после взятия власти — воспитание нового человека, — эту задачу решали уже другие, и конечно же, не с ленинскими подходами, но вопреки его нравственным ориентирам. Особенно разительным было отступление от марксистских идеалов, от ленинских предначертаний, от традиций, образцов и принципов большевизма в понимании этики коммуниста и прежде всего коммуниста-руководителя. Проходившая в 1924 году дискуссия по важнейшим вопросам партийной этики не была случайностью. И то, что ее инициатором была Н. К. Крупская, знавшая как никто другой нравственные уроки всей многогранной жизнедеятельности В. И. Ленина, тоже не случайно.

Интервью, которое недавно дал «Правде» известный ученый-этик А. Гусейнов, многое проясняет. В том, что возникла необходимость возвращения морального авторитета партии в условиях перестроечного процесса, сомневаются разве что стопроцентные социальные «инфанты». Глубина же корродированности образа жизни многих из корпуса управленцев столь очевидна и значительна, что невольно задаешься вопросом: Где? Когда это началось?

На основе сохранившихся публикаций о ходе упомянутой (и единственной!) дискуссии о партийной этике и других документальных источников А. Гусейнов с полным основанием констатирует: «Еще в 20-е годы в партии началось расслоение. Выделяет-

ся бюрократическая верхушка. В определенных слоях партийной иерархии появилась тяга к «красивой» жизни, к роскоши в быту. На законной основе идет имущественное расслоение — и ЧК (или ОГПУ) здесь уже бессильна помочь...»

Тогда же не только появились первые признаки тех пережитков в социальной сфере, которые во многих отношениях предопределили трагические сдвиги в общественном сознании и морали, когда все этажи бюрократической пирамиды образовали замкнутый круг в вертикальной и горизонтальной цепи обмещанивания и злоупотреблений властью. Разрыв между все более перерождающейся частью аппарата и низами (мало- и среднеобеспеченными слоями трудящейся массы) увеличивался. Поскольку же господствующей идеологической нормой в общественных отношениях провозглашалась идея коммунизма — общества равенства, справедливости, свободы, трудолюбия, социального творчества и всеобщей ответственности — нарастало противоречие между теорией и практикой, идеологической доктриной и практической моралью, между приспособительным, конформистским мироощущением многих трудящихся и самодовольным коммунством, лицемерием той части партийцев, которые злоупотребляли своим положением, не брезговали ничем для доступа к теплым местечкам, сулящим все большие и большие выгоды от коммундизма.

Из воспоминаний старой большевички З. Немцовой («Огонек». — 1988. — № 27) можно понять, что практически после XVII съезда (победителей и расстрелянных) партии начались по стране банкеты. Каждый местный вождь теперь получил право устроить официальную пьянку. Руководящий народ входил во вкус жизни. Дальше надо только цитировать: «Владимир Полонский, начальник политотдела Министерства путей сообщения, все звал нас к себе на

дачу,.. хотел показать, как он там все устроил... У дверей нас встретил швейцар в ливрее, дальше — горничная. Нас провели в гостиную.... За обедом за спиной крутились лакеи. Я сидела, как каменная, молчала, потом не выдержала: «Что же это ты, красавец, творишь?» «А что? Каганович считает, что мы, руководители, ни в чем не должны нуждаться». «Да как ты можешь?! Ведь ты член партии с 1912 года, был скромным человеком. Что с тобой, Володя, стало?» «Брось ты всю эту муть, идущую от Чернышевского... И я тебе не Володя, а Владимир Иванович!».

Ну, я встала и ушла. Это был уже не большевизм».

Что же это было? Какие этапы прошло в своем развитии, как спросил бы В. И. Ленин, чем стало?

Случай, описанный З. Немцовой, был тогда еще, очевидно, относительно редкостным. Уйдя от нового высокого благоденствия «Владимира Ивановича», нетрудно было отыскать просто Володю, надежного товарища, человека скромного, порядочного и нестяжательного. Впереди трудности нового уровня и качества.

Злоупотребление властью, незаконные привилегии, стремление к несправедливой, обособленной благоустроенности были бы невозможны или легко устранимы, если бы не появилась, не набрала хода адская машина бюрократизма. Если не удастся вполне оградить общество от этого зла, по Ленину, самого худшего и опасного врага социализма, о культуре человеческой жизни, о системе разумного потребления остается только мечтать.

Бюрократизм — это такой режим властвования, которому чужды чувство меры, идеал рациональности и человеколюбия, подлинной справедливости. Это своего рода «театр абсурда». А единственное, чему не угрожает бюрократизм, — появлению излишеств,

возрождению психологии сословности и социального лицемерия. «Сущность бюрократизма, — писал С. Орджоникидзе, — именно заключается в том, что чиновничий аппарат обособляется от масс, превращается в привилегированное сословие, управляет народом не через него, а стоит над ним». В ходе упомянутой выше дискуссии 1924 года видный марксист-большевик Е. Ярославский говорил: «Мы... боремся... против того, чтобы государственные средства употреблялись в личных интересах и чтобы это употребление приводило к отрыву от рабочей массы, к тому, чтобы создавались две совершенно различные группировки... Отсюда — худшие виды бюрократизма — пренебрежение к рабочей и крестьянской массе, отсюда — погоня за буржуазной обстановкой в личной жизни».

Тенденция аморального, противозаконного имущественного расслоения, о котором говорили Е. Ярославский и многие другие общественные деятели первых советских лет, особый размах приобрела в 30-е годы. Культ личности Сталина, благословившего эпоху кровопролитных беззаконий, открыл широкий шлюз и для перерождения социалистических умонастроений относительно бытоустройства и личного стиля жизни. Суровая обстановка массовой сталинско-бериевской инквизиции во многом способствовала превращению обычных человеческих слабостей (иметь побольше вещей) в стойкие стереотипы массового потребительского сознания. И утверждались они в жизни, начиная с зашторенных кабинетов власти.

Социальное лицемерие достигло своего апогея в годы руководства Л. Брежнева, — в эпоху, знаменующую, по утверждениям тогдашней официальной пропаганды и науки, построение развитого социализма. Л. Брежнев, как никто другой до него и рядом с ним, разглагольствовал об опасности потребительских диверсий буржуазного образа жизни и необходимости

противопоставлять ему социалистические принципы потребления. Слушая и читая его выступления, мы ловили себя на мысли: вот здорово, что руководитель партии и государства лично призывает народ к потребительскому смирению. Тяжела расплата за ошибки доверия — утрата веры в формальных лидеров и их призывы.

Гражданин СССР, такой же, как и все из более чем четвертьмиллиардного населения, партиец с членским билетом № 1 и т. д. и т. п. явился воплощением и низменного плюшкинизма, и изощреннейшего фараонского расточительства, и если смотреть на вопрос по большому счету, крупномасштабного социального паразитизма.

Притчей во языцех пробрежневских пропагандистских кампаний стали лозунги «единства слова и дела», «чтобы лучше жить, надо лучше работать», «активную жизненную позицию — каждому советскому человеку» и, конечно же, «жить по труду и потреблять разумно». В жизни все шло иначе. Были не просто отступления от лозунгов и призывов, сбивающих с толку миллионы легковверных «идеалистов». Демонстрировалось паразитическое потребительство, издевательство над возможностями среднестатистического потребителя, у которого, как однажды похвалился Л. Брежнев, «есть хлеб и до хлеба», надругательство над правильными и высокогуманными положениями партийных документов.

Ответить на вопрос о главном вреде достигнутого кульминации социального лицемерия весьма непросто. Не выходя за рамки темы «Разум и вещи», хотелось бы особо выделить наиболее важные моменты.

Еще в далеком прошлом было замечено, что общество подвержено законам подражания, законам, имеющим значение всеобщности. Известный исследователь законов подражания Ж. Тард писал: «Со-

циальный организм по существу своему подражательный и подражание играет в обществах роль, аналогичную с наследственностью в физиологических организмах». Исследователи различных сторон механизма социального подражания сходятся в том, что движение подражания развивается по нисходящей. Например, находящемуся на вершине пирамиды общественной системы и власти монарху (либо по-другому именуемому высшему иерарху) подражает двор. Двору подражает придворная служба, а этой последней все другие слои.

Спорно, однако, утверждение Ж. Тарда о том, что силу стремления подражать высшей иерархии ускоряет, увеличивает рост благосостояния народа. Это верно скорее всего лишь отчасти. Может увеличиваться число миллионеров, владельцев автомобилей, собственных домов, больших состояний, но к благосостоянию всего народа все это имеет весьма сомнительное отношение.

Несомненно, что привилегированное перепотребление каких-то групп населения является большим социальным злом. Оно разлагающе воздействует на состояние экономики и общественного сознания, порождает очень противоречивый механизм социального управления, в котором причудливо совмещаются, сращиваются различные ретроградные социально-экономические явления с новейшими идеологическими спекуляциями. Попытаемся проанализировать некоторые особенности взаимодействия сословно-групповых привилегий и общественной психологии в сфере потребления.

Совершенно естественно, что движение подражания порождает психологию всеобщего соперничества и конкуренции. Но эти две тенденции развиваются в строгом подчинении социальной структуре. К. Маркс пришел в свое время к пониманию того, что «...при

отношениях рабства господя рабовладельцы не испытывают никаких стеснений из-за того, что работники не конкурируют с ними как потребители». Гениальная мысль К. Маркса и сегодня служит как бы методологическим ключом к пониманию общественных отношений в сфере распределения материальных и духовных благ. В определенной степени она применима и к условиям, при которых и в социалистическом обществе может складываться система групповых привилегий, не подтвержденных экономическим эффектом жизнедеятельности этих групп в масштабах государства, в интересах всех членов общества.

Говоря словами К. Маркса, отсутствие подлинной демократии и утрата надежды на возможность лучших порядков всегда вызывает всеобщую апатию и деморализацию. Экономические и нравственные предпосылки и последствия социальной апатии тесно взаимодействуют и чаще всего взаимно дополняют и усугубляют друг друга. Об этом можно судить хотя бы по все более частым публикациям периодической печати. Известно, например, что в стране ежегодно задерживается от полтора до двух миллионов мелких расхитителей государственной собственности («несунов»). По данным правоохранительных органов, растет число индивидуальных и групповых преступлений против личной собственности граждан (квартирных краж, разбойных нападений с ограблением и др.), нередко с тяжкими исходами, существует разветвленная система хорошо организованной и координируемой преступной деятельности. Нравственность в торговле и сфере обслуживания нередко приближается к абсолютному нулю. По данным Ивано-Франковской областной прокуратуры, в г. Ивано-Франковске, например, обнаружена такая тенденция. Раскрываемость преступлений против личной собственности выше по сравнению с этим показателем относительно

собственности государственных предприятий. О чем это говорит? Органы милиции более эффективно пресекают те преступления и посягательства, которые зачастую совершаются втайне от других. На производстве это сделать значительно труднее, если не невозможно вообще. Выводы сделать нетрудно. Сложилась атмосфера экономического подстрекательства массового растаскивания материальных ценностей, с одной стороны, и административного и нравственного попустительства — с другой стороны.

Сегодня вряд ли можно убедительно и внятно доказать, что в нашем обществе в качестве господствующей утвердилась социалистическая собственность на средства производства и особенно на монополию социалистических принципов в распределении. Собственность государственная — это да. Но в государстве, весьма далеком от зрелой модели правового государства, в обществе с закостенелым до недавнего идеологическим мышлением и механизмом безапелляционно-бюрократического управления во всех сферах жизни создается прецедент симбиоза элементов капиталистической и социалистической форм собственности. В результате этого в обществе с недостаточным уровнем реализации, воплощения в производстве и потреблении, в духовной жизни и повседневном быту собственно социалистических начал, возникли и приобрели значительные масштабы две негативные тенденции. Первая — это оживление явлений и процессов, отчуждающих личность от ее собственной человеческой сущности, от гуманистических идеалов и результатов ее труда. Вторая характеризуется тем, что несовершенство общественных отношений, неадекватность их социалистическому идеалу, усугубляемая совершенно очевидным обострением противоречий между идеологическими доктринами и повседневной практикой, диктуют человеку конформистское миро-

отношение, внушает ему спорадически сменяющие друг друга состояния от социальной эйфории до крайних форм уныния и скепсиса. Происходит с неизбежностью то, что, по справедливому замечанию философа А. М. Мосорова, внушает людям безальтернативную нравственно-мировоззренческую установку на потребительскую адаптацию, беспринципное приспособление к данным общественным отношениям.

Тем идеологам и различного ранга руководителям, которые до недавнего усердно, с пониманием своего лукавства или без оного, вдалбливали массам убеждение в «явлении народу»... развитого социализма, очевидно, следовало бы напомнить некоторые социально-экономические взгляды марксизма. Значение этих взглядов, по меньшей мере, дает понять, что разумно организованное экономически и управляемое политически общество приобретает наибольшее число преимуществ как перед классическим типом буржуазного уклада жизни, так и перед идеологизированным стереотипом общества пока только устремленного к социалистическому идеалу. От худшего можно приближаться только к лучшему. Но не сумев добиться лучшего, неизбежно возвращаешься к еще более худшему. Это можно вполне зримо связать с современным капиталистическим и некапиталистическим, развивающимся обществами.

Подразумевая современное ему буржуазное общество, Ф. Энгельс подчеркивал, что в экономическом отношении оно является самым неразумным и непрактичным, какое можно только себе представить. Одним из важных аргументов такого заключения послужило то, что огромное количество рабочей силы расходуется таким образом, что общество не получает от этого никакой пользы, и что значительное количество капитала тратится совершенно бесполезно и

не воспроизводится. Массы продуктов, писал Ф. Энгельс, произведенных с величайшим усердием, распространяются по убыточным ценам. «Через сколько рук должен пройти каждый продукт, прежде чем он попадает в руки действительного потребителя... сколько спекулирующих и излишних посредников вторгаются между производителем и массовым потребителем»¹¹.

В одной аудитории я услышал: это о нас сказано. Это мы так неразумно производим и так головоломно, несправедливо распределяем! Так ли безосновательно это возражение, чтобы его патриотически начать немедленно опровергать? Так ли «прозрачно и разумно» организована наша жизнь, чтобы пускаться с ходу в защитительную полемику, не греша перед истиной?

Многое сместилось во времени и в социальном пространстве. Мы видим, что капиталист новейшего времени далеко не всегда, мягко говоря, «воюет» против другого капиталиста, как и тот или иной наемный рабочий совсем не обязательно враждует с другим таким же наемным рабочим. Да и не на этот ли момент конкурирующей экономики мы возлагаем немалые надежды в нашей перестройке? Понятием «бесчеловечной конкуренции», «загнивающего, умирающего капитализма» наша пропаганда долгое время придавала абсолютный, едва ли не мистический смысл, как, между прочим, и социалистическому планированию.

Когда мы видим под лучом «Прожектора перестройки» сотни и тысячи несуразностей, чехарды на транспортных линиях и т. п., горы сгнившего винограда, овощей и фруктов, привезенных в столицу за тысячи верст, о гектарах выхоженного трудом, но припаханного урожаем, дымящийся уголь на задворках бастующих шахт, когда слышим, как из года в

год министерские и прочие дяди разыгрывают спектакли перед многомиллионной телепубликой, как тогда не задаться вопросом: это ли разумно организованное производство и распределение? По данным Госкомстата СССР, в январе 1987 года на личных счетах в сбербанках страны находилось 242,8 миллиарда рублей, к 1 декабря того же года — 257,4 миллиарда, а на 1 сентября 1988 года — 280 миллиардов рублей. Люди стали богаче или беднее — это вопрос особый. Речь сейчас о другом. Распределение этой суммы свидетельствует об образовавшейся огромной «вилке» имущественных состояний различных категорий населения и отдельных граждан. В литературе уже приводились, например, данные выборочных обследований сбербанков одной из республик, где на 3 процента вкладов сосредоточено более половины общей суммы организованных сбережений. Предположение, что у 3 процентов и остальных 97 процентов населения республики одинаковый объем сбережений, вполне заслуживает доверия.

Не злоупотребляя термином «бедность», скажем: есть у нас не только жестокая власть бюрократа, но и унижающая человеческое достоинство и социальное самочувствие людей власть нужды, дефицита и очередей. Нужды, между прочим, не надуманной, не какого-нибудь модника, а той изнурительной нужды честного рядового труженика, у которого лекции о разумных потребностях и вреде вещизма вызывают справедливый гнев. Мысль живая и честная, «исповедная» в «Литературной России» (1987. — № 43) несколько режет слух, но не может оставить в равнодушии к себе. Вот она: «Разве мало и сейчас в нашем обществе людей, по-настоящему нуждающихся, всю жизнь ломавших хребет на непосильной работе, а теперь получающих грошовую пенсию, лишенных возможности даже вручить трактористу требуемую

«бутылку» за вспаханный огород?» Вряд ли найдутся серьезные, а главное столь же человеколюбивые контраргументы против сказанного.

Удивляешься, с какой лихостью, с каким митинговым энтузиазмом бравируют некоторые авторы и лекторы разными «среднестатистическими» показателями «роста» уровня зарплаты и благополучия «в целом». Односторонним, застойно-апологетическим рассмотрением любых явлений бытия человека ничего сегодня не ублажишь и не убедишь.

В начале 1987 года газета «Радянська Україна» опубликовала статью «Нічні метелики», представляющую общественности проблему проституции. Потом были интересные читательские отзывы, было однозначное осуждение этой древнейшей естественно-паразитической профессии. Но вот письмо иного плана. И неожиданным его назвать не могу. Жительница города Вижницы Черновицкой области писала: «...Работаю медсестрой. Живу сама с трехлетним сыном (муж погиб в автомобильной катастрофе). Работа в больнице тяжелая, а получаю всего 90 руб. И мне их не всегда хватает от зарплаты до зарплаты. Приходится экономить, воздерживаться от покупок. Словом, я не одна получаю такую зарплату... Вот вы пишете о девушках, которые «торгуют» собой. Я их не осуждаю. Ведь чтобы одеться по-современному, тех 80—100 руб. не хватает. Вот и бросаются в объятья богатых «возлюбленных». Вы бы лучше писали о том, чтобы наша промышленность выпускала модную и недорогую одежду. А обувь для молодежи у нас вообще не купишь. Может, я что-то не так написала, так извините. К.» А за что извинять-то? За правду? Ведь не проститутток же оправдывает К., а на примере своих реальных возможностей показывает нам неприглядные, зафасадные стороны жизни рядового гражданина-труженика.

Повседневному бытию, настоящим потребностям в неэкстремальной исторической и социальной обстановке личность всегда отдает предпочтение перед более отдаленными для нее общественными целями и проблемами. Мерой уважительности к этим повседневным нуждам и запросам личности со стороны государства, всех институтов власти и воспитания, обычно и более всего, определяется ее отношение к нашему общественному идеалу. Иначе говоря, речь идет о действительном, а не декларируемом благополучии людей, которое определяет и уровень их общественной активности, и меру доверия к социальным ценностям, и культуру потребительских запросов.

Общество оказалось в жестокой вилке равно актуальных дефицитов — от наиболее приоритетных до обыденно примитивных. Так, в оценках журнала «Форчун», к которым наша печать отнеслась с полным доверием, достижения научно-технического прогресса представлены в следующих соотношениях:

Направления	США	Япония	Западная Европа	СССР
Электроника	9,9	9,7	4,4	1,5
Новые материалы	7,7	6,3	6,0	3,8
Биотехнология	8,9	5,7	4,9	1,5

Академия наук СССР подтвердила, что советский потенциал фундаментальных исследований в 5 раз ниже американского. Расходы в этой области исчисляются, в целом: в СССР — 2, в США — 15 миллиардов долларов.

Чтобы приведенные данные выглядели не слишком отвлеченными величинами, предложу еще одну таблицу, отразившую некоторые показатели производства товаров народного потребления в ряде социалистических стран, что наверняка влияет на положение с оценками уровней приоритетных отраслей, обеспечивающих социальную сферу.

Обеспеченность бытовой техникой (на 100 семей), шт.	Радиоприемные устройства	Телевизоры	Холодильники	Стиральные машины
СССР	96	101	92	70
Венгрия	149	116	114	100
ГДР	99	119	145	102
Польша	148	114	105	123
Чехословакия	198	122	117	146

Наверное, в этих данных наиболее полно отразилась сущность лицемерной фразеологии брежневщины. Хотя до полноты картины далеко, ибо мало сказано еще о плачевном состоянии нашего здравоохранения, об охране труда, материнства и детства, многом другом.

Ленинская идея о необходимости конкретного анализа положения и интересов различных классов сохраняет свою научно-практическую значимость и сегодня, в условиях перестройки. Вспомним, что высшую цель социализма В. И. Ленин видел в том, чтобы «широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее

легкой, доставляющей им возможность благосостояния»¹².

Когда командно-административный аппарат в условиях им же чудовишно запутанной экономики допускает формирование своего особого интереса в распределительных отношениях — это не социализм. Здесь, говоря словами В. И. Ленина, «вся трудность марксизма и вся сила его» не просто не понятна, но абсолютно извращена.

Бескорыстие авангарда в любом движении, а тем более в трудном деле социалистического переустройства общества обладает большой иммунизирующей силой против психологии и идеалов потребительства. На всех этапах революционного процесса и на любом уровне социального управления пример первых лиц и их окружения, гласность образа жизни, потребностей, интересов и способов их удовлетворения — естественное противоядие от вешизма вообще, особенно же его элитарно-привилегированных, паразитических модификаций.

На XXV съезде КПСС Л. Брежнев провозгласил такой императивный тезис: «Не может быть партийным руководителем тот, кто теряет способность критически оценивать свою деятельность, оторвался от масс, плодит льстецов и подхалимов, кто утратил доверие коммунистов». А ведь все это о себе и множестве переродившихся функционеров.

Вернемся однако к цитате. Из перечисленных требований к партийному руководителю особое общественное значение имеет связь с массами. Не оторваться от них может быть прежде всего и значит не перепотреблять за счет их насущных интересов и потребностей, не глумиться над массой народа своими извращенными вкусами и паразитическим расточительством. Чтобы этого не случилось, нужно социалистическое умонастроение и мировоззрение партийного

руководителя и прежде всего ему, ибо у него всегда больше соблазнов к «вероотступничеству», связанных с властными полномочиями. Чтобы такое мировоззрение утвердилось до уровня принципов, устойчивой линии поведения, необходим в свою очередь высокий уровень этического единомыслия с широкими слоями трудящегося населения, понимания их трудностей и ожиданий. Привилегия и маскирующее ее лицемерие мешают этому, расширяют пропасть между интересами, а вслед за этим и между доминирующими установками этического сознания.

Долгие годы эти вопросы были «запретной зоной» для социологов, социальных психологов, экономистов, работников средств массовой информации. Общественное мнение настолько «заорганизовано», запугано и унижено в вопросах распределительных отношений, что и в условиях перестройки и гласности его переориентация в сторону открытости и гражданской активности происходит очень медленно и, можно сказать, болезненно. Между тем, как отмечает известный советский философ и социолог А. Г. Здравомыслов, необходимы открытое обсуждение всех вопросов управленческого характера, ликвидация особых зон общественных отношений, которые стоят вне критики, вне обсуждения со стороны общественности. Это касается и вопроса о привилегиях, который особенно волнует общественность. Совершенно правильно и естественно для демократии заостряется внимание как раз на тех привилегиях, которые государством не устанавливаются. Они «учреждаются» келейно в тех или иных ведомствах именно вследствие злоупотребления доверием трудящихся, служебным положением и в результате все той же искусственной, самонадеянной, клановой закрытости. Все это неизбежно приводит к подчинению общественных интересов интересам личной наживы или карьеры, которая преимущественно

сама рассматривается многими должностными лицами как путь к безнаказанной, «засекреченной» выгоде.

Для многих несомненно, что между незаконными привилегиями в условиях дефицита жизненных (материальных и духовных) благ и массовыми мелкими хищениями, практикой приписок, взяточничества существует прямая связь. Но совершенно очевидно также, что и одно и другое являются в итоге факторами, разъединяющими интересы представителей различных социальных групп. Процесс эгоизации нравственного сознания в этих условиях нарастает и углубляется, все больше людей стремятся только к личной выгоде, не задумываясь об экологии души, о той социально-психологической и нравственной атмосфере, в которых окажутся будущие поколения.

Инстинкт нравственного самосохранения подсказывает: нельзя, недопустимо консервировать, а тем более наращивать накопившийся за десятилетия морального разложения негативный социально-психологический материал относительно незаконных должностных привилегий, подстрекающих массы на карьеризм, завистничество, подхалимство, лесть, уродующее всех нас двуличие. Вот где корни вешизма и потребительства, а не в штанах и колготках, не в дачах и машинах...

В плане сказанного, в зоне исключительного внимания общественности уже длительное время находятся две социальные проблемы — продовольственная и жилищная. Почему именно эти? Потому, что обе они в равной степени и жизненно важные по существу и запущенные.

Понятно, сколь сложны эти разделы социальной политики и распределительных отношений. Более всего обид и разочарований, жалоб, скептицизма и нравственной деградации личности берет начало именно в этой сфере. Возникает, естественно, вопрос о мотивации

вазии негативного и довольно-таки напряженного социального самочувствия значительной части людей.

О зависти, личной нескромности, склонности к получению незаслуженных благ и т. д. можно, конечно, спорить. Очевидно, и эти низменные страсти имеют место. Но масштабы действия этих мотивов, убежден, окажутся просто жалкими по сравнению с оскорбленными чувствами достоинства и справедливости. Именно идея справедливости «двигает необъятными трудящимися массами» (В. И. Ленин), определяет их умонастроение и отношение к идеологическим доктринам. Не потому ли христианская идеология оказалась такой живучей и в определенном смысле эффективной? Иллюзорность, мистичность, мировоззренческая непоследовательность и жизненная беспомощность религии оказываются вполне способными заражать людей именно идеей братства и справедливости.

Своевольные, корпоративные привилегии для одного даже работника способны нейтрализовать усилия тысячи пропагандистов идеалов бескорыстия и справедливости. Ибо эти привилегии, несправедливость (фактическую, объективно сложившуюся и исторически преодолеваемую) возводят в ранг несправедливости бесстыдной.

В обществе, измученном очередями, страдающем от дефицита продовольствия, качественных товаров и услуг, все более проблематичным становится формирование разумных потребностей и интересов.

Можно ли отнестись к вещизму, например, собственнй дом? Но это же не вещь, возразите вы: дом — собственность, среда обитания, недвижимое имущество и т. д. И все же давайте поразмышляем... Жилище — одна из первейших потребностей человека. Но как и многие другие потребности, она может быть также извращенной, неразумной, превращающейся

при определенных обстоятельствах в ложный ориентир. Признаками подобного превращения является все то же излишество, чрезмерность, мотивирующие не столько удовлетворение самой потребности в жилье, сколько изощренную прихоть тех или иных социально обособленных элитировавшихся групп населения.

Желание жить в благоустроенном индивидуальном доме («особняке») ничего плохого в себе не содержит в принципе. Однако в условиях современного города обеспечение данным типом жилья даже многих — обо всех не может быть и речи — просто нереально. Тем не менее многие люди безумно стремятся завладеть частным домом или так называемыми «престижными метрами», не замечая при этом, что делается вокруг.

Оценивая общесоюзную ситуацию с жилищной проблемой, специалисты констатируют, что показатель обеспеченности жильем у нас значительно ниже, чем в большинстве развитых стран, в том числе во всех странах — членах СЭВ, и занимает место где-то в пятом десятке. Свыше ста миллионов наших сограждан (каждый третий!) имеют меньше санитарной нормы, а норма девять квадратных метров на человека. Каждый седьмой — не имеет собственного жилья. Люди живут в общежитиях, бараках, полуподвалах, следует прибавить, что в десятках городов, в пятистах поселках городского типа вовсе нет водопровода, более трехсот городов не имеют канализации. Положение сельского населения, как известно, и того хуже.

Отрицательные последствия жилищного неблагополучия ни у кого не должны вызывать сомнения. Они должны быть экономически, научно проанализированы и преданы гласности. Выборочные социально-демографические обследования Центрального научно-исследовательского института экономических проблем жилища убеждают в том, что с количеством квадрат-

ных метров тесно связаны здоровье народа, продолжительность жизни, демографические и нравственные процессы в обществе. Общестатистические данные можно было бы подкрепить массой конкретных ситуаций, личностных проблем. Но и сказанного вполне достаточно для того, чтобы снова возвратиться к вопросу о незаконных привилегиях и в этой столь болезненной сфере. Всякие вольности удельных «князьков» в вопросах строительства и распределения жилья порождают нездоровую обстановку ажиотажа, слухи, социальную апатию, психологическую напряженность в коллективах и в общественном мнении вообще. Не исключение и такая издержка, как внушение мотивов подражания, превращение потребности в «здоровой квартире» в особняковую болезнь. Здесь кроется потребительство особого рода, и можно только сожалеть, что многие не видят, как переступается грань, разделяющая разумную нужду и демонстративное излишество.

Кабинет (он же и комната отдыха) В. И. Ленина в Смольном, квартира и кабинет в Кремле, образ жизни большевиков — немеркнущие уроки партийной этики, практическая дидактика социализма. Многими она воспринята и почитается свято и поныне. Совсем недавно в печати опубликован материал о генерале Дугласе (так называли в Испании Якова Смушкевича), с 1939 года — начальника ВВС СССР. Есть там очень показательный эпизод. Во время командировки главиатора страны его семье предлагают осмотреть новую квартиру («соответствующую новому положению»), роскошную, хорошо отделанную и обставленную... «Новая квартира, товарищи, — звонит куда-то Я. Смушкевич, — разве я обращался с просьбой? Моя теперешняя меня и мою семью вполне устраивает...» Тут же обратился к семье: разве нам здесь плохо? Смотрите, как у нас чудесно, как много места и какие

мы все дружные и веселые. Вечером сказал жене: «Как тебе не стыдно. Разве ты забыла, как мы жили в детстве. И сейчас многие живут в подвалах. А какой пример для ребенка?..»

Эпизод этот напоминает не только о великой красоте ленинского бескорыстия, но также о здоровых представлениях о счастье, о разумной мере желаний. Вспомним в связи с этим знаменитую леоновскую «Золотую карету». Герой пьесы солдат-сирота размышляет о счастье: «Человеку не надо дворцов в сто комнат и апельсиновых рощ у моря. Ни славы, ни почтения от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой..., а дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет черный хлеб счастья. Потом они сидят, сплетя руки, трое. И свет от них падает на деревянный некрашенный стол. И на небо». Не этой ли мерой чувствовал счастье и Я. Смушкевич, отказываясь от «соответствующей новому высокому назначению» сверхнормативной квартиры, помня о подвалах?.. Действительно, если жилье способно создавать атмосферу смеха, дружбы, любви, зачем его расширять и менять постоянно. Разве не верно, что новые «метры» порождают и новые проблемы, с которыми «нравственный разум» обычно уже не справляется, верх одерживает психология бездумного подражательства, алчности?

Благодаря взятому партией курсу на очищение общества и самоочищение партии, уже много сделано по восстановлению социальных приоритетов. Много делается того, что по праву можно назвать социальной экспроприацией присвоенных чиновничьими структурами общественных ценностей. Все это не только слагаемые утверждающейся социальной справедливости, но и опосредованно противостоит распространению потребительских поветрий, вещизма, неудовлетворенности своей жизнью.. Крайности, как говорится, взаимопогашаются. И основная масса лю-

дей обычно видит выход в подражании достигшим более высокого материального достатка без серьезного анализа и сопоставления того, какой ценой добыто их благополучие и какую цену придется заплатить самому. Вещизм — это иллюзия легкого пути к благополучию, связанного с отказом от гуманных принципов и риском для чести, достоинства, свободы и нередко жизни, если речь идет об особо опасных противоправных действиях.

Сказанное только подчеркивает особую актуальность восстановления этических принципов большевизма, реализация которых способна сильно «сбивать» температуру потребительских страстей в обществе личным примером. Сила примера, говорил в своем интервью газете «Юманите» Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, воспитывает куда лучше самой красноречивой проповеди. Пример Ленина, Дзержинского, Цюрупы, тысяч лучших сынов и дочерей Отечества всех времен и сегодня поддерживает огонь бескорыстия и разумной умеренности в человеческих сердцах, беспощадно срывая в то же время маску лицемерия с «красноречивых проповедей» суловых, бржезневых, чурбановых, рашидовых и К°.

Диву даешься, сколь социально безответственны и, говоря мягко, неубедительны пущенные в последнее время в газетно-пропагандистский обиход рассуждения, призванные оправдать разлагающие партию и институты власти привилегии. А. Капустин в «Аргументах и фактах» (1988. — № 27. — С. 3) писал: «Вопрос о привилегиях работников партийного аппарата надуман. За 6 лет работы инструктором райкома, горкома партии лично я потерял более 7 тыс. руб., не считая благ, которые имел, работая главным энергетиком завода». Свежо предание, но верится с трудом. Но пусть даже А. Капустин стоит в ряду приятных исключений, сказанное им, как и ссылка на

личный пример, в качестве оснований для сделанного обобщения совершенно несостоятельны, если не спекулятивны.

Посмотрим, что противопоставляют справедливым нареканиям кое-кого из «распоясавшихся» в условиях гласности низов самоуверенные и «непогрешимые» защитники привилегий. Н. Кадыров из Казани, сетуя на мнимые перехлесты общественной критики, писал в «Правде»: «По иным статьям, у читателя может создаться впечатление, что руководящие работники сплошь и рядом только и делают, что блаженствуют в саунах и роскошных особняках. Как будто и не мотается мой знакомый секретарь без выходных с утра до ночи по хозяйствам (попробуй не вмешайся при нынешней-то системе, она же во многих местах пока еще не тронута), будто и не снимают с него стружку в вышестоящих кабинетах за каждое ЧП в районе, за корма и надои, будто и не он в неполных сорок лет с инфарктом в привилегированную клинику...» Жаль, что авторы обзора Н. Кожанов и И. Подсвилов решили обойтись этой цитатой. Но и ее достаточно для понимания духа и целей подобных слезоточивых излияний. Неужели автор надеялся убедить общественность в том, что социальная миссия коммуниста, тем более руководящего и особенно при общем неблагополучии дел в стране, непременно должна сочетаться с вызывающей привилегией в обеспечении благами? Ратуя за истинный, неискаженный образ руководителя в органах печати, Н. Кадыров не заметил собственного «перехлеста», если, конечно, он сам не лукавил изначально. Он видит идеального партийного работника в вечной суете, за все отвечающего на ковре у подножия более высокого номенклатурного кресла, отважно игнорирующего предынфарктные состояния и т. д. Истинно сталинистские подходы к работнику, которому «чуждо все человеческое» (семья, любовь,

воспитание детей, здоровый, не скрытый заборами и «стражами социалистической революции» отдых, пользование общедоступной сферой обслуживания, неформальное общение с рядовыми трудящимися)... Работа на износ в условиях зряшной, бесплодной суеты на уровне производственно-технического дилетантизма и этического неопитизма. Нет, это не идеал. Это его профанация, бюрократическая чадра, за которой прячется как бездушное отношение к тому же партийному работнику, забитому страхом за свою карьеру, так и ублажение его незаконными привилегиями, оскорбляющее уже других. Правильно ставя вопрос о социальной защищенности руководящих членов КПСС, искусно маневрируя между фактами и абстрактными фразами, уходят от сути вопроса о привилегиях ответственные работники в своих интервью и статьях в печати.

Вспомним, как рьяно защищает привилегии товарищ из Казани в «Правде». Но вот в газете «Труд» было опубликовано письмо из той же Казани. В том же июне 1988 года. Называлось оно «Кому достаются престижные метры?» Контекст письма таков: на встрече руководителей города с пропагандистами в президиум поступила записка с вопросом: «Почему в Казани продолжают строить «престижные» дома, квартиры в которых получают большие начальники?» Последовал немедленный и однозначный ответ: «Нет в городе таких домов!».

К письму этому придется еще вернуться. А сейчас познакомимся с письмом в «Правде» С. Карнаухова. Работник партийного аппарата высокого ранга, он также считает, что «много кое-кто разводит «турусов на колесах» вокруг этой темы, надеясь, что неосведомленные люди клонут на эту фальшивую обманку...» Скорый на суд товарищ даже не предполагает, что среди осуждающих и неприемлющих привилегии

могут оказаться и хорошо осведомленные люди. Не хотелось бы срывать на мелкую фактологию и полемизировать по поводу, например, меню в спецбуфетах и спецстоловых, а также содержимого денежных и продовольственных пакетов и т. д. С. Карнаухов усердно повторяет уже набившую оскомину банальную тираду о «трудном партийном хлебе». Пусть вернется читатель к цитате из письма казанца Н. Кадырова и он увидит: и Н. Кадыров, и С. Карнаухов, и А. Калустин черпают полемическую страсть из одного источника, ими движет один социальный интерес.

Защищая «свой круг», они спасают свое общественное положение. И. С. Карнаухов апеллирует к тому же контрпропагандистскому клише: «...Работа по 12—14 часов, без свободных суббот, а часто и без воскресений — обычное дело, — пишет он. — Знаю, среди партработников респостранены сердечно-сосудистые заболевания. Нужны лечебные учреждения и для них, как есть свои больницы у писателей, ученых, на предприятиях, в НИИ...».

Можно было бы поверить автору в его искренность и принципиальность, если бы он в силу своей склонности к аналитическим сопоставлениям и заключениям доказал, что уровень сердечно-сосудистых заболеваний среди партработников намного или просто выше инфекционных заболеваний в Узбекистане, Казахстане, Чечено-Ингушетии, или выше детской смертности там же, или доказал, что свободных вечеров и выходных у партработников значительно меньше, чем у научных сотрудников, военнослужащих, учителей, врачей, ряда категорий работников следственных и других правоохранительных органов и т. д. Но вряд ли опытный да и слишком перегруженный «мотаньем по хозяйствам» партработник возьмется за столь перспективное дело.

В письме С. Карнаухова приводятся факты отно-

сительно новосибирских академиков и местного «гарлема» их меньших научных братьев — докторов и кандидатов. Похоже, автора смущают коттеджи и автомобили академиков, их месячные доходы, оклады других научных сотрудников. В чем-то можно поддержать С. Карнаухова. Демонстрация излишеств, роскоши безнравственна в любом случае и в любой форме. Вспомним хотя бы образ жизни А. Эйнштейна, Л. Ландау, К. Скрябина и многих других.

Но здесь нужно разобраться. Ведь, будучи далеко от Новосибирского академгородка, трудно судить об академниках «А...» и «З...», не зная ни состава их семей, ни профиля, ни масштабов их научной деятельности, ни социально-экономического потенциала ее результатов.

Гораздо интереснее другое. Привилегии осуждаются в обществе скорее всего там, где нет академгородков. Нет ни академиков, ни всемирно известных писателей и артистов и т. д., например, в той же Казани. Читатель помнит ответ на записку из пропагандистской аудитории по поводу строительства «престижных» домов. Ответу этому не поверили. Письмо в «Труд» написал бригадир плотников, которые только закончили работы в одном из таких домов в тихой, уютной улочке. «За 16 лет работы на стройках, — пишет И. Мубарашкин, — мне не приходилось видеть такой продуманной, комфортной, я бы даже сказал — шикарной планировки. Просторные комнаты, в прихожей в футбол можно играть, потолки высотой в три метра. А какая отделка!.. Еще только паркет стелили, а уже на «Волгах» приезжали смотреть жильё будущие новоселы...» Рядом, говорится в письме, другой дом (14-этажный). Стоимость около 4-х миллионов рублей. Сколько обычных девятиэтажек можно было бы построить на эти деньги. В копейку влетает городу квадратный метр престижа! Автор-строитель не

понаслышке знает, что на строительство домов по индивидуальным (номенклатурным) проектам командированы самые лучшие бригады и звенья, снимаемые с плановых объектов, присылаются лучшие материалы, импортная сантехника и т. д. Из письма видно также, что «там, где по плану социального развития должен быть заложен дом для рабочих... СМУ, за 9 лет не забито ни одной сваи, что в городе около 300 семей живут в общежитиях для одиночек, каждый 12-й житель города — очередник». Нет, не зависть двигала бригадиром, рискнувшим пойти на исповедь осведомленного человека, — вера в перестройку, в социализм, неудовлетворенное социальное самочувствие. Накануне XIX Всесоюзной партийной конференции трудящимся широко обсуждался вопрос о моральных качествах руководителей: партийной скромности, демократичности, честности, умении быть всегда справедливым и т. д.

К сожалению, защитники привилегий берут слово уже после конференции. Значит, в чем-то она не оправдала ожидания миллионов трудящихся, не принадлежащих ни к благополучным обитателям академгородка, ни к руководящим товарищам. Ситуация, понятно, не из простых. И быстро и безболезненно решить ее, очевидно, не удастся. Но, как говорится, надежда умирает последней. Пока же идет процесс ускорения строительства и заселения «престижных домов» и коттеджей вдали от академгородков и храмов искусства, совсем рядом с величественными зданиями партийных и административных органов — Житомир... Ивано-Франковск... Тернополь... Луцк... Десятки городов по всей стране, в которых возвращение начальственных домов «курируется» различными службами на уровне местных ударных строек.

«Гуляет» в миру легенда о том, что строительство

таких домов вызвано желанием передать старые особняки многодетным семьям. Прямо трудно удержаться от нежного умиления данной мотивацией. Однако эйфория проходит, как только взглянешь на проектно-сметную документацию новых особняков. Стоимость двенадцатиквартирной трехэтажки — 449 тысяч рублей. Площадь каждой из шести четырехкомнатных квартир — 148 кв. метров и каждой трехкомнатной — 124 кв. метра. Стоимость одной квартиры в престижном проекте в 4—5 раз превышает стоимость ее в обычных типовых домах. Использованы самые острodefицитные материалы, в том числе импортные. Строительство осуществляется в самые короткие сроки.

Но вместо очередного осуждения приведу одно размышление К. Маркса. Уж очень оно созвучно с рассмотренным кругом вопросов. «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, — писал К. Маркс, — но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины...»¹³

Из этой чисто внешней, количественной характеристики К. Маркс идет к выявлению более глубокой качественной сущности данной проблемы. Для истинного коммуниста и великого человека К. Маркса несомненно то, что ставшие потребностями рафинированные вождения демаскируют глубину и масштабы социальных контрастов, учреждаемых в стороне от закона несправедливостей и привилегий. В итоге — духовная придавленность, деморализующее человека социальное самочувствие, которое, при наличии остатков естественного для каждого из нас чувства достоинства, потребности в свободе и признании сталкивает его на проторенный путь подражания и наследо-

вания. Мотивы разные: зависть, соперничество, потребность самоутверждения и возмущения несправедливостью и социальным лицемерием совесть. Суть в итоге одна и та же. Никто не хочет, чтобы его «обходили», а тем более обманывали. Трагедия расчеловечивающего вещизма может разворачиваться как в условиях несправедливого потребления, перепотребления, так и в условиях хронического недопотребления, бедности и нищеты. Причем, есть основания утверждать, что стереотипы вещизма, потребительской психологии чаще бытуют в той среде, в которой люди бедствуют, не пережили радости благополучия и достатка. Стремление к ним, так же как и алчность и пресыщенность квазипотребителей, отодвигает человека от понимания его духовной сущности, внушает ему преклонение перед преходящими (материально-вещными) ценностями.

Однако, продолжим рассуждение К. Маркса: «...Малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромнен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»¹⁴.

Пример с домиками возбуждает очень современные социальные ассоциации, выходящие далеко за пределы собственно жилищной проблемы. Столкновение социальных чувств и умонастроений происходит на гораздо более широком социальном пространстве. И всякий, кто, не лукавя перед временем и собственными убеждениями, решается причислить себя к «уму, чести и совести» нынешней перестроенной эпохи, обязан сделать честный и справедливый выбор.

Лучшие, наиболее сознательные представители народа и партии верны ленинским принципам справедливости. Они понимают, что привилегированное положение различных звеньев аппарата провоцирует коррупцию и угрожающую обществу экспансию стяжательства, круговой поруки, цепную реакцию взаимозаражения и моральной «взаимоамнистии». Как справедливо замечает зав. отделом Института экономики Мировой социалистической системы АН СССР Е. А. Амбарцумов, особый образ жизни — чисто функциональный — ведет к изоляции, к невозможности на личном опыте воспринимать те проблемы, заботы и нужды, которыми живет народ.

Сколько вдохновляющего света излучает в народные массы каждое перестроечное действие, направленное на восстановление морального авторитета партии, на совершенствование отношений справедливости в социальной сфере. Очень показательны в этом отношении две публикации после XIX партконференции. Сам факт их появления опровергает как несостоятельную позицию ряда упоминаемых выше авторов. Делегат партконференции Е. Ауельбеков, первый секретарь Кызыл-Ордынского обкома Компартии Казахстана, в статье «Единственно возможная привилегия» ставит проблему на реальную почву. Логика его рассуждений социально ответственная, справедливая, гуманная. Признавая, что труд партработника нелегок и очень беспокойный, справедливо акцентируя внимание на необходимости оградить его от каких бы то ни было ущемлений по сравнению с другими категориями трудящихся, Е. Ауельбеков свободен от номенклатурных амбиций. Уважение в партии и в народе возможно, по его мнению, заслужить не только самоотверженным трудом, но и бескорыстным служением народу. «...Думается, — пишет далее Е. Ауельбеков, — важно до конца прояснить вопрос о привилегиях, который об-

суждался... на... конференции. Кое-кто считает разговоры о безнравственности привилегий показухой, продиктованной погоней за дешевым авторитетом. Это не так. Может быть, то, что мы пока делаем у себя в области в плане утверждения социальной справедливости, — мелочи. Но если и так, то это, на мой взгляд, важные мелочи. Мы, партийные работники, — плоть от плоти народа. Почему, например, для нас должны возводиться какие-то особые дома? Все дома должны строиться одинаково добротнo...» Первый секретарь радуется первым шагам ПРАВСТВЕННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ в партийных рядах, говорит о «мелочах» большой политики. «Что касается работников нашего областного комитета партии, — пишет Е. Ауельбеков, — то все мы живем в обычных квартирах. Ходим в те же магазины, куда ходят наши соседи, пользуемся общественным транспортом при поездке на работу и домой, получаем в случае нужды общее для всех лечение. Столовую обкомовскую перевели в разряд рабочих. Номера наших телефонов, служебных и домашних, опубликовали во всех газетах. И ничего страшного не произошло. Звонки не мешают ни жить, ни работать. Люди ведут себя уважительно и звонят по делу, звонят тогда, когда не могут не позвонить... Чем скромнее, чем проще будут партийные руководители, тем выше поднимается их авторитет...»

В статье Е. Домнышевой «Секретарь обкома», опубликованной в «Литературной газете», в том же плане рассказывалось о первом секретаре Целиноградского обкома партии А. Г. Брауне. Продовольственную программу А. Браун решил очень просто: закрыл «кормушки» и отправил все в магазины. На вопрос о его периодических рейдах по магазинам с целью знать, что предлагает торговля людям, он ответил: «Считаю это своей обязанностью. Тем более, что спецмагазинов и распределителей у нас нет, все ликвиди-

ровано, и торговые точки работают с равными для потребителя возможностями... Спротивление было, тайное и явное. Обиженными считали себя и те, кто кормился, и те, кто сидел на раздаче, у последних ведь тоже был целый круг нужных людей, которых они обслуживали...».

Что бы ни говорили псевдозащитники единства партии и народа, а правы все-таки Браун и Ауельбеков. Может быть, из таких партийцев, что-то несущих от шолоховского моряка Давыдова, и сплотятся в тесные ряды современные цюрупы, свердловы, дзержинские, возродится живая энергия справедливости, трудолюбия и вдохновенного созидания нового, подлинно социалистического Отечества.

ЭТИКА ЛИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В 70-е годы наиболее четко обозначился процесс миграции «непрестижных» профессий в примитивные малопривлекательные в содержательном отношении, но «престижные» по-своему сферы обслуживания и т. д. Истоки этого явления очень глубокие и сложные.

Идею К. Маркса о безграничности человеческих потребностей В. И. Ленин в новых исторических условиях обогатил главным образом за счет социалистического идеала «всесторонне и гармонически развитой личности». Но, как у К. Маркса, так и у В. И. Ленина, объективная логика возрастания, расширения и развития человеческих потребностей прочно «состыкована» с развитием производства, повышением общей образованности и культуры людей и собственно культуры потребления.

Случилось, однако, так, что этика, культура потребления отодвигались, ускользали, истолковывались либо несвоевременными, либо наивными. И дело зашло слишком далеко. Культура производства в целом очень низка. Принципы распределения труда, критерии оценки реализуемых в общественном производстве индивидуальных способностей размыты. Дефицит нужных предметов потребления, умноженный на дефицит справедливости, неизбежно ведет дело к накоплению социальной несправедливости, а значит и общественной апатии, неудовлетворенности. Процесс этот неоднозначный и неравномерный. В периоды экстремальных исторических условий определенная нехватка жизненных благ и чьи-то привилегии переносятся до-

вольно «стоически», без особых нареканий. Ценности общего благополучия (мира, жизни, свободы и т. д.) — превыше всего. Но эти условия (революция, война, разруха, голод, обширные стихийные бедствия) в целом быстротечны. На смену социальным коллизиям приходят мирные будни, с иными ценностями: социальное самочувствие, устроенный быт, счастье человека, его семья, общества в целом.

Объективными социально-экономическими и духовно-идеологическими факторами в нашей стране были во многом predeterminedены приоритеты в развитии хозяйственной жизни. Высокие темпы экстенсивного развития экономики значительно сузили, а во многом просто обесценили гуманитарную цель социализма — все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей каждой трудящейся личности.

Экономика в советском обществе вот уже в течение многих десятилетий официальной экономической наукой и пропагандой в целом называлась бескризисной, гуманной, плановой и управляемой. Острая необходимость коренной перестройки экономики и, естественно, не только ее, освобождает от поиска каких-либо опровержений. Получается, что экономика наша, именуемая социалистической, так и осталась на уровне первичных, элементарных задач социальной революции. Это — массовая или всеобщая занятость, это обеспечение населения необходимыми, нередко и по сей день весьма примитивными, средствами существования, которые в целом, с учетом всех современных и общепризнанных критериев благополучия и качества жизни, не соответствуют целям и принципам социализма. Это — устранение института частного владения средствами производства и реализации материальных и духовных ценностей. Это — государственная монополия на планирование производства и потребления с учетом сохранения все той же поголовной за-

нятости и неизменности качественного уровня критериев «необходимого» и «должного» в потреблении.

Несмотря на социалистическую в принципе направленность перечисленных экономических нововведений в нашей стране, главные задачи остались нерешенными. Среди них на первое место выдвигаются две: производительность труда и достижение рационального разделения национального дохода по фондам накопления и потребления, а также по регионам.

Неудовлетворительный уровень производительности труда — не только вопрос технологии производства и культуры управления. Он напрямую связан с интересами трудящихся масс. И когда за полосой социальных потрясений эти интересы «по привычке» или по несостоятельности бюрократического мышления игнорируются, — наступает полоса отчуждения, неизбежного «убывания» экономического, созидательного энтузиазма масс. Энтузиазму нужно здоровое «питание», иначе он иссякнет. И этим питанием может быть в неэкстремальных условиях — уважение к жизненным интересам каждого человека, его благополучие, освобождающее от унижительной нужды, способствующее выявлению, развитию и социальной реализации творческого потенциала народа.

Трудно с точностью определить, что послужило причиной долгосрочного перекося в сторону накопления. Очевидно, сказалась наша «авангардистская» заданность в отношении иного, несоциалистического мира. Не последнюю роль, на мой взгляд, сыграли и национальные традиции, способность народов терпеть любые лишения до самой последней черты. Сталину, да и Хрущеву, а особенно Брежневу, была очень близка идея гигантизма. Размах начинаемых дел поразителен. Эпидемия рекордомании, направляемая в самую гущу масс через различные патристические движения, как-то поддерживала «веру в светлое бу-

душее». Но все это внешнее уже не соответствовало нравственному самосознанию растущего числа людей, их социальному самочувствию и чаяниям, открывало «перспективу» обманутых надежд. Многим не так хотелось работать, и это легко понять, сколько «пожить по-человечески», не сберечь и приумножить, а потребить, насладиться, «прожечь жизнь». Большая территория страны, щедрая сырьевыми и другими ресурсами, только усиливали потребительско-иждивенческие настроения, запечатлевшиеся в бытовом фольклоре («на наш век хватит», «после нас хоть потоп», «хоть час да мой» и др.). Теперь потребительская, «валовая» экономика оставляет «при своих интересах» не только рядового потребителя, но часто посягает на святая святых — экологическую безопасность страны.

Конечно, экстенсивное развитие, поддерживаемое мощной идеологической проработкой массового сознания, способно известное время приносить предполагаемый результат. Но только известное, большее или меньшее историческое время. Идеологические, административные и другие допинги, не подкрепляемые верой людей, их собственными убеждениями, вынесенными из жизни, бессильны.

Здесь в самую пору привести очень любопытные выдержки из докладной записки петроградского инженера-электрика Е. И. Моисеева В. И. Ленину. «Необходимо считаться с психологией рабочей массы, определенно выявившейся к настоящему времени: работать за ничтожную плату рабочий не только не может, но и не желает», — писал инженер. И далее: «...всякая неразбериха в оплате труда ведет к величайшей деморализации, когда добросовестные рабочие терпят по сравнению с крикунами и бездельниками (НЕТ ИНТЕРЕСА В ПОВЫШЕНИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА» — выд. авт.). Инженер на-

ставал перед В. И. Лениным на предоставлении оптимальной самостоятельности предприятиям в плане организации производства и оплаты труда. (В. И. Ленин с одобрением выделяет это место!). Е. И. Моисеев доказывал, что «люди не могут годами пребывать в состоянии экстатического подъема и заставить их работать может только экономическая необходимость. На этом прозаическом фундаменте только и можно строить». Забастовочное движение шахтеров Кузбасса, Донбасса и других регионов летом 1989 года доказали это еще раз.

Вопреки конструктивным социально-экономическим установкам пропорция накопления и потребления была, начиная с 1928 года, не в пользу потребления. Статья известного экономиста В. Селюнина «Темпы роста на весах потребления» («Социалистическая индустрия». — 1988. — 5 января) возвращает нас собственно к истокам ленинской социальной политики. Никто в принципе не ставит под сомнение темпы и объемы. Но практика возведения гигантских строек, пристроенных к ним барачных поселений, закладка больших городов на фоне обезлюженных деревень и т. п. — все это результат все того же «перекося» в сторону роста «темпов и объемов». Тот факт, что этому росту неизменно присущи непостижимое расточительство, еще больше отодвигал решение проблемы благосостояния и качества жизни трудящихся. Соответственно шел на убыль и заданный революцией подъем трудового энтузиазма. Показав убедительную динамику снижения доли потребления, начиная с 1928 по 1985 год, автор дискуссионной статьи «дешифрует» нашу благополучную статистику. Оказывается, из 3/4 национального дохода, направляемых в фонд потребления (ФП), только 1/4 промышленной продукции является потребительскими товарами! Иначе говоря, ФП, зарплата трудящихся по-настоящему не отова-

рены. Приоритеты за металлом, за пресловутыми памятниками долгостроя, за годами неустанавливаемым отечественным и валютным оборудованием.

Не здесь ли главная причина «вещной болезни» многих уставших ждать обещанного? Ведь если «экстатический подъем» в труде не вечен, а просто труд добросовестный и качественный надежно не стимулируется лучшими условиями жизни (В. И. Ленин), тогда наступает «экстатический подъем» потребительских страстей, всеобщая «охота» на атрибуты престижного и имущественного состояния. А уж это — «подъем» воистину безграничен в условиях низкой культуры и высокого дефицита.

В сложившейся в стране экономической ситуации при определенной девальвации нравственных образцов социального поведения, возросших возможностях ознакомления многих граждан с товарным рынком других стран, наконец, при запутанной, несовершенной, а главное, несправедливой системе изучения и удовлетворения спроса на качественные товары в некоторых слоях и группах населения стихийно формируются мещанские, упрощенные представления о человеческих потребностях. У многих людей материальные интересы, причем нередко гипертрофированные, совершенно вытесняют важнейшие духовные потребности, не удовлетворяя которые человек вряд ли вообще состоится как человек разумный и гуманный.

Безусловно, личные потребности, как и отношение к любым извращениям, чрезмерным притязаниям (псевдопотребностям) — это, в конечном счете, дело самой (конкретной) личности, ее разума, совести, эстетических представлений и т. д. Но у действительно разумного человека, как уже отмечалось, личные потребности сопоставляются с «общественной меркой», соизмеряются с общественными возможностями и ре-

ализуемыми на благо общества личными способностями. Если за «общественную мерку» условно принять модель или структуру личных потребностей, то надо признать, что на сегодняшний день научно обоснованной модели потребления нет. Конечно, нет оснований настаивать на искусственном конструировании такой модели. Речь идет не о животном, для которого легко вычислить количество кормов и подстилки на год и до убоя. Речь о человеке, потребности которого не только чрезвычайно динамичны, но и адекватны многообразнейшей избирательности его отношений к миру, к природе, к другим людям, к самому себе (все это постоянно взаимодействует, взаимоопределяется). Это выдвигает особые требования к обществу, задающему социально справедливые ориентиры, «мерку» потребления каждому из своих граждан. С одной стороны, необходимо избежать чрезвычайно жесткого нормирования, а с другой — обеспечить воспитание у людей социально ответственных потребностей ориентаций. Это значит, что критерием разумного потребления должен быть не только «строжайший контроль за мерой труда и потребления», но также и высокие нравственные принципы граждан, способные оказывать сдерживающее влияние на их запросы.

Дифференциация уровней «оразумления» потребностей у различных людей, как сказал бы Ф. М. Достоевский, «превосходит всякое вероятие». Это видно по разнообразию стилей жизни. Об этом свидетельствуют исповедальные интимно-сокровенные и социально напряженные письма в газеты, к писателям, публицистам. Об этом же свидетельствует проведенное автором совместно с областной молодежной газетой «Комсомольский прапор» конкретно-социологическое исследование в рамках почти полугодовой дискуссии «Какие мы люди?».

Несколько слов об этой дискуссии. Все началось

со статьи автора «Люди странные и обыкновенные», вызвавшей немало отзывов читателей, причем не только молодых. Все они подтвердили особую актуальность, воспитательный потенциал открытого обсуждения проблемы человека в такой специфической сфере бытия, как потребление. Важно отметить, что редакционная и авторская почта свидетельствуют, что парадокс «люди странные — это честные, скромные труженики, а обыкновенные — склонные к мошенничеству, вещизму и роскоши» довольно приемлем многими. В целом участники дискуссии согласились с тем, что потребительство, как смысложизненная ориентация, неизбежно переносится в экономическую сферу, паразитирует на ее нынешнем несовершенстве и неопределенности. Отсюда и его негативное влияние на уровень общественной морали.

В дискуссии стихийно обнажился тот социально-этический фон, на котором осуществлялось воспитание, в том числе и воспитание разумных потребностей. Один из активных участников дискуссии иванов-франковский юрист М. Кочан нашел весьма удачную формулу этого социального фона: раздвоение совести.

Да, долгожданная пора гласности во всей полноте показала глубину и драматизм этого общественного процесса. Ныне — время духовного исцеления, время исправления и многих взглядов на вещизм. Вчерашним днем стали легковесные, ура-патриотические причитания относительно «заграничных шмотков» (так коррупционеры и их идеологические тренеры называют в газетах для отечественной провинции импортные высококачественные, удобные и прочные вещи), машин, дач и т. д. Все меньше склонных осуждать благополучие без анализа его источников. В то же время авторы многих откликов отстаивали идею возрастания духовных запросов, сдерживающих и гуманизирующих материальные потребности.

На вопросы составленной автором анкеты, опубликованной в молодежной газете, ответило более двух тысяч читателей и отдельных групп желающих... Для анализа было отобрано 1.405 анкет. Предполагалось: а) ответы на закрытые вопросы; б) высказать свои сугубо личные мнения («Особое мнение») по любым вопросам анкеты, не исключая вопросы смежные. Для выяснения жизненных позиций, социально-этической сориентированности материальных потребностей и их связи с духовными запросами опрашиваемого было предложено дать оценку своего материального положения. Как «хорошее» его оценили только 27 процентов, «удовлетворительное» у 58 и «не удовлетворены» им — 15 процентов ответивших.

Из «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»: «Считаю, что людям должна предоставляться возможность честно зарабатывать, кто сколько может (по способностям) и хочет...» (рабочий, 40 лет).

«Каждый хочет получить столько, чтобы иметь возможность приобрести дефицитные вещи...» (рабочий, 26 лет).

«Женщина должна работать меньше, чтобы по-настоящему воспитывать детей. Потому мужчина должен зарабатывать больше... (инженер, 50 лет).

«Почему я не могу заработать больше, если я этого хочу и этого требуют здоровые потребности семьи?..» (буровой мастер, 33 года).

По группе рабочих всех возрастных категорий суждения, подобные приведенным, очень распространены. Как видно, есть среди них крайние и односторонние мнения, поспешные обобщения. Но следует признать, что ни одно из таких суждений-вопросов нельзя назвать безосновательным. Приведенная группа «особых мнений» внушает полное доверие к предложенной форме свободного, искреннего самовыражения. Характерно, что желание иметь деньги, по

данным исследования, подразумевается исключительно как результат желания и готовности добросовестно трудиться. Это — «разумные» деньги, так как они честно зарабатываются и разумно тратятся (нужды по профессии, здоровые потребности семьи и т. д.).

На оценку своего материального положения заметно повлиял статус и возраст. В качестве примера можно предложить соотношение только двух оценок, отраженных в таблице.

Оценка материального положения (в процентах к числу опрошенных)	Предприятия и учебные заведения г. Ивано-Франковска						
	локомотиворемонтный завод	управление буровых работ	институты			средние школы	
			медицинский	педагогический	нефти и газа	№ 11	№ 3
Хорошее	11	7	25	34	20	54	54
Неудовлетворительное	26	34	12	4	10	4	1
Общее число опрошенных	350	200	200	180	80	100	65

(В анкетах редакционной почты данный ответ представлен соответственно 34:9).

Итак, наивысшая оценка материального положения у школьников. Правда, обследованные школы несколько специфичны. В них представлены преимущественно дети интеллигенции, военнослужащих, работников органов управления. За ними идут студенты. Словом, больше удовлетворенности в материально самостоятельных группах. Видно, не всем родителям это дается легко, поскольку среди них, учитывая

и «особые мнения», много нареканий на материальное положение.

Есть основания считать, что удовлетворение потребностей в семье осуществляется непропорционально. Не исключено, что родительские потребности несколько «дискриминируются» в пользу детей. Естественно предположение, что именно здесь, в семье, силой родительского авторитета и власти можно и необходимо пресекать деформации разумных потребностей личности, индивидуализма, преклонение перед вещами, предметами роскоши в ущерб духовному развитию.

Возникает вопрос о том, как влиять на семью, чтобы она как первый, специфический институт общественного воспитания стала активным субъектом идеологического влияния на подрастающее поколение. Очевидно, для этого необходимо прежде всего усовершенствовать (через демократизацию, гласность, упразднение несправедливых должностных привилегий) системы оплаты труда, ценообразования и т. д.

ИЗ «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»: «Надо поднять материальное благополучие трудящихся» (рабочий, 32 года).

«Необходимо более глубоко развивать демократизм, гласность, повысить ответственность руководящих органов. Всячески искоренять: вещизм, нарушения социалистической морали, воспитывать чувства...» (ученик).

«Пусть органы власти больше обращают внимания на удовлетворение разумных потребностей, а всех мошенников, расхитителей, взяточников необходимо ставить на место» (студент, 22 года).

«Дефицитные вещи мне и моим близким знакомым и не снятся!» (рабочий, 43 года).

«Правительство недостаточно внимания уделяет потребностям трудящихся. Существует много нетрудовых доходов. Конечно, за всеми не усмотришь, но

надо же что-то делать, принимать более эффективные меры, в жизни много несправедливости» (ученица).

Очень разные мнения. Но заметна и их внутренняя объединенность идеей социальной справедливости. Безусловно, воспитанию разумных потребностей, социализации нашего общественного мнения относительно культуры потребления во многом должна содействовать среда, морально-психологический климат в трудовых коллективах или любом другом непосредственном окружении.

Общественное мнение по поводу психологии вещизма далеко не везде соответствует коренным критериям социализма. В анкете был вопрос: «Вы бы хотели, чтобы в вашем окружении никто не стремился к обогащению, роскоши?» На первом месте оказалась группа ответов «да». Но как тревожный симптом следует отметить и представительность группы с ответом «нет» и «безразлично отношусь к этому». Вариант «нет» по всей совокупности анкет выбрали от 17—19 процентов (ЛРЗ, вузы, школы) до 38 процентов (группа УБР, характеризующаяся как высокооплачиваемая). Высок процент равнодушных к вещистским ориентациям. Он колеблется от 20 до 40 процентов и наибольшего уровня достиг в группе неудовлетворенных материальным положением из УБР — почти 60 процентов.

Было бы наивным упрощением называть вещизмом желание людей приобрести что-то модное, импортное, иметь хорошую квартиру, дачу... Совсем иное дело, когда эти желания превращаются в устойчивый, доминирующий стимул жизнедеятельности, стержнем самосознания, критерием счастья вне духовных, нравственных проблем общества.

Один из вопросов анкеты звучал так: «Собственный автомобиль, дом (просторную квартиру), дачу, современную радиотелетехнику, предметы роскоши

кое-кто считает основой удовлетворенности жизнью, личного счастья. А какое Ваше мнение?» Ответы (цифры в скобках означают порядковый номер ответа в анкете и его ранговое перемещение по количеству выборов опрошенными) следующие: «Думаю так же» (1—4) — 11 процентов; «Абсолютно с этим не согласен» (2—2) — 12; «главное — взаимная любовь, уважение, искренность и готовность поделиться последним» (3—1) — 50; «в условиях социализма меру индивидуального потребления должны определять трудовые доходы» (4—2) — 24 процента.

Вернемся к группе опрошенных с позицией «Думаю так же». Более половины из них — это люди с хорошим материальным положением (по их же признанию). Меньше всего среди них тех, кто признает необходимость осознать, контролировать меру своих материальных запросов, соизмерять с трудовыми доходами, и преобладают те, кто скептически относится к самой возможности формирования разумных потребностей. Повод такого недоверия к суду разума, конечно, есть. Что и говорить, права инженер-технолог Г. Стефанюк: «Как понять, — спрашивалось в ее письме, — поведение человека, который призывает к разумному потреблению, а сам ходит во всем импортном? Собственно, таким я и представляю себе автора статьи (это обо мне — Авт.). К сожалению, не перевелась категория «теоретиков», которые усердно доказывают, что у нас — все наилучшее, однако сами носят все «худшее» — импортное (утешусь, если на этот раз ошиблась)».

Рассмотренный в предыдущей главе фрагмент о потребителе Ваське убеждает, что для письма Г. Стефанюк оснований более чем достаточно. И, как мне представляется, самым опасным лицемером, растлевающим души, является не только какой-нибудь чиновник, мировоззрение которого не поднимается выше

стола, на котором лежат его химерические отчеты и прожекты; более опасен и мерзок именно, как выразилась автор полемического отклика, «теоретик», лектор, пропагандист, ученый, писатель. В недавно впервые опубликованных дневниковых записях В. П. Ильенкова запечатлено следующее наблюдение о ком-то, безусловно, хорошо известном писателю: «Он писал длинные и многоречивые очерки о социализме, а на даче у себя строил высокий забор, отгораживаясь от своего соседа-писателя и оплетал забор колючей проволокой, как будто жил не в 20 верстах от Москвы, а в дикой пустыне, среди страшных зверей».

Болезнь вещизма, приходится повториться, обусловлена социальными отношениями. Но ее могут обострять или локализовать, смягчать уроки общественной морали, образцы поведения в этом плане авторитетных личностей и социальных групп. Особую воспитательную значимость приобретают именно те, кто выносит убеждения скромности, нестяжательства, верность чувству меры, пройдя испытание полным достатком. А это опять проблема органического сочетания и взаимодействия социально-экономического и духовно-личностного факторов.

В справедливом осуждении нравственного и идеологического лицемерия псевдоучителей разумного потребления есть, однако, много спорного. Это и неоправданные обобщения, и непонимание неприемлемости «уровниловки» в потреблении, а также динамизма структуры человеческих потребностей, как в количественном, так и в качественном отношениях. И еще об одном принципиальном вопросе. Почему-то сложилось мнение, что вещизм часто рассматривают едва ли не как синоним импорта (одежды, обуви, радиотоваров и т. д.). Во всех приведенных выше примерах это имеет место. Вспомним, Г. Стефанюк очень удивлена, как это человек «призывает к разумным по-

требностям, а сам ходит во всем импортном». Это явно неправомерное толкование принципиально разных вопросов: культуры личного потребления и культуры общественного производства. Никто не становится пьяницей исключительно от «Виски». Спиваются и на «Русской водке» и на «Украинской с перцем»... Плюшкин, спекулянты Кораблевы были ненасытными вещистами, специализируясь целиком на отечественных ненужностях и предметах первой необходимости. Дело в другом, именно в лицемерии, например, называть самым лучшим то, что далеко таковым не является. А носить хороший импортный костюм, законно приобретенный — какой же это грех?

Есть и другая крайность. Некоторые люди в потребительстве усматривают один из сильнейших двигателей исторического прогресса. Не спорю, рост потребностей активизирует разум, стимулирует развитие сферы его практического приложения, совершенствует быт, и удовлетворенные экономические и морально оправданные потребности увеличивают ощущение счастья, укрепляют жизнелюбие. Но абсолютизация здесь весьма дискуссионна.

ИЗ «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»: «Такая ненасытность во всех сферах — двигатель прогресса...» (студент, 25 лет); «Что вы понимаете под обогащением, роскошью? Пора сбрасывать кирзачи...» (рабочий, 25 лет).

Нетрудно понять, что здесь мы имеем дело с недиалектическим мышлением, с нарушением чувства меры, когда верная идея (возрастание потребностей в тесном взаимодействии с развитием производительных сил общества и совершенствованием самого потребителя) доводится до крайности, до состояния, которое В. И. Ленин называл «требованием невозможного».

Анализ результатов анкетирования свидетельствует, что наша пропаганда, современное общественное

воспитание явно недооценивают социальную актуальность проблемы этики личного потребления. Например, среднее количество опрошенных, которые осведомлены об этой проблеме (слушали лекции, что-то читали, с кем-то беседовали), едва превышает 55 процентов (от всей совокупности полученных ответов). А в группе с известным уже ответом «думаю так же» этот показатель уменьшился на 10 процентов.

Нельзя сказать с уверенностью, что обществоведы, пропагандисты, воспитатели всех рангов и профилей должным образом, научно помогают широким слоям населения, особенно молодежи, правильно осознать сам феномен вещизма. Странно, к примеру, то, что к вещизму нередко относят любое следование моде, и приобретение дефицитов, и неудовлетворенность качеством многих товаров отечественного производства.

Все намного сложнее. Владение вещами не является вещизмом. Вещизм, или потребительство, начинается с фетишистского отношения к вещам, придания им смыслового значения. В этой связи хотелось бы поддержать ряд принципиально важных положений, отстаиваемых Г. Лисичкиным в его несомненно интересной и в чем-то новаторской статье «Люди и вещи» («Дружба народов». — 1986. — № 1).

Совершенно справедливо утверждение, что люди страдают не от избытка вещей и денег, а от их недостатка и деформированных общественных условий, на которых они им достаются. Понятно и вполне разделимо ощущение попытки «ученых врагов вещизма» (Г. Л.) оправдать дефицит.

В сущности, Г. Лисичкин взял «под обстрел» все то же социальное лицемерие, фарисейские призывы к «недопотреблению», якобы спасающего от сползания общества к безнравственности и бездуховности. Правда, в проблеме «Люди и вещи» писатель и публицист ставит «свои» особые нравственные и полемиче-

ские акценты. Статья в основном направлена против интерпретации вещей и вещизма в ряде публикаций доктора философских наук В. З. Роговина, включая и его монографию «Общество зрелого социализма» (М., 1984). Там, где Г. Лисичкин защищает право и возможность человека хорошо зарабатывать и приобретать вещи, он, безусловно, прав. Приведенные выше «особые мнения» участников дискуссии, также сводились к желанию «заработать, сколько могу, и тратить, как хочу». Это нормально, естественно, когда люди стремятся к более полному и многостороннему удовлетворению материальных и духовных запросов. «...Когда со всех сторон мы видим новые требования, — писал В. И. Ленин, — мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни»¹⁵.

Приведя это ленинское высказывание, хочу вновь напомнить о феномене ленинской скромности, о его быте, о незыблом приоритете в его образе жизни духовно-познавательных и социально-творческих, а не гедонистических устремлений. Хорошо известны и ленинские идеалы социальной справедливости. Эти идеалы не ограничены благополучием ни отдельных людей, ни даже каких-то общественных групп. В целом у В. И. Ленина выделяется три основных направления реализации социальной политики: 1) обеспечение максимально возможными для каждого конкретного периода социалистического строительства благами лучших представителей научно-технической и гуманитарной интеллигенции, создающей материальные и духовные предпосылки совершенствования строя; 2) обеспечение лучшими условиями жизни всех, показывающих образцы высокой производительности труда и 3) развитие и совершенствование социальной сферы в масштабе страны для всех трудящихся.

Объектом особого внимания В. И. Ленина и его соратников в партии и правительстве были, как уже отмечалось, дети, подрастающие поколения строителей социализма.

В этом отношении Г. Лисичкин, очевидно, несколько преувеличивает «уравниловские грехи» В. Роговина, не замечая последовательного отстаивания последним именно ленинских идей социальной справедливости. Взгляды и предложения относительно упрочения принципов социальной справедливости, которые мы находим в публикациях В. Роговина, разделяют целый ряд известных ученых-обществоведов. Сошлемся лишь на одного из них. Это академик Т. Заславская. Многочисленные ее публикации последнего времени в контексте перестройки способствуют развитию именно ленинской диалектики труда и потребления. И Т. Заславская, и А. Бутенко, и В. Роговин как и многие другие ученые, публицисты не дают никакого повода подозревать их в симпатиях к какой-то внеэкономической и внесоциальной уравниловке в потреблении. Но зато как четко, ответственно и убедительно они прорабатывают проблемы взаимодействия «людей и вещей» через призму социальной справедливости. Странно, что авторы некоторых публикаций как бы не замечают этого. Если по-настоящему давать бой «уравниловке», то необходимо брать именно единство производительной и потребительной сфер жизнедеятельности всех членов общества. В условиях несбалансированности материально-технического снабжения производства средств производства и нужных, добротных вещей, даже весьма высокий денежный доход чаще всего олицетворяет не ожидаемое удовлетворение потребностей, а нереализованный покупательский спрос. Деньги есть — купить нечего. Кому не известна эта парадоксальная, ставшая почти общенациональной нормой, ситуация?

Оставшись «при факте», подойдем к этой ситуации с другой стороны. На нашем внутреннем рынке много есть и его можно купить. Но сделать это могут немногие. Прежде всего это работники сферы снабжения и торговли, аппаратчики административных и управленческих органов. Стало быть, проблема не в количестве даже заработанных денег, а в реальной их ценности, объективной, можно сказать, законно реализуемой товарной стоимости. Все упирается в справедливость. Однако, ее торжество в нынешней ситуации не в денежной массе, а в массе товарной. Деньги становятся объектом повышенного интереса потому, что они обещают легкий доступ к дефицитам, скрытое участие в перераспределении общественного продукта. Надо ли особо доказывать ту истину, что по-настоящему стимулировать раскрытие творческого потенциала народа, а именно этим справедливо обеспокоены Г. Лисичкин, А. Батыгин и другие авторы, можно лишь путем рациональной оплаты труда при социально справедливой системе распределения материальных и духовных благ.

Именно этими соображениями руководствуются и Т. Заславская, и В. Роговин, выдвигая свои предложения относительно контроля за доходами семей, пересмотра системы оплаты жилья, рациональных, социально оправданных норм наследования молодыми сбережений и материальных ценностей своих высокообеспеченных родителей и т. д. «Уверенность в прогрессивном характере и справедливости общественного строя, — пишет Т. Заславская, — является важнейшим источником творческой энергии, трудовой активности и хозяйственной инициативы масс... Напротив, частые столкновения с несправедливостью, расхождением слова и дела, беззащитностью добра и безнаказанностью зла, порождают разочарование в об-

щественных ценностях, равнодушие, уход в личные интересы. В лучшем случае это оборачивается общественной пассивностью, в худшем — цинизмом и антиобщественным поведением». Все это для многих выступает сильнейшим катализатором потребительских страстей, открывает шлюзы вещистских поветрий.

Анализ обширного социологического материала, публикаций в периодической печати указывает на прочную связь между «уходом в личные интересы», социальным цинизмом и необузданным вещизмом, потребительской алчностью. Известно также, что в ситуации неоправданности социальных ожиданий к разного рода наркологическим средствам, к любым формам утешения обращаются далеко не все. По преимуществу большинство людей ищут и находят выход именно в чувстве обладания вещами и ценностями.

Вещизм — антипод не только «разумной достаточности». Как было показано, он находится в полном противоречии с принципами социальной справедливости. Точно подмечено, люди значительно легче, спокойнее переносят различные тяготы и лишения в условиях уважения закона, человеческого достоинства и соблюдения социальной справедливости. Лучшим критерием справедливости является труд по способностям и законные формы реализации трудовых доходов.

В авторском социологическом исследовании ставился и был всесторонне проанализирован вопрос: «Что, на Ваш взгляд, более всего способствует распространению психологии собственности?» Полученные ответы отражены в следующей таблице (ранжировку избранных вариантов ответов определило количество их выборов отвечающими):

Указанные факторы	Количество ответов, %
Пример семей, которые обогащаются за счет негровых доходов	45
Недостаточное внимание местных органов, руководителей коллективов к потребностям трудящихся	38
Нарушения принципов социальной справедливости	34
Влияние моды	25
Влияние потребительских стандартов других государств	15
Показ разных излишеств в личном потреблении во многих современных фильмах	8

ИЗ «ОСОБЫХ МНЕНИЙ»: «Надо расширять демократию и гласность в социальных вопросах и других тоже» (ученик).

«Побольше было бы простых, скромных, трудолюбивых людей» (студентка, 21 год).

«Я насчет трудовых доходов и нетрудовых. Если мастер, например, краснодеревщик, отработал рабочее время, пришел домой и тоже занимается резьбой. Может ли он продавать вещи, сделанные в свободное время своими руками?» (ученик).

«Все эти анкетирования для того, чтобы кто-то ничего не делал, а деньги получал. Полностью перестройка в стране никогда не осуществится» (студентка, 20 лет).

«Материальное положение общества неудовлетворительно» (ученик).

«Необходимо, чтобы меньше было контрастов между людьми бедными и богатыми, хамами и скромными, старательными тружениками» (женщина-слушательница, 50 лет).

«От того, что Вы проводите эту анкету, ничего не

изменится. Вы хотите выбить из нас манию вещизма? У Вас ничего не выйдет... Мы гоняемся за вещами. Это так. Но это же Вы, взрослые, создали сами разную материальную основу для семей. А теперь хотите одним махом выбить из нас свои грешки...» (ученица)».*

Иерархия избранных ответов на вопрос о причинах вещизма, а также содержательные акценты в «особых мнениях» свидетельствуют об ошибочности распространенных пропагандистских интерпретаций природы вещизма в советском обществе. В течение многих лет, даже десятилетий, у нас объясняли почти все аномальные формы социального поведения, особенно увлечение вещами, влиянием, «проникновением» буржуазной идеологии и «их образа жизни». Конечно, такое влияние есть. Приуменьшать его тоже не следует.

Но главное все же в том, что вещизм, включая и наиболее отвратительные его формы, оказывается, как правило, отечественного «производства». У него социально-экономические возбудители. Сегодня, к сча-

* Десятиклассница, высказавшая это «особое мнение», согласилась в индивидуальной беседе с автором рассказать больше о себе и прокомментировать свои суждения. Она из хорошо обеспеченной семьи. Мать несколько лет находилась в загранкомандировке. Семья имеет хорошо обставленную квартиру, отличный гардероб, личные предметы украшения. В целом все оценки в своей совокупности можно было бы выразить одной хорошо известной фразой: «У нас все есть». Однако «обогащения» вещей не ощутил. Хорошие вещи — норма жизни и даже немаловажный стимул культурного роста, хотя и не для всех. Так она считает. Учится хорошо. Общается свободно. Любит книги. Музыка предпочитает современную, развлекательную, но на хороший концерт симфонической классики с удовольствием пошла бы всегда... Невольно ловлю себя на мысли: какая же она вешистка? Она целиком современная советская девушка, уважающая себя, требовательная в равной степени к себе и к обществу.

стью, это уже не является ни секретом, ни «антипатриотической крамолой». Факт. Историческое призвание перестройки, демократизации и гласности состоит еще и в том, чтобы усовершенствовать, максимально оздоровить социальную сферу в интересах всего народа. Задача состоит в том, говорил М. С. Горбачев, выступая в Польском Сейме в июле 1988 года, чтобы создать такие общественные условия, при которых экономический и научно-технический прогресс органично сочетался бы с социальной справедливостью, нравственностью, богатством духовного бытия человека. Не условными, «воздушными» величинами вульгарно-социологических «замеров» можно спастись СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ социальное самочувствие советских людей, а конкретно, лично. Об этом пишут уже, как читатель убедился, школьники. По данным исследования, от 56 до 75 процентов давших ответы мало удовлетворены и неудовлетворены уровнем гласности и демократизма в вопросах распределения общественных фондов потребления, как и профилактическими мероприятиями против укorenившихся злоупотреблений в этой сфере.

Убедительно подтверждаются полученные автором данные массового опроса двумя недавними публикациями в хорошо известной в стране и за рубежом газете «Московские новости». В сущности газета предприняла попытку осуществить серьезный зондаж общественного мнения о тех же ведомственных и аппаратно-должностных привилегиях. И хотя этот вопрос в работе уже был в основном рассмотрен, есть смысл воспользоваться материалами «МН» в тех пунктах, где они освещают понимание общественностью атрибутов и этики социальной справедливости.

«Социальная справедливость и привилегии: как совмещаются эти понятия» — так называлась публикация в № 27 за 1988 г. Из редакционной справки

известно, что были опрошены по телефону 548 человек, представляющие основные возрастные группы (от старших школьников до пенсионеров) и социальные слои жителей Москвы. Была предусмотрена «проба на уравниловку», что явилось не только доказательством научной объективности и высоких этических принципов социологов, но, как оказалось впоследствии, может быть принято как серьезный контраргумент в полемике Г. Лисичкина и В. Роговина. Ведь в ходе опроса выяснилось, что «у большинства опрошенных никакой тяги к уравниловке нет», хотя и значительна доля считающих, что «при социализме даже честно зарабатывать много — плохо...» Главное в том, что 61 процент опрошенных не считает очень высокие (но узаконенные, честные!) доходы несовместимыми с социальной справедливостью.

Доказано, что высокие доходы не представляют какой-то особой проблемы, прямо или косвенно способствующей вещистским устремлениям. В опросе «МН» шла речь о примерно 20 наиболее известных и обсуждаемых в общественном мнении и на страницах печати привилегиях руководящих работников. По семи из них, наиболее часто упоминаемых, было предложено определить: справедливы или несправедливы эти привилегии.

Результат поражающий. Вот таблица, составленная группой проведения опроса.

По всей совокупности полученных мнений социологи подытожили: 44 процента опрошенных считают наше общество социально справедливым. Столько же думают иначе. И, наконец, самый тревожный симптом социальной апатии, одной из самых сильных детерминат вещизма: из числа молодых людей (21—29 лет), участвовавших в опросе, лишь 11 процентов склонны утверждать, что они живут в социально справедливом обществе.

Привилегии	Справедливые	Несправедливые	Затрудняюсь ответить
Персональные машины	42	44	14
Квартиры в домах улучшенной планировки, в престижных районах	21	76	12
Аренда государственных дач; строительство личных дач в престижных или близких к городам местах	24	65	11
Больницы, поликлиники и санатории, рассчитанные на обслуживание только руководителей	29	60	11
Получение товаров из закрытых для других магазинов и буфетов	9	84	7
Спецобслуживание при приобретении билетов на транспорт, а также в аэропортах и на вокзалах	36	52	12
Свободная покупка особых книг «по списку».	11	80	9

Обнаружившаяся, таким образом, поляризация мнений по такому важному вопросу, как социальное самочувствие личности, скорее всего вытекает из понимания своего общественного положения и, наверное, не в последнюю очередь, из понимания своего места в распределительных отношениях, их доступа к пока еще существующим «закрытым» зонам. С уверенностью можно утверждать, что в таком же контексте складывается и плюрализм мнений по поводу вещизма и разумных потребностей граждан.

Совершенно очевидно, что обделенные социальной справедливостью всегда будут осуждать номенклатурные привилегии. А пользующиеся последними будут маскироваться и утверждать, что таковых нет. По

свидетельству той же газеты, опубликовавшей вскоре после опроса подборку наиболее типичных читательских откликов, «в потоке писем и телефонных звонков не нашлось одного, где бы отрицалось существование в нашем обществе системы привилегий для руководящих и аппаратных работников. Лишь в двух письмах предлагается сохранить существующие привилегии...»

Проблема преодоления системы различных неинституированных номенклатурно-ведомственных привилегий остается открытой. Она слишком долго складывалась, нарастала, слишком специфически функционирует и поныне. Разрешить эту проблему быстро и безболезненно напрасно и мечтать. Но решать необходимо, ибо это социальная болезнь, корродирующая весь общественный организм. Вещизм — побочное проявление этой болезни. Жаль, что в сторонниках социальной справедливости иногда видят своего рода фанатических адептов военно-коммунистической уравниловщины. Бесспорно, что сегодня по меньшей мере наивна, а во многом и несправедлива проповедь бесконечных стойчески переносимых лишений, примирения с материальной бедностью, пожизненной неустроенностью, ожидания «лучшего будущего для своих внуков и всего человечества». Позволю себе сослаться на китайский пример. Многие, наверное, помнят по публикациям, что не так уж и давно в стране предел мечтаний составляли три крутящихся механизма: велосипед, часы и швейная машина. Но вот послушаем, о чем говорят два современных молодых персонажа из рассказа Ван Мэна «Ветер нагорий»: «Папа весьма серьезно относится к преобразованию мировоззрения...» «А вы?» «Мне наскучили лозунги. Не верю лозунгам. Мне нужен мотоцикл, кондиционер, видеомagneтофон... А после мотоцикла я захочу автомобиль. Шанхайская «Цзефан Жибао» сообщала, что вот-вот начнут продавать польские

«фиаты» частным лицам». «Э! Вот это и есть ваши лозунги! Мотоцикл, автомобиль, кондиционер, видео... этого у вас пока нет, и потому все это — лозунги, а не реальность. А говорите, вам наскучили лозунги...» «А вам, вам-то что в первую очередь нужно — квартиру или лозунг?» «Конечно, квартиру...» «А отцу?» «Не знаю...» О чем свидетельствует диалог? О естественности человеческого желания высвободить свой разум от гнета нищеты. Всякий человек, как, очевидно, и каждый народ, приходит к этому, освободившись от глубоких наслоений оболванивающих лозунгов и обезоруживающих цитат. Но дело не только в этом.

Жить «лучше» и жить «правильно» — это всегда вместе, но это далеко не одно и то же. Жить правильно, справедливо, честно можно вполне и в относительной материальной бедности, если на этом не спекулируют власть имущие, если не выдают ее за некое национальное достоинство. Но осознание бедности трудящимися всегда движется в направлении поиска справедливых отношений, устраняющих саму бедность, а не утверждающих равенство бедности. Может быть именно поэтому в том же Китае, наряду с осуществлением эффективных экономических программ, предпринимаются энергичные усилия коммунистической партии, народного правительства и передовых слоев общественности против коррупции и должностных преступлений, попирающих принципы справедливости. В КНР, как стало известно, создан Центр сбора информации от трудящихся о злоупотреблениях властью и т. д. Как видим, разнообразное стимулирование трудовой активности и творческой инициативы в экономической области несколько не противоречит борьбе за справедливость. Это две стороны единого процесса социалистических преобразований в обществе.

Еще пример. В 1987 году президент развивающей-

ся страны, председатель комитета защиты революции, некоторые члены правительства давали сведения о своем имущественном состоянии народной комиссии по предупреждению коррупции. Президент подчеркнул, что эта процедура введена по требованию народа и направлена на искоренение коррупции и присвоения государственной собственности. Он сообщил, что располагает виллой, автомобилем, библиотекой, тремя радиоприемниками, двумя телевизорами и двумя спортивными велосипедами. Его ежемесячный доход составляет 138,7 тысячи африканских франков. Президент передал в государственную казну 800 миллионов франков, полученных в качестве «дара от некоторых друзей». Аналогичные заявления сделали и другие руководители. Как сообщалось, власти Буркина-Фассо (об этой стране шла речь) решили развернуть повсеместную борьбу с коррупцией. К сожалению, в мире привыкли думать, что только большие страны должны и могут учить малые, как справедливо жить. Видно, может быть и совсем наоборот.

Рассмотренный круг вопросов и фактов хорошо выявляет важную закономерность: граждане, которые в силу общественной необходимости поставлены на «капитанский мостик» управлять живым, сложным человеческим кораблем, должны быть образцом для команды и пассажиров. Пример капитана может быть или разлагающим или облагораживающим для плывущей на корабле нации.

Должно быть понятно, почему в контексте социально-экономических отношений, общественной морали и управленческой культуры возникает неизбежно вопрос об этике личного потребления, почему осуществляемые идеалы справедливости обнаруживают гораздо больший мобилизационный потенциал социального творчества по сравнению с эгоистической ограничено-утилитарной мотивацией жизнедеятельности. Прин-

ципальное значение приобретает все это в обществах, ориентирующихся на создание оптимальных предпосылок для полной реализации социалистического общественного идеала.

«Хочу жить богато» (или «красиво», «по-человечески», «лучше») — это приходится часто и отовсюду слышать. Но всегда ли и все ли мы задумываемся над содержанием этих степеней социального бытия, выбираемых каждым, как правило, по своему, причем не всегда здоровому вкусу? Утверждать этого нельзя.

Социализм едва ли не во всех странах столкнулся с трудностями в определении разумной модели личного потребления. Аскетизм отвергнут. Идеалы так называемого «потребительского общества» в целом также неприемлемы. Но масштабы устремлений за символами высокого материального благополучия оказались довольно обширными. В этот динамичный процесс втягиваются все новые и новые слои населения. Все это, по единодушному признанию ряда ученых социалистических стран, и выдвигает проблему модели потребления, отвечающую социалистическим идеалам справедливого распределения материальных и духовных благ, всестороннего социального прогресса, обеспечивающего гармоническое развитие общества и личности.

В ходе дискуссии ученых соцстран, проведенной журналом «Проблемы мира и социализма», подчеркивалось, что «удовлетворив основные потребности населения, социалистическое общество должно решить, развитие каких потребностей — материальных или духовных — оно будет форсировать...» «Если мы, — отмечает венгерский ученый Д. Боршани, — не сможем дать ответа на этот вопрос на уровне общегосударственного социально-экономического планирования, не повернем его в желательном направлении,

то возникнет угроза оказаться вовлеченными в стихийно развивающиеся процессы».

Эти стихийно развивающиеся процессы уже начались. В самом общем плане это подтверждают масштабы таких явлений, как коррупция, взяточничество, тяга к роскоши и паразитическим способам благополучного существования (рэкет, проституция, наркобизнес и др.). Можно привести также некоторые социологические факты. По данным Института социологических исследований АН СССР, потребительские, мещанские ценности принимает один из пяти опрошенных молодых людей. По свидетельству доктора философских наук И. Мужика (ЧССР), каждый пятый гражданин также признается в том, что он оценивает своих сограждан как заслуживающих уважения людей в зависимости от владения материальными предметами (деньги, автомобиль, дача и т. п.). В этом же смысле есть все основания оценить и некоторые данные социологического исследования Ивано-Франковского отдела научного атеизма Института философии АН УССР в 1983 г. (по Ивано-Франковску). К вопросу «Какие из перечисленных негативных явлений Вы чаще всего встречаете в трудовом коллективе?» было предложено восемь наиболее вероятных вариантов ответов? Наибольшее количество выборов получили «безразличное отношение к делам коллектива и социалистической собственности» (17,1 процента) и «увлечение модными вещами» (31,1 процента от более чем 500 опрошенных).

Бороться с вещизмом, как формой бездуховности и социально-психологическим явлением невозможно одними призывами к разумному потреблению. Невозможно вообще вести воспитание людей исключительно изречением достойных истин. Нужна такая практическая организация экономической и духовной жизни общества, при которой разумное потребление не будет

восприниматься как наставление голодному со стороны сытого. Нужна такая пропаганда разумного образа жизни, которая в каждом конкретном случае приобретала бы исповедальный характер, проявлялась бы в монолитном единстве слова и дела, призыва к другим и собственных поступков.

Обосновывая закон возвышения потребностей людей, В. И. Ленин указал на объективную закономерность формирования в социалистическом обществе нового типа потребителя, который не будет «требовать невозможного». В. И. Ленин отметал глупые, подстрекательские утверждения идеологов буржуазии о том, что «...социалисты обещают каждому право получать от общества... любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п.» В процессе социалистического строительства, на весь его длительный период сохраняется необходимость строжайшего контроля над мерой труда и мерой потребления.

Отсутствие научного мировоззрения, включающего правильное понимание потребностей, ведет, по меткому выражению С. Г. Струмилина, к анархии как производства, так и потребления, а в итоге делает послушными рабами произведений собственных рук — товарных ценностей. Приведенное высказывание характеризует буржуазное общество, капиталистическое производство. Но такие порождаемые капитализмом философские основы потребительства, как прагматизм и утилитаризм, находят питательную почву и в социалистическом обществе, в жизненных ориентациях отдельных граждан, чуждых высшим нравственным ценностям.

В каждой шутке, говорят, есть доля правды. В шуточных афоризмах Н. Полотая правда очень емкая: «Раньше были в моде мини-юбки, а теперь макси-гардеробы». «Маленькая моль, а шубу подавай». Очевидно самой образованной, самой читающей, «самой-

самой...» стране нашей настала пора возрождать традиции нравственного просветительства и эгоизма разумного.

Что значит жить достойно? Как и сколько потреблять? Что такое духовность, справедливость? Что такое привилегия, как научиться отказываться от нее до того, как она перерастет в тяжелый социальный недуг? Современное воспитание должно найти авторитетные ответы на эти во многом смысложизненные вопросы. Пюмочь их найти могут философия, этика и социальная справедливость в политике и общественной практике.

Чем выше философская культура человека, даже элементарная осведомленность в области мировой философской мысли, тем скорее он осознает разумность и гуманизм развития своих истинно человеческих (социально-деятельных) потребностей, открывающих ему меру самого себя как человека — мыслящего и созидющего существа.

Не меньше, а может быть в чем-то даже больше, значение для воспитания потребностей имеет этика. Здесь вопрос не только в овладении простыми общечеловеческими нормами нравственности. Любой общественный институт благотворительности, милосердия, как бы он ни был гуманистичен сам по себе, не покрывает собой несовершенства государственной системы, неспособной обеспечить разумное качество жизни миллионов трудящихся.

Гуманная политика, обращенная к человеку экономика, возрождение ленинских норм партийной этики — вот три кита, на которых может быть восстановлена справедливость и социалистичность нашего общества, в равной степени непримирима с бедностью и вещизмом. Что же мы имеем за годы перестройки? Гуманную и разумную политическую концепцию будущего в ближайшей и более отдаленной пер-

спективе. Оглянувшуюся, наконец, на человека, экономику, но пока еще мало что ему давшую. Наконец, этику большевизма в ее истории, остановившей свой ход со смерти В. И. Ленина и теперь только выходящей на свет из затаенных уголков человеческих душ.

Можно сказать, что на данном этапе общественного развития в стране накоплен как потенциал бедности, так и потенциал деморализующего богатства, расточительства. Но чрезвычайно важно то, что пришел в движение и потенциал разума. Проблема состоит в том, чтобы передовое социалистическое общественное сознание проникло во все поры государственного организма и поднимало бы его до высших методов рациональной организации народной жизни при соблюдении общечеловеческих нравственных принципов.

Из выдвигаемых Г. Батыгиным, Г. Лисичкиным, В. Роговиным, В. Селюниным концепций «очеловечивания», гуманизации экономики и повышения социальной активности личности вырисовывается единая целостная рациональная задача улучшения качества жизни и противостояния потребительской экспансии. Предстоит преодолеть «хвостизм» экономики по отношению к общественным и личным потребностям. Модернизация общественного производства, реформы в базисе должны не «дыры латать», а саморегулироваться с определенным опережением наиболее типичной системы разумных потребностей широких слоев населения.

Еще пример из КНР. По мнению осведомленных наблюдателей, успехи здесь неоспоримы. За восемь лет реформы Китай добился четырех удвоений. Валовой национальный продукт (ВНП) возрос в два раза, и больше чем в два раза выросли объемы промышленной продукции, финансовые доходы государства.

Почти в два с половиной раза увеличились финансовые доходы на душу населения. Конец 1987 года ознаменован выходом Китая на седьмое место в мире. Все это позволило отказаться от «железной чашки риса» (символ маоцзедуновской уравниловки), реально достичь уровня «тепла и сытости», гарантии от недоедания и приступить к программе достижения уровня и скромного достатка к исходу 90-х годов.

Любопытнее и ценнее всего в этом опыте именно растущее понимание взаимосвязанности всех сторон процесса социального обновления: экономики и политики, закона и морали, благополучия и воздержанности. О последнем следует сказать особо.

Одна из публикаций из КНР прошла под весьма символическим названием: «Две стороны «потребительской лихорадки». Сущность обозначившегося процесса, по мнению китайских экономистов, заключается в обусловленном положительными экономическими сдвигами естественном переходе от «вынужденного длительного голода» к потребительскому буму с его «непреодолимым стремлением к насыщению...» Никто не чинит этому никаких особых препятствий, хотя постоянно возникающий разрыв между спросом и предложением заставляет искать выход, не исключающий возможность каких-то реформ и в области потребления. Но главное все же в другом. Именно в том, на что постоянно «сбивается» общественная жизнь в материальной сфере, о чем уже немало сказано выше. Это — жажда скорейшего насыщения потребностей, требование форсированной переброски финансовых ресурсов на весы «потребления». Осуждать это не приходится по причине долгосрочного игнорирования многих проблем в этой сфере. Но опыт китайского народа поучителен. Партия и правительство КНР стремятся определить оптимальный уровень потребительских стандартов, во-первых, для условий страны

и, во-вторых, — для конкретного периода. Получается, как бы сама жизнь «выносит» на все те же мучительные вопросы: рациональности, справедливости и этики.

Китайские газеты не только констатируют появление в стране «всеобщей потребительской лихорадки» и пробуют обсудить целесообразность каких-то сдерживающих факторов, но и принципиально прорабатывают ранее «запрещенные темы». Как «очень опасное для экономики», например, они считают то, что «чиновники продолжают сорить деньгами». Подсчитано, в частности, что если семь лет назад министерства, ведомства приобрели 16 тысяч легковых автомобилей, затратив 340 миллионов юаней, то в 1987 году ими было закуплено 115 тысяч автомобилей на сумму 5 миллиардов юаней. И в основном это дорогостоящие лимузины из Японии, ФРГ, Швеции. Не менее значительные суммы потрачены на сооружение и оборудование офисов и ведомственных гостиниц. Красноречивое признание сделала газета «Бэйцзин ревью»: «...В то время, когда население ряда отсталых районов испытывает трудности в снабжении продовольствием и одеждой, некоторые местные руководящие работники разбазаривают средства из фондов помощи на покупку для себя шикарных вилл, покупку лимузинов или цветных телевизоров. Во многих центральных учреждениях стоит шикарная мебель, кабинеты оборудованы ультрасовременными импортными кондиционерами, а между тем, на многих предприятиях работают станки, выпущенные еще в 50-х годах».

Уверен, советский читатель легко дополнит китайскую схему аналогичной отечественной фактурой. К уже привлеченным ранее фактам можно прибавить следующий. В недавно принятом Постановлении Совмина СССР «Об упорядочении использования служеб-

ных легковых автомобилей» признано, что 60 процентов машин, обслуживающих госбюджетные организации, соответствуют их функциональному предназначению (производственно необходимое средство передвижения), а 40 процентов расценены как проявление излишеств и роскоши.

Деформации, «перекосы», происходящие в социальной сфере стран, ориентирующихся на социалистический идеал, как видим, носят весьма неоднозначный, нередко идеологизированный характер. Но очевидно и другое: несмотря на большую или меньшую долю национальной специфики, все упоминавшиеся тенденции в целом приобретают на каком-то этапе типичную форму проявления, вызывают типичную форму социального реагирования со стороны широких слоев общест-венности.

Для марксистской философии, идеологии и этики, утверждающих идеалы социальной справедливости и всестороннего раскрытия и реализации способностей человека, совершенно естественны научная критика, нравственное осуждение потребительской психологии, обедняющей духовный мир человека, обещающей ему иллюзорную легкость преодоления трудных жизненных проблем.

Опыт мировой общественной мысли также подтверждает неприемлемость того, чтобы достоинство, социальное признание человека ставились в зависимость от его возможности заниматься мотовством. Очень справедливый укор такому образу жизни адресовал в свое время Н. М. Карамзин: «Кто думает, — писал он в знаменитых «Письмах русского путешественника», — что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих... осыпанных средствами наслаждаться, теряющих вкус ко всем наслаждениям и задолго до смерти умирающих душою...».

Да, вещизм — не наш идеал, он порождает уродство, разрушение нравственных устоев. Общество, ориентирующее людей на достижение материального комфорта как главной жизненной цели, далеко не всегда в ладах с нравственностью, духовной культурой вообще. Довольно убедительно и емко об этом сказано прогрессивными писателями, учеными, публицистами.

Сошлюсь на роман Джона Уорехэма «Как взобраться на денежное дерево». Проследуем за некоторыми мыслями его героев: «...Счастье — это наслаждение вещами, которое можно купить за деньги. Счастье — это когда у тебя по крайней мере две машины, дом и при нем бассейн. Счастье — хорошо сшитый костюм, скрывающий твою безобразную полноту. Счастье — возможность покупать лучшие парфюмерные средства не только для жены и детей, но и для маленькой собачки твоей жены. Счастье — это слуги, которые стирают твои рубашки, убирают дом, приносят тебе коктейли и берут на себя твои заботы. Счастье — возможность позволить себе иметь по крайней мере одну любовницу и покупать себе новую жену каждые три года». И еще: «Несчастье Бетховена заключалось в отсутствии деловых способностей. Он не додумался найти себе делового посредника и заплатил за это дорогой ценой: умер в нищете». Что тут сказать? Это и впрямь несчастье — умереть в нищете, в одиночестве, терзаемым недугами. Но верно ведь и другое: истинный человек считает не то, чего у него нет, а то, что у него есть. Впрочем, и это не может быть абсолютным рецептом, потому как «общество недопотребления», по замечанию Л. Радзиевского, общество всеобщего дефицита плодит и несет в себе не меньшее число моральных, психологических уродов.

Долго считалось, что вещизм как смысложизнен-

ное умонастроение — органическое свойство личности буржуазного мира. Но разве это всеобщий закон? Что — «там» нет истинно образованных, высоконравственных, духовно развитых людей, все — обыватели, мещане, алчные потребители? Неужели это достоинство — вечно не доверять человеку, «оберегать» его от изящных продуктов искусного труда? Кому это выгодно, в конце-то концов? Народу это невыгодно и оскорбительно.

К познанию и соблюдению разумной меры любого потребления подводит не только объективная необходимость уважения принципов социальной справедливости в каком-то конкретном обществе или в одноукладной системе государств. В последние десятилетия четко обозначилась аналогичная необходимость в новых оценках личного потребления и с точки зрения социальных коллизий и диссонансов глобального характера.

...Игрушек у человека — будь здоров:
секиры,
мортиры,
мундиры,
кумиры,
пенне в клире,
цепи да гири —
и много всяких других забав,
от коих он и умирает
в огромном мире.

Приведенные строчки Миряны Башевой побуждают подняться над будничными заботами, прикоснуться своими ощущениями к дыханию времени, к тревогам, коллизиям и опасностям современного мира.

Не за горами начало третьего тысячелетия нашей истории. Очень любопытно было бы сопоставить три следующих вопроса: К чему человечество стремилось в общем и целом к настоящему времени? Что оно имеет, что осуществило за этот период? Как и в чем

видятся итоги и проблемы на рубеже тысячелетий в 2000 году?

Говоря об итогах исторического развития в плане их воздействия на самого человека, многие констатируют, что современная цивилизация не очень-то отличается от более древних. Нельзя, конечно, согласиться с замшелым тезисом о якобы неизменной природе человека, потому что хотя бы, что природа эта, по выражению Ф. Энгельса, проделала сложный и прекрасный путь — «от обезьяны до Гете». Но многое свидетельствует о господстве старого мышления в мотивации жизнедеятельности людей. Не нуждается в доказательствах, например, тот факт, что добывание средств существования, создание и тиражирование известных стандартов бытового комфорта остается как бы самоцелью для огромной доли человечества. Идея владения материальными ценностями, часто значительно превосходящими реальные нужды людей и подавляющими духовные запросы, и сегодня еще настойчиво постулируется в довольно распространенных политических и социально-философских доктринах. Еще Н. А. Добролюбов писал, что «романтические фразы об отречении от себя, о труде для самого труда, или «для такой цели, которая с нашей личностью ничего общего не имеет», к лицу были средневековому рыцарю печального образа; но они очень забавны в устах образованного человека нашего времени». Стремление людей к экстенсивному наращиванию материально-вещной среды — объективная закономерность развития взаимодействия социального и физического мира, становления общества. Но вот свидетельство Альберта Швейцера, одного из великих гуманистов уже нашего, двадцатого века: «Нормальное отношение человека к человеку стало затруднительным для нас. Постоянная спешка, характерная для нашего образа жизни, интен-

фикация взаимного общения, совместного труда и совместного бытия многих на ограниченном пространстве приводит к тому, что мы беспрестанно и при самых разнообразных условиях, встречаясь друг с другом, держимся отчужденно по отношению к себе подобным. Обстоятельства нашего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку».

Исторический опыт свидетельствует о том, что созданный мир изобилия вещей далеко не всегда эквивалентен миру духовных, собственно человеческих ценностей. В мире вещей можно задохнуться и расчеловечиться. Через иллюзорное самоутверждение в вещизме человек, сам того не сознавая, ставит себя в ряд безликих, стандартных объектов торгово-рекламных манипуляций.

И было бы неправильно видеть этот процесс только в капиталистическом обществе. Это, можно сказать, явление всеобщее, хотя и существует определенная его социально-экономическая и нравственно-философская специфика в разных общественных системах. Ф. М. Достоевский предвосхищал опасную возможность утраты «высших целей жизни», вытесняемых убеждением в совершенной нелепости существования человеческого на земле. Не удивительно, что в странах, где господствующая идеология исповедует в качестве идеала безграничное потребление, пресловутое всеобщее изобилие и благоденствие, «равные» возможности, так много самоубийц, наркоманов, бандитов, проституток, извращенцев-садистов. Получается, что потребление, устремленное психологически к излишествах и изощренности перепотребления, есть ложь для большинства малообеспеченного населения и трясина бездуховности для пресыщенных. Признание типичного американца: «Жизнь требует от нас, чтобы мы были конкурентоспособны, агрессивны, обез-

личены и эгоистичны». В экономической системе капитализма главная цель — делать деньги. Деньги — это трофей в естественной борьбе между покупателем и продавцом, между служащими в борьбе за одно и то же продвижение по службе. Американская система опирается на конкурирующий индивидуализм в борьбе за прибыли и продвижение. Это холодный, беспощадный, жестокий мир самоутверждения...»

Идея личного успеха, по признанию многих идеологов буржуазного мира, составляет стержень его нравственной философии. Ссылки же на специфические черты американского образа жизни и прагматического мировоззрения многие авторы делают только потому, что США самая богатая страна в мире. А если взять за точку отсчета именно данный фактор, то тем разительнее картина социальной поляризации, имущественного неравенства и неизбежно порождаемая ими палитра поведенческих альтернатив и жизненных коллизий.

Концепцию «общества массового потребления», содержащую в себе и завершённую философию вещизма, выдвинул в 1960 году У. Ростоу. Его книга «Стадии экономического роста» содержит претенциозный подзаголовок «Некоммунистический манифест». Пять стадий экономического развития завершает, по У. Ростоу, формация высокого уровня массового потребления. Апологетичность схемы автора «стадий экономического роста» видна, как говорится, невооруженным глазом. Важно другое. Какое место отводится собственно человеку в обществе изобилия? Что для него вещный мир? Цель или путь к самому себе — существу разумному, духовно-нравственному?

Вопросы возникают уже потому, что богатейшая страна в мире не может избавиться от нищеты. По данным министерства юстиции США, ежегодно в среднем 1,2 миллиона американцев становятся жертвами

ограблений и краж. «Мы живем в атмосфере разгула преступности, которая затрагивает приблизительно одну треть всех американских семей», — признавал бывший президент США Р. Рейган. Американская телекомпания Эн-би-си обратила внимание на следующее: «Преступные гангстерские организации представляют собой главную финансовую силу США», и далее дала объяснение такому положению вещей: «Организованная преступность ежегодно выплачивает 9 миллиардов долларов в виде взяток сенаторам, министрам, мэрам, профсоюзным лидерам; на один лишь подкуп полиции идет 4,5 млрд. — больше, чем платит правительство всем полицейским страны».

Привожу эти данные не с позиций контрпропагандистских стереотипов застойных лет. Преступность есть везде. Вопрос в том, что насыщенность товарного рынка в «обществе потребления» не всегда облагораживает человеческую душу. Надо полагать, что причиной всему является имущественное расслоение, наличие массы бедных и нищих граждан.

Потребительские извращения богатых доходят порой до чудовищной экзотики. Что это не отдельные случаи, а органическая часть официально исповедуемого прагматического умонастроения, можно легко убедиться, прочитав практически не стареющую книгу Ф. Ландберга «Богачи и сверхбогачи» (М., 1975). Официальная статистика дает возможность составить тот социальный фон, на котором гримасничает опьяненный своим «жизненным успехом» вещист. Так, безработица в США превышает 8,5 миллиона человек (по данным профсоюзов — 14 миллионов). Лишь треть из них получает страховые выплаты. В 1980 году 25 миллионов, а в 1987 году 34 миллиона американцев признаны как живущие ниже официальной черты бедности, 44 миллиона граждан США регуляр-

но недоедает, 3 миллиона не имеет никакого жилища. К чему это может приводить, догадываться не нужно, есть статистика. Например, из газеты «Бостон глоб» можно узнать, что около 10 тысяч молодых американцев в возрасте от 16 до 24 лет погибают ежегодно в результате различных инцидентов на почве пьянства, пожаров, самоубийств, автокатастроф. По подсчетам экспертов, ежегодно в США от 200 тысяч до 400 тысяч американцев того же возраста покушаются на свою жизнь. Органы массовой информации свидетельствуют, что за последние 25 лет число самоубийств юношей и девушек в США увеличилось в три раза. Одно самоубийство в этой категории населения происходит в этой стране каждые два часа, а попытка покончить с собой — каждую минуту. Участники дамаской конференции специалистов-психиатров и представителей администрации ряда штатов (1985 год) подчеркнули, что самоубийства среди молодежи приобрели масштабы эпидемии. Росту этой эпидемии способствуют такие факторы, как военная истерия, алкоголизм, родительский садизм и распад семей в результате экономических трудностей.

Такая же мрачная статистика по Англии, ФРГ, Бельгии, Швеции и т. д.

Мы впали бы в непростительное заблуждение, считая, что культура и качество жизни обязательно должны зависеть целиком от насыщения потребностей в новейших атрибутах материальной сферы. Если это и неизбежно, что «предложение» подталкивается «спросом», то есть глубокий смысл подумать, что «спрос» может фантастически оторваться от самого производства, от справедливости, от человекообразующих этических начал. Чудес не бывает. В экономике особенно. Появлению и росту «новых бедных» в любой стране при общем несовершенстве

социальных отношений всегда предшествует увеличение «новых богатых».

Но нельзя понять проблемы современного мира, упрощая их. Вещизм, как идеология, психология и стиль жизни, не есть явлением ни чисто капиталистического, ни социалистического происхождения. Вещизм — это факт пока еще неуправляемого естественно-исторического процесса развития цивилизации, не поддающейся целостному (планетарному) управлению и совершенствованию. Очаговый же способ вытягивания людей на уровень высших достижений разума, этики, культуры в целом пока не дает нужных результатов.

Сегодня многие ученые, деятели культуры западного мира констатируют, что современная цивилизация многим принесла процветание, но она не освободила человека от алчности, которая совершенно несовместима с открывшимися перед ним огромными возможностями. От изобилия выигрывают в основном лишь определенные слои общества, которых не очень-то волнует, какой ценой заплатят за их благополучие другие, уже живущие или еще не родившиеся жители планеты. Необходимо новое мышление, более рациональное и социально ответственное философско-этическое мироотношение, базирующееся на неизвращенном ложными идеологиями самосознании человека, синтезирующее в себе общечеловеческие идеалы и ценности бытия (жизнелюбие, достоинство, справедливость, бескорыстие, милосердие, самосовершенствование, созидание гуманного мира и т. д.).

Современные общества не приблизили человека к такому мироотношению, к свободному «исповеданию» этих ценностей как осознанного и глубоко прочувствованного нравственного идеала. Как на весьма оригинальную и близкую к истине в этом плане сошлемся на мысль финского ученого П. Кууси. Он

пишет: «Современный капиталистический способ производства в США, наверное, все еще находятся близко к нашей изначальной саморегулирующейся эволюции; социалистический способ производства в СССР, вероятно, в настоящее время приближается к началу... широкомасштабной управляемой эволюции... Граждане Соединенных Штатов, видимо, не осознают, что как крупнейшие потребители природных ресурсов они заинтересованы в том, чтобы была приведена в действие политика выживания с необходимо сопутствующим ей международным сотрудничеством. Но американский образ жизни, напротив, тяготеет к обращенному внутрь себя индивидуализму. Однако, американский образ жизни, саморегулирующийся и основанный на поклонении индивидуальности, уже являет миру чувство безысходности. В стремлении к выживанию американцы строят бункеры и забивают их продуктами...»

С другой стороны, СССР является наиболее загадочным участником игры за выживание. Как стране, стремящейся к управляемой эволюции, он должен был бы объединить нации для проведения совместной политики выживания. Однако он не внушил другим странам доверия, так как оказался непривлекательной моделью развития...»

В приведенной цитате есть рациональное начало. Вряд ли стоит оспаривать мысль П. Кууси о том, что причиной недоверия к СССР послужило реальное положение человека в условиях сталинского тоталитаризма и застоя пресловутой эпохи брежневщины. Нечего противопоставить и мысли об идеологической косности всех государственных институтов в эти периоды. Лишь одно нельзя принять. Автор считает, что СССР продемонстрировал свою неспособность к дальнейшей эволюции. Концептуальная обоснованность политики перестройки после апрельского

(1985 г.) Пленума ЦК КПСС, сама конкретная динамика этого процесса во всех областях жизни убедительно опровергает это утверждение. В коммунистических и рабочих партиях идут в настоящее время плодотворные дискуссии о социализме. В чем-то солидаризуется с П. Кууси Генеральный секретарь Компартии Испании Хулио Ангита. «Мы констатируем, — писал он, — что исчезает вызванное историческими условиями и нанесшее столько вреда «священное» отношение коммунистов к КПСС и Советскому Союзу. Пантеонизация революции и идеализация революционеров уходят в прошлое...» В то же время Хулио Ангита, высказываясь о перестройке, недвусмысленно заявил, что с апреля 1985 года Советский Союз существенно изменяется, что «М. Горбачев одержал ряд крупных международных успехов, продемонстрировавших жизнеспособность внешней политики КПСС», что «Генеральный секретарь от имени руководства своей партии ясно и открыто говорит о недостатках, проблемах бюрократии, коррупции и т. д., свидетельствует о прочности социализма. Себя может критиковать лишь сильный. Такая самокритика является... проявлением мощи самой системы, хотя и были допущены многие отклонения...»

Чем интересны все эти точки зрения, принадлежащие «людям со стороны?» Они дают возможность более масштабно увидеть проблему человека в свете социально-исторической эволюции и соответствующей динамики идеологических и нравственных ценностей. Все мы начинаем лучше понимать, что и вещизм как социальное и личностное явление представляет собой неизбежное следствие более сложных общих процессов эволюции разделенного человечества.

Пропасть неравенства между развитыми и развивающимися странами, между богатыми и бедными в каждой отдельной стране, все это как никогда усугубляется сегодня тревожными симптомами глобального экологического кризиса, несправедливым экономическим порядком в межгосударственных отношениях, истощением сырьевых ресурсов Земли, демографическими процессами. Убеждают в этом многочисленные факты и долгосрочные устойчивые тенденции. Некоторые из этих фактов, почерпнутые из авторитетных источников, стоит напомнить. Но прежде всего необходимо предостеречь от одной весьма ошибочной и социально ущербной точки зрения. Суть ее в том, что, как многим представляется, глобальные проблемы человечества якобы не касаются отдельного человека, равно как и беды в каком-нибудь регионе или государстве мало касаются других государств. Нередко можно стать свидетелем и участником таких споров, в которых отстаивается тезис о том, что в условиях научно-технического прогресса неуместно говорить о рациональности, разумных пределах потребления. Жизнь в современном взаимосвязанном мире делает подобные представления не только безнравственными, но и методологически несостоятельными, дезориентирующими.

Полвека назад, выдвигая социальные критерии прогресса и гуманизации человека разумного, В. И. Вернадский предсказывал возникновение той ситуации, которая заставит каждого из нас осознавать себя не только в качестве отдельной личности, семьи или рода, но и в «планетном аспекте». Глубочайшая социально-этическая идея ученого с трудом, слишком медленно переходит в личные убеждения и в повседневный образ жизни людей и государств, хотя предполагаемая ситуация уже сложилась. Пока глобалисты, прогнозисты, астрологические прорицате-

ли «моделируют» будущее цивилизации, 5 миллиардов землян «мыслят по-старому», живут «как набегит», в одержимости обладать средствами только своего материального благосостояния.

По данным международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», каждый пятый человек в развивающихся странах страдает от хронического недоедания, два миллиарда людей не имеют доступа к надежным источникам снабжения здоровой питьевой водой, что, возможно, является причиной большинства заболеваний в мире. Каждый третий взрослый человек не умеет читать и писать. Более миллиарда людей вступают в XXI век, не будучи способными поставить свою подпись или прочесть дорожный знак. В период с 1960 по 1983 год средний уровень реальных доходов на душу населения в развитых странах был в 12 раз больше, чем в развивающихся. В 1985 году в Бангладеш на охрану здоровья одного человека приходился лишь один доллар в год, в то время как в США — 1721 доллар. Этот разрыв постоянно увеличивается, и больше всего от него страдают дети. Каждые три дня на планете умирают 120 тысяч детей и столько же остаются калеками от вполне излечимых болезней, предотвратив которые могли бы своевременная вакцинация, здоровая питьевая вода и адекватное питание. Еще более емкую картину потребления и качества жизни в так называемом третьем мире представил Фидель Кастро в его известном докладе VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран «Экологический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим выжить» (1983 г.). Воспроизведу таблицу из этого доклада.

Развивающиеся страны	Млн. чел.
Голодающие	более 500
Люди с ожидаемой продолжительностью жизни менее 60 лет	1700
Лишенные возможности пользоваться медицинским обслуживанием	1500
Живущие в условиях крайнего обнищания	более 1000
Частично или полностью безработные	более 500
Люди с ежегодными доходами менее 150 долл. на человека	800
Неграмотное взрослое население	814
Дети, не имеющие возможности посещать школу	более 200
Не имеющие надежных и стабильных источников водоснабжения	2000
Люди, зависящие в удовлетворении своих жизненных потребностей от использования дров	более 1500

Необходимо подчеркнуть, что отраженные в таблице данные еще более разительны, если их дополнить общемировой статистикой по предложенным показателям. Но даже самые последние и полные сведения о бедствиях миллионов неспособны представить человеческие судьбы и, стало быть, вопиющее несовершенство социального мира. Прав Фидель Кастро: «драматизм подобного положения едва ли смогут полностью отразить общие статистические показатели». Кто-то назвал эти показатели надгробными камнями. И это очень точное сравнение, потому как голод, нищета, болезни, невежество, безработица, безысходность, неуверенность в завтрашнем дне, неравенство, отчаяние характеризуют условия жизни большей части населения планеты.

Путь к новой этике потребления пролегает через познание логики общественного бытия, его противоречий, а также через признание неизбежности возникновения социальных конфликтов и эксцессов на почве несправедливости, сохранения пропасти между роскошью и нищетой в глобальном масштабе. «Что же произойдет, если не будут предприняты решительные шаги, чтобы уничтожить эту пропасть? — спрашивает в своей книге «Иметь или быть?» известный немецко-американский психолог и социолог Эрих Фромм. В форме предложений он же и отвечает на свой вопрос. Пропасть между богатыми и бедными странами, по его убеждению, должна быть уничтожена. В противном случае «либо какие-нибудь эпидемии распространятся столь широко, что проникнут в оплот общества белых, либо голод доведет население нищих стран до такого отчаяния, что они — возможно не без помощи некоторых сочувствующих их людей в индустриальном мире — прибегнут к насилию и даже применению ядерного или биологического оружия, что вызовет хаос в лагере белых». Иллюзорные надежды на «гуманистическое прозрение» богатых стран под воздействием проповеди и воспитания Э. Фромм дополняет справедливыми упреками в адрес этики обладания вещами, подрывающей экологические основы бытия. «...Ничто так не свидетельствует о нашем эгоизме, — пишет ученый, — как то, что мы продолжаем расхищать природные ресурсы, отравлять нашу землю и заниматься подготовкой к ядерной войне. Нас ничуть не смущает тот факт, что мы оставим своим потомкам в наследство эту разграбленную Землю».

Но сегодня уже и самой большой тревоги мало. Необходимы сплоченные действия всех народов и их правительств, необходимы новые критерии социальной зрелости каждого потребителя. Реально ли это?

Мнений и оценок на этот счет много. Прогнозов и пожеланий тоже. Значит, не все так безнадежно. Обратимся, в качестве примера, к Программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ). Участвующие в исследованиях под эгидой МАБ уже выработали целый ряд конструктивных рекомендаций по упрочению тенденций к формированию «умеренного потребителя», к сохранению экологического оптимума человеческого бытия. В преамбуле отчета комиссии ООН по окружающей среде и развитию под названием «Наше общее будущее» говорится: «Человечество располагает возможностью сделать развитие устойчивым, то есть добиться удовлетворения современных потребностей, не лишая при этом будущие поколения возможности удовлетворения своих потребностей... Региональное управление техникой и социальной организацией, а также их совершенствование помогут открыть путь к новой эре экономического роста. Комиссия считает, что широко распространенная бедность не является сегодня неизбежной».

Преодолевая болезнь фанатического догматизма в процессе реализации социальных преобразований, наше общество вновь и вновь обнаруживает огромные запасы духовной энергии. Ее истоки — в идеале неизвращенного социализма, в ленинских ценностях, в освобождении от безудержных стяжательских устремлений, в перспективе столь же порочных и разрушительных, как и профанация гуманных целей социализма.

Один из авторов книги «Новая технократическая волна на Западе» (М., 1986 г.) Ф. Джордж в своих размышлениях приводит такой эпизод с последующей оценкой. Молодой ученый из Западной Европы, возвратившийся из поездки по США и СССР, описывает людей в Советском Союзе как более счастливых, мягких и сердечных, чем те, которых он встретил в

США. По его мнению, это говорит об огромном давлении, оказываемом на жизнь людей в западном мире, особенно в США, по сравнению с относительной простотой существования большинства русских. Впрочем, он не утверждает, что в этом американцы должны подражать русским... Интересна проблема: западный мир допустил, сам этого не понимая, многое из того, что делает жизнь более неприятной, более жесткой, превращает в борьбу не на жизнь, а на смерть, когда возможности прибыли сокращаются, а предпринимателей (или назовите их как угодно) оказывается в избытке. Мы можем утверждать, — пишет ученый, — что наша (американская — Авт.) экономика связана с войной, отсутствие которой покрывается структурой искусственных потребностей».

Авторы книги «Новая технократическая волна на Западе» аргументированно отстаивают убеждение многих ученых и прогрессивных общественных деятелей, что фетишизм потребления, вещизм являются одной из проблем всемирного масштаба. По мнению А. Печчеи, современный человек «оказался перед необходимостью кардинально пересмотреть свои традиционные взгляды на самого себя, на своих братьев, на семью, общество и жизнь в целом, и пересмотреть в масштабах всей планеты, **НО ПОКА ОН НЕ ЗНАЕТ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ**» (выделено авт.).

Новой этики личного потребления требуют объективные тенденции мирового развития. Глобальные проблемы современности представляют собой совокупность сложнейших и противоречивейших процессов взаимодействия разума с миром материальных ценностей и с самой природой.

С сожалением приходится констатировать, что апелляции к разуму потребителя обусловлены преимущественно не этическими, не гуманными убежде-

ниями, а бытийными. Призывы к умеренности в образе жизни, раздающиеся в наше время все настоятельнее и с разных социальных полюсов, диктуются скорее соображениями безопасности и выживания, чем обеспеченностью начавшимся подавлением духовно-нравственной сущности человека его гипертрофированными материально-вещными нуждами. И это вполне понятно. Достаточно указать на два наиболее известных и дискутируемых вопроса: рост населения планеты и истощение невозобновляемых сырьевых ресурсов Земли.

Глобальные модели, отражающие нынешнюю ситуацию в мире и его перспективы, представляют следующую картину. В июле 1988 года родился 5-миллиардный обитатель Земли. Любопытна динамика роста мирового населения. К началу XX века на Земле проживало 1.630 миллионов человек. За 19 веков нашей эры — человечество увеличилось в 9,6 раза. За первые 15 веков — лишь в 2,5 раза, а за последние четыре века в 3,8 раза. И еще. Для первого «удвоения» мирового населения потребовалось почти 600 лет, для второго — 230, третьего — около 100, для последнего — всего лишь 38 лет. В настоящее время ежегодный прирост населения составляет 60—70 миллионов человек. Есть прогнозы: к концу XXI века число людей на планете либо достигнет 30, а быть может и 50 миллиардов человек, либо стабилизируется на уровне 12—13 миллиардов.. Как бы там ни было, повод для беспокойства есть. По прогнозам некоторых специалистов, мировые запасы полезных ископаемых могут оказаться исчерпанными уже через 50—80 лет. Кое-кто считает это пессимизмом, напоминая, что подобные прогнозы уже высказывались на 70-е или 80-е годы нынешнего века, но они, как видим, не подтвердились. Ученые доказывают, что на нашей планете запасов угля хватит

на 150—200 лет. А пятьдесят лет тому назад американские ученые предсказывали по расчетам, что запасы нефти исчерпаются через 13 лет. Прошло полвека, а нефти и угля в достатке. Вроде бы можно не поддаваться мрачным настроениям, забыть печально известного Мальтуса, продолжать триумфально покорять природу, жить в свое удовольствие. «Не следует волноваться, что на планете не хватит минерального сырья, — говорил английский писатель-фантаст Артур Кларк. — Следует бояться, что нам хватит ума и умения добыть его».

Итак, нет единого мнения на перспективу потребления. Человек и человечество стоят перед выбором как самой оценки реальной ситуации, так и последующего социального поведения, этики потребления. Ответы на этот вопрос могут быть разными. Но альтернатива потребительскому мышлению только одна — рационально-гуманистическое мышление, практическая умеренность людей, новая этика.

Напомним, что в середине 1950-х годов прозвучал ставший крылатым и глубоко символичным призыв: «Мы должны научиться мыслить по-новому». Эти слова из «Манифеста Рассела-Эйнштейна», обращенного к ученым мира, к их разуму и гражданской ответственности в контексте наметившейся тенденции милитаризации новейших направлений научно-технического прогресса.

Этический же потенциал призыва выходит далеко за рамки проблемы войны и мира. В контексте «нового мышления» возникла и проблема возрастания роли разумных начал в отношении людей к миру вещей. А. Эйнштейн, очевидно, каким-то образом связывал милитаризацию производства и науки с товарным фетишизмом, с культивируемым в буржуазном обществе идеалом преуспевающего вещиста. Иначе он вряд ли стал бы утверждать, что искалечение

человеческой личности есть худшее из зол, несомых капитализмом, и что стремление только к личному благосостоянию достойно свиньи...

Несомненно, что сегодня было бы значительно меньше оснований поддаваться крайне пессимистическим экологическим прогнозам, если бы огромный интеллектуальный и материально-технический потенциал практически всех стран не был запрограммирован на фантастически разорительные военные приготовления.

Известно, что к 1985 году объем глобальных военных расходов превышал 900 миллиардов долларов. После окончания второй мировой войны они возросли в 4—5 раз. Общемировые расходы на военные научно-исследовательские работы в том же году составляли четверть всех расходов на научные исследования и разработки. Бернард Лаун приводил такие данные: на планете каждую секунду на гонку вооружений тратится около 30 тысяч долларов; если в среднем на обучение студента расходуется 500 долларов в год, то расходы на одного солдата составляют 30 тысяч.

В военной сфере занято в мире свыше 50 миллионов человек, или более 4 процентов экономически активного населения. По разным оценкам, с военной проблематикой связан каждый четвертый или пятый ученый и инженер. «На мечи» переплавляется 6,3 процента алюминия, 3,9 — хрома, 11,1 — меди, 5,1 — железной руды, 8,1 — свинца, 6,3 — никеля, 6,9 — серебра, 5,1 — олова и т. д. На военные нужды расходуется 7—8 процентов мирового потребления энергии, включая нефть. Как тут не вспомнить Марксово сравнение военного потребления «в непосредственно экономическом отношении» с выбрасыванием в воду части своего капитала.

К сожалению, этот вопрос по большей части про-

должна оставаться в ведении политиков и профессиональных военных, разведок и дипломатии. Поэтому реальна психология непричастности миллионов людей во всем мире, считающих себя безвинными жертвами милитаристских приготовлений. Но растет и число понимающих, что их жизненные потребности могли бы удовлетворяться более полно и устойчиво в условиях разоружения и более гуманного отношения к природе.

Очень точно сформулирована проблема в докладе Фонда ООН для деятельности в области народонаселения: «ЗЕМЛЯ: ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ — 10 МИЛЛИАРДОВ. Триумф или трагедия?» (1987 год). «...Уважительное отношение к природе Земли, — говорится в документе, — должно быть неотъемлемой частью непреходящей этики человечества». Имеется много фактов, свидетельствующих о том, что человечество, разьединенное границами, национальными и классовыми интересами и предрассудками, недоброй памятью и недоверием, еще только начинает осознавать спасительную миссию данной этики.

Возьмем добычу сырья и само производство. Из каждой скважины у нас в стране выкачивается лишь одна треть запасов нефти. К началу 1980-х годов более 90 миллионов тонн черных металлов ежегодно превращаются в отходы производства и потребления. Проблема ресурсосберегающих технологий — государственная, общая. А проблема ресурсосбережения еще и личностная. Ибо она решается на конкретных предприятиях, в цехах; конкретные люди, даже в условиях еще несовершенных технологий могут проявлять большую ответственность, большую экономическую, а в итоге и экологическую, нравственную культуру труда и потребления.

В производственно-технологический цикл вовлечено сегодня только 3—4 процента природных богатств

Земли. В результате необоснованных проектов и решений в стране приведено в полную негодность миллионы гектаров плодородной почвы. А проблема воды? Ведь в основном из-за нее разгорелся спор вокруг Байкала, северных рек и не только их, конечно. Ситуация сложная. Экологическое невежество и варварское потребление как ни странно более всего проявляется как раз там, где уже сегодня ощущаются трудности с водой. Интересные данные опубликовал журнал «Человек и природа» (1988 год, № 9). Вот несколько цифр: по данным Минводхоза СССР, в 1985 году был потерян годовой сток Днепра, причем это неполные данные; в том же году терялась одна пятая часть воды, поступающей в жилищно-коммунальное хозяйство.

Перед народным хозяйством страны поставлена задача: превратить ресурсосбережение в решающий источник удовлетворения растущих потребностей... Добиться, чтобы прирост потребностей в топливе, энергии, сырье и материалах на 75—80 процентов удовлетворялся за счет их экономии... Проблема, по словам сотрудника Института социально-экономических проблем АН СССР Э. Новикова, слишком остра, но «воз» движется слишком медленно.

В природе нет ничего лишнего. В жизни нет мелочей. В экономике и подавно. «На хозяйственной работе, — писал В. И. Ленин, — нужно, — пусть это не совсем подходящее слово — известное «скопидомство». А вот «скопидомничать» — то мы еще не научились»¹⁶. Нельзя не заметить, с какой глубиной и научной скрупулезностью В. И. Ленин (мыслитель, теоретик, философ, революционер, а не хозяйственник!) проповедовал идею диалектического единства народного благосостояния и строжайшей экономии. Бережливость всегда считалась источником благо-

шение к главному жизнеобеспечивающему продукту — хлебу. Многие ли скажут, что хлеб для них — святыня, символ жизни и вечности, труда и совести? По стране ежегодно уничтожается (даже не скормливается животным, а буквально выбрасывается в мусорное ведро!) 7 миллиардов килограммов готового хлеба. Им можно прокормить почти 50-миллионное население в течение года.

Можно сказать так, большинство человечества продолжает паразитировать на ограниченном опыте прежних поколений, который пришел в серьезное противоречие с экстенсивным ростом потребностей. Современные производства в основном все еще базируются на старых материалах и технологиях. Отсюда начинаются угрожающие экологические перекосы. Новые материалы (пластмассы, керамика, полимеры и др.), новые способы их обработки (термические, вакуумные и т. д.), новые (гибкие, роботизированные, ресурсосберегающие) технологии — все это пока что во многом остается достоянием немногих стран. Еще очень показательный факт в этом плане. Известный ученый-биолог Норман Майерс доказывает, что на нашей планете произрастает более 75 тысяч видов растений, потенциально пригодных для питания людей. Однако за всю свою историю человечество «попробовало» лишь около 3 тысяч, причем культивировалось в то или иное время всего 150. И только 20 видов обеспечивают нам 90 процентов продовольствия! Мы ограничиваемся тем набором культур, который служит человечеству уже тысячелетия. И это представляется ненормальным при таком росте населения и его потребительских appetитов. Не отсюда ли «перегрузки» на почву Земли, да и самого человека.

Пришло время сделать достоянием повседневности для каждого человека предостережение Ф. Энгельса

о недопустимости психологии завоевателя по отношению к природе. «...На каждом шагу, — писал он, — факты напоминают нам о том, что мы, отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять»¹⁷. Пока приходится констатировать: до этого отношения человека к матери-природе далеко.

Расточительность уродлива, неестественна сама по себе. В народном сознании она известна веками и наречена не иначе, как «мотовство». Годами и десятилетиями мы били во все колокола о наших великих завоевательских победах над природой, о мировых рекордах. Но при этом совершенно умалчивалось, что проблемы жилищного строительства, металла, энергии, бумаги, мебели, леса, воды, продовольствия, материально-технической базы культуры решались очень медленно и даже обострялись.

Расточительная, самоедская экономика, равно как более рационально функционирующая, но провоцирующая с помощью ряда методов перепотребление и перепроизводство не способны сами по себе обеспечивать разумный образ жизни с гармонией материальных и духовных потребностей человека. Флиртуя со своими извращенными вожделяниями, люди часто теряют способность ощущать разницу между действительным благополучием и счастьем человека и самодовольной животной сытостью, между беспечностью и безопасностью.

РАЗУМ ИЩЕТ АЛЬТЕРНАТИВУ

Огромный путь, пройденный человечеством, дает нам вполне четкое представление о том порочном круге, из которого ему никак не удастся вырваться. Между примитивными общинно-натуральными формами бытия и обмена и достигнутым к исходу XX века уровнем — колоссальное расстояние. Но цивилизованность как этика жизни, человеческих взаимоотношений в моральном (личностном), национальном и международном измерениях оказывается столь же уязвимой, как и эпоха варварства.

Проблема необходимого, рационального, гуманного, с одной стороны, и расточительного, избыточного, обезчеловечивающего стилей жизни, — с другой, остается неразрешенной. Индивидуализм и коллективизм, извечно антагонизируя между собой как этико-мировоззренческие установки, удерживают огромные массы людей в состоянии раздвоенности, борьбы плоти и духа, идеалов и драматической, неустроенной повседневности. Это проявляется издревле и по нынешний день в процессе удовлетворения различных потребностей, особенно материальных. Прав А. Нуйкин, усматривающий какую-то незримую связь между пресыщенной плотью и печальной судьбой неандертальцев, не позволившей им стать людьми: «Потомок коллективиста — краманьонца настолько пристрастился на стадии капитализма к удобствам, комфорту, сытости и накопительству, что, похоже, забыл, что именно вывело его предков в люди». Парадокс в том, что став человеком благо-

даря «альтруистическим побуждениям», наш далекий предок как бы «наиграл» своим потомкам совсем иной лейтмотив — эгоцентристский. И, как свидетельствует история, именно под этот мотив норовит пританцовывать убажжаемая возрастающим комфортом какая-то часть человечества. Другая часть, менее благополучная и удачливая, менее динамичная и образованная, вроде бы нехотя, но все так же продвигается туда же — к желаемому достатку и изобилию.

Естественно, легко было заметить рано или поздно, что в погоне за своими желаниями, ставшими псевдопотребностями, человеку никогда не угнаться, как за своей собственной тенью. Библейский Соломон, как известно из вероучения христиан, был окружен огромным богатством. И почему-то именно он, кого все могли бы не задумываясь причислить к вполне или абсолютно счастливым, повторял, что все вокруг суета (это слово повторяется в книге Экклезиаста 37 раз). Соломон мог удовлетворить все свои желания и прихоти, но он постоянно как бы тяготился своей внешне благоустроенной жизнью. Но вот, кажется, ответ найден. На вопрос «что хорошего может сделать человек в мире, где все тщетно?» он отвечал четкой, сконцентрированной формулой: ешь, пей, веселись, делай добро, радостно живи со своей женой, делай все, что смогут руки твои, но больше всего — бойся бога и не забывай о судном дне...

Легко заметить, что мудрый Соломон дает слишком много свободы выбора, ибо его суждение вовсе не исключает множества альтернативных или промежуточных жизненных ориентаций. И есть, и пить, и веселиться, и проявлять свои созидательные способности можно по-разному. Как бы там ни было, библейский пример ценен. На предложение бога про-

свить всего Соломон выбрал просьбу о мудрости. Последнюю, как отмечалось, он употребил на философское постижение смысла жизни в этом преходящем для человека мире. Но не только для этого. Разум был нужен Соломону для того, чтобы «управлять народом». А народ-то всегда живет своей жизнью и соответственно вырабатывает своим опытом и взгляды на ее смысл. Размышление известного библеиста Генри Г. Геллея очень точно резюмирует раздвоенность мудрости мышления и мудрости жизни, понимания истинных ценностей и соединения их с повседневным образом жизни, наконец, меры строгости в оценке других и в самооценке. Указывая на экспансию золота в Иерусалиме и полигамистский образ жизни Соломона, Генри Г. Геллей совершенно справедливо приходит к выводу: «бог хотел использовать (все это — Авт.) как пример, показывающий, на что толкают даже наилучших из людей роскошь и непрестанные поиски разных телесных приятностей».

Единое соломоново царство после смерти основателя распалось. Образовалось северное царство, все 19 царей которого вместо бога поклонялись золотому тельцу. Высшей точкой идолопоклонства явился храм Давида.

Отмечая, что это был самый дорогой (2—5 миллионов долларов) и роскошный дом того времени, исследователь Библии подчеркивал, что роскошь и грандиозность храма, его золото вызывало жадность и подражание в соседних царствах.

В дальнейшем эта раздвоенность духа и плоти, «разума — мировоззрения» и «разума — здравого смысла», и напротив, слияние объекта жадности и реакции всеобщего подражания вышло на новые рубежи. Не по кругу, а по высокой спирали движется ценностное отношение человека к миру вещей. Что-то оставалось неизменным, что-то менялось и увели-

чивалось. Динамизм был присущ очаговому накоплению богатства и роскоши. Стабильными оказались духовные проявления, этические оценки и ориентиры относительно богатства. Уже тогда, наряду с провоцируемыми роскошью, жадностью и подражанием, вырабатывалось не только ограниченно житейское, социальное, но и нравственно-философское неприятие любых излишеств материально-вещной среды. Зримые контуры обретает гражданская идея социальной справедливости — в Псалмах, например, неоднократно повторяется мысль о том, что нечестивые всегда процветают, что благосостояние нечестивых — зло, и конец их трагичен. В Соломоновых притчах доминируют такие темы, как справедливость, трудолюбие, сострадание к бедным, сдержанность, честность, взаимопомощь, здравый смысл и др.

Символом беспрецедентной роскоши и безнравственности стал Вавилон с его фальшивой религиозностью, фанатическим культом золота и разврата. Все послание Осии, можно сказать, об этом. Ощущая порочный образ жизни, евангелисты и апостолы противопоставляли ему «духовную мудрость» (Колос, 1, 9), то есть разум, знание правильной жизни Христа, подтверждаемое нравственными чувствами и потребностями. Становится вполне понятным, почему Иисус нередко вызывал сильное разочарование у многих. Кому же в обстановке господства корысти мог понравиться тот, кто жил исключительно на пожертвования, хотя мог бы накопить огромное состояние и жить по-царски. Но нет, он жил и умер бедным, как бы в назидание желающим того социального порядка, при котором люди будут иметь полное материальное благосостояние без труда (по аналогии с насыщением 5 тысяч). Это можно дополнить запрещением Павла помогать ленивым, его советами врать с ними связи (2 Сол. 3,6—15).

Таким образом, евангельское наследие открыло еще одну «сюжетную линию» в истории взаимоотношений человека и вещей. Это нравственная потребность переживать материальное благосостояние как итог «трудов праведных», не только в качестве гедонистических ощущений обладателя материальных ценностей, но и созидательного самоутверждения. Отсюда вывод: идея христианского братства, равенства, справедливости отнюдь не «прочитывается» как призыв к уравниловщине. Значит, неизбежна дифференциация потребностей, уровней потребления и у социально равных людей.

Ясно, это всего лишь общий фон, дающий частичное представление о первых поисках разумом альтернативы фетишизации вещей во вред духовной сущности человека. И прежде чем продолжить эту тему, необходимо напомнить одно принципиально важное положение известного литературоведа М. М. Бахтина. «В каждой культуре прошлого, — писал он, — заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры. Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем...» Нельзя не признать, что сказанное совершенно однозначно может быть адресовано и религиозно-философской духовной традиции, выдержавшей испытание временем.

Да, мы многое не заметили из этого опыта, а то и просто отбросили с пренебрежительностью ясновидящих всезнаек. Речь, естественно, не о религиозном (христианском, буддистском или каком-либо другом) целостном мировоззрении, которое не выдерживает прямого соприкосновения со сложной социальной жизнью, с диалектикой бытия человека. Имеется в виду сам способ обращенности этой традиции к чело-

веку и средства, находящиеся в его собственном ведении, используя которые он может духовно самоопределяться в самых неблагоприятных обстоятельствах жизни.

В Библии столько рациональных нравственных идей, в аскетических системах заключен такой огромный потенциал саморегуляции, самоконтроля, что если бы удалось их вовремя прочесть, признать и осуществить — мир был бы совсем иным. Все дело в этом «если бы». Мешают антагонистические интересы, традиции, общественные отношения, политические и идеологические стереотипы. Но как бы там ни было, игнорировать общечеловеческий этический заряд, который содержится в религиозно-философской традиции, было бы столь же наивно, как и полагаться только на него. Одно бесспорно: в этой традиции, вполне заслуживающей современного прочтения и более гуманистического, идеологически непредвзятого толкования, поставлены едва ли не все вопросы проблемы «Человек — Разум — Вещи». Здесь многое может быть взято за исходное. Но специфика объективного анализа требует указать на целый ряд обстоятельств. Прежде всего, это конкретно-историческое толкование и характер функционирования средств производства. Это проблема равенства и свободы людей в действительности. Как она решается каждым новым поколением в условиях объективно меняющихся экономических и идеологических отношений. Наконец, традиционную для святоотеческой проповеди и нравственно-философской мысли критику вещного фетишизма (преклонения перед плотским, деньгами, драгоценными металлами, роскошью, любыми излишествами) нельзя механически переносить на современную почву. Экономическая, социально-политическая, духовно-нравственная конкретика двух временных полюсов (религиозного абсолютизма и

мировоззренческого плюрализма со значительным перекосом материалистических ориентаций), конечно же, несопоставимы. Как заметил Ю. Б. Рюриков, в нынешнее переломное время человечество вступило в невиданную в истории стратегическую ситуацию. Возникли совершенно новые классы противоречий — глобальных, экологических, они сплавляются со старыми противоречиями, социально-классовыми, оказывают на них и на общество существенное влияние. Над человечеством, подчеркивает писатель, нависли сейчас, пожалуй, три дамокловых меча, и каждый следующий осознается меньше предыдущего. Что имеется в виду? Это — возможность возникновения войны; экологическая и наименее осознаваемая угроза психологического перерождения людей, их эгоизации и превращения в потребителей. Ю. Б. Рюриков уточняет, что в эпоху НТР данная угроза резко усилилась в мире капитализма, и она действует, хотя и не так опасно, в мире социализма (см.: Вопросы философии, 1986. — № 9. — С. 133—143).

Итак, культ потребления на новом, более высоком витке спирали общественного развития. Факторы, причины иные. Но если посмотреть на человека, движимого стяжательскими, корыстными страстями сегодня, мы увидим отнюдь не новое, а «хорошо забытое старое». Все это рецидивы апостольской эпохи. Уже тогда скрестили свои шпаги идеалы обладания преходящим и стремления быть в вечности. Меч плотских вожделений, порой умопомрачительно извращенных, и меч здравомыслия, дающий человеку духовное зрение, зависли над миром издревле. И опыт их борьбы всегда ценен.

Внимательное ознакомление с Библией и святоотеческим наследием, другими религиозно-научными источниками, включая современные богословские работы, дает основания сделать некоторые обобщения.

Религиозное учение христиан предприняло первые серьезные попытки поставить под контроль разума как сам процесс развития материально-вещной культуры, так и отношение к ней человека. Лука и Матфей дают нам примеры не категорически однозначного отрицания богатства, а довольно взвешенного подхода к нему. Они подчеркивают, что человек ответственен за употребление богатства и самой жизни на Земле. Известен библейский эпизод чуда превращения воды в вино по случаю свадебного банкета. Интересную интерпретацию этого предлагает Генри Г. Геллей. «Как будто Христос в самом начале своего служения хотел огласить людям, что религия, которую он теперь вводит в мир, не является религией аскетизма, а религией природной радости». Осуждению подвергалось, таким образом, не благополучие человека, особенно если оно добыто трудом, а безумные, несправедливые формы его употребления.

Апостол Павел, так психологически обстоятельно изобразивший борьбу между телесной и духовной природой человека (Рим. 7, 14—25), признавал естественными (нормальными и нужными) множество требований нашего тела. Его поучение в этом отношении сводилось лишь к тому, чтобы люди, удовлетворяя свои требования, не переходили за разумные границы.

Рациональное начало в христианском вероучении выражено довольно четко и последовательно, хотя те или иные мистифицированные крайности ослабляют его. Но где, в каком учении не было переборов?

Постигнуть духовно все предостережения веры относительно разумной меры потребления мешает тот примитивный буквализм, которым часто определяется толкование отдельных библейских стихов.

Но нельзя упускать из виду и другое. Церковь, призванная заботиться о духовном благополучии ми-

рян, вступила в «кооперацию» с рудодобывающим бизнесом в уже христианской Европе.

Общепризнанным фактом стало то, что бессмысленная роскошь, окружающая императоров, совращала сенаторов, высшие слои общества и т. д. по упоминаемому уже закону подражания. Церковь не была в стороне. Золотой соблазн оказался и ей, проповедующей воздержание, не по зубам. «Мы строим так, — пишет один из теологов, Иероним, — будто нам уготована вечная жизнь в земной обители. Золотом блещут стены, из золота — своды залов, золотом покрыты капители колоны. Но голоден и наг умирает пред нашей дверью Христос в каждом, кто терпит нужду».

Можно было бы оправдать слабость духовных пастырей к таинственному минералу, учитывая его художественно-эстетический аспект*, а также то, что значительная часть золота церковь получала в виде пожертвований. Однако в монашеских аббатствах различных орденов, стоявших у истоков хорошо организованного старательского дела, не могли не знать, что в Спарте издавался запрет на владение золотом как на «причину всех преступлений». Имеется немало авторитетных утверждений о том, что от нужды и самых различных бед народы гибнут куда реже, чем от власти золота. «Из-за золота, — писал В. И. Ленин, — перебили десять миллионов человек и сделали калекami тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов»¹⁸.

Так или иначе золото обожествлялось едва ли не во всех религиях. Возможно, это произошло и не по

* Автор «Истории золота» (М., 1987) А. С. Марфунин доказывает, что золото, кроме минерального и ценностного аспектов, имеет еще и художественный. Оно — «явление художественной культуры, вещество ювелирных упражнений, миф, легенда, эстетический знак» (с. 5).

вине церкви. Но последняя использует его по сей день для своего возвеличивания. Все это не могло не сказаться негативно на моральном авторитете церкви, прежде всего как социального института. Ее собственная роскошь и связь с мирской властью порождала сильные сомнения в ней как силе, призванной и способной противостоять фетишизации не только золота, но и гипертрофированных материальных интересов, любых излишеств, особенно неуместных с точки зрения бедственной жизни народных масс и принижения духовных потребностей человека. Только этим и можно, пожалуй, объяснить тот факт, что аскетические мотивы христианского вероучения никогда не доминировали в массовом религиозном сознании и опыте. Те же, кто без меры доверялся аскетическим призывам, нередко доходя в своем усердии до крайностей, отречения, забирались в уголки, весьма отдаленные и от мира, и от золоченых церковных алтарей.

Прецеденты аскетической практики в форме «злострадания», то есть неумеренной строгости к физиологическим и бытийным потребностям в целом, нельзя примитивно обобществлять, абсолютизировать, вырывать из контекста всей обширной палитры проявлений религиозно-философской мысли и богатейшего духовного опыта человечества.

Идея «воздержания» и «умеренности» — одна из основоположных идей христианской философско-этической доктрины. Здесь много рационального и для современного человека, оказавшегося перед острой необходимостью научиться осуществлять разумный контроль за структурой и небывалой динамикой материальных да и духовных потребностей. Ценный познавательный материал в этом плане содержится, например, в творениях подвижника Григория Нисского, где, пожалуй, с наибольшей определенностью и

последовательностью проработан принцип «умеренности» или, как мы теперь говорим, рациональности, разумности потребления, включая, безусловно, отношение к различным конкретным вещам. По его утверждениям, отступления от разумной «золотой середины» («умеренности») как в сторону пресыщения, так и в сторону унижения, — крайности, в одинаковой степени нежелательные. Можно сослаться здесь хотя бы только на следующее рассуждение подвижника. Господство разумного, духовного начала над любыми потребностями существования и самоутверждения, по его убеждению, должно быть чуждым насильственности. «Подобно тому, как струна не может издавать хорошего, стройного звука ни в том случае, когда она слишком натянута, ни тогда, когда сверх меры ослаблена...»

Отдавая себе отчет о том, что эти слова направлены прежде всего на достижение сознанием человека «нормальности» религиозно-нравственного отношения к миру вещей и самому себе, нельзя не признать за их содержанием определенной универсальной способности человеческого разума «усмирять» стихию потребительских страстей. «Умеренное воздержание, — подчеркивается в одном из фундаментальных богословских исследований аскетизма, — направляется безусловно только против страстной преданности удовольствиям, переступающим надлежащую меру, — оно имеет в виду, следовательно, только и именно «роскошь».

Надо полагать, это и есть не что иное, как процесс умственной корректировки чувственных привязанностей к вещам — будь то продукты питания, одежда, бытовая среда или что-либо другое.

Идейное отрицание и обличение излишеств, роскоши и, говоря современным языком, любых псевдопотребностей или вещизма берет начало от эпохи

противостояния христианства и язычества. Ценность этого опыта трудно определить однозначно. Главное здесь в тех рациональных подходах и принципах, которые в какой-то степени имеют, безусловно, непреходящее нравственно-мировоззренческое значение. В опыте подвижничества, аскетизма, не выходящего за пределы «умеренности» человеческих потребностей, заложена не только «эгоистическая» идея личного спасения в мире «ином». В этом опыте, возможно, следовало бы видеть и первые шаги в организации социальной жизни на принципах рациональности и справедливости. В пользу этого говорят сохранившиеся материалы о существовании в Александрии религиозной общины, называвшейся «терапевтами».

Образованный философ и деятель того времени Филон (Александрийский) дал название своему описанию жизни «терапевтов» — «О жизни созерцательной». Чтение же этой работы, имеющейся в русском переводе (1909 г.), позволяет сразу понять, что жизнь у «терапевтов» была не столько созерцательной в смысле ее отвлеченности от человеческих потребностей, сколько поисковой. Нравственно-философская рефлексия александрийцев, их религиозно-исследовательские опыты были несомненно разумным поиском альтернативы излишеству и порокам языческого образа жизни. И в этом они имеют значительный познавательный и воспитательный смысл. В трактате «О жизни созерцательной» вполне определенно просматриваются по меньшей мере три принципиальные идеи: отношение человека к вещам, отношения между людьми, вытекающие во многом из их отношения к вещам; приоритет познания и духовного творчества перед пассивно-потребительским умонастроением. Кроме того, нельзя не сказать и еще об одной линии в повествовании Филона. Это — мотивы социальной справедливости.

Все это в сконцентрированном виде запечатлено в Послании к филиппийцам апостола Павла, где он учит помышлять только о том, «что только истинно, что честно, что справедливо».

Терапевтика представлена как врачевание, но более совершенное, чем в обычной медицине. «Терапевты» Филона — это люди, «вступившие на путь служения богу и врачевания души». Нам интересно прежде всего последнее.

Филон свидетельствует, что голод и жажда для «терапевтов» при всех своих ужасах все же много предпочтительнее, нежели чрезвычайное излишество яств, питий, пиров.

Аскетические подвиги совершались и совершаются отнюдь не только во имя личных «душеспасительных» целей. Серьезнейшее значение издавна приобретало в аскетизме также рационально-этическое начало, сознательные мотивы, все то, что в конечном счете образует процесс разумного отношения человека как родового социального существа, к материально-вещной среде, к себе подобным. В связи с этим уместно еще раз напомнить, как образ жизни «терапевтов», многих других подвижников и деноминаций, исповадовавших идеи нестяжательства и бескорыстия, созвучен с апостольскими доктринами. В «Деяниях» есть, например, такой стих: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее» (4, 32).

Думается, можно вполне предположить, что «все общее» не содержит в себе столь неприемлемую и осуждаемую сегодня идею пресловутой уравниловщины в удовлетворении потребностей. Было бы просто банальным доказывать, что в какой-либо социальной среде (религиозной ли, светской), где «все общее», ребенок не съедает столько же пищи, сколько взрос-

лый, более того, занятый, скажем, тяжелым физическим трудом. Трудно представить, что к потребности больного или старого человека в условиях имущественной общности будет такое же отношение, как к молодому и здоровому. Зато очевидно другое: единомыслие в понимании вещей, динамизма и дифференцированности потребностей по социальным, профессиональным, половозрастным и другим признакам.

В перспективе таким образом понимаемое единомыслие ведет людей к признанию и свободному соблюдению трех важнейших принципов: разумной умеренности, справедливости и духовного возрастания.

...С христианской точки зрения, писал «Журнал Московской патриархии», невозможно найти оправдания тому факту, что, несмотря на огромную концентрацию богатств, во многих странах мира миллионы людей все еще живут в трущобах, в нищете, не имеют гарантированной работы... Христианин не может со спокойным сердцем... смотреть на самодовольное равнодушие к чужой нужде, к горю детей, не знающих радости детства, к физическим и нравственным мукам угнетенных и обездоленных, ко всем видам социального зла, прикрываемым формальным равенством всех людей перед законом.

Проблема разума и вещей, как видим, слишком давняя, но до пределов обострившаяся сегодня. Можно вполне констатировать также, что в отношении людей к вещам исторически складывается и тенденция к соблюдению и интеграции Разума как философского мировоззрения и этики. Показательно наставление Патриарха Пимена будущим пастырям: «...Необходимо проявить предельную жертвенность, преодолеть житейский комфорт, отказаться от многих удобств жизни». Иначе, по словам главы Русской православной церкви, никто не имеет права го-

ворить с апостолом Павлом: «...Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 кор. 6, 10). Нельзя не отметить, однако, что по старой привычке ли, из соображений ли сохранения собственной престижности, но нередко богословы утверждают, что человеческий разум сам по себе бессилен противостоять падению морали, любым проявлениям зла, в том числе и нашествию псевдопотребностей (вещизма). Тем самым усложняется процесс реализации многих в общем положительных призывов церкви.

В конечном же счете осуждение богатства, жадности, сребролюбия и вещьлюбия с христианских позиций выработалось в устойчивую традицию. И традиция эта живет. В душах и делах людских живет. Может быть кому-то и покажется эта мысль наивно просветительской, а то и вовсе донкихотской. Только известные в стране фонды общественной благотворительности говорят о противоположном. Более того, есть и более показательные явления. Взять хотя бы интереснейший опыт коммуны «Фаланга футурокоммунаров имени Шарля Фурье», созданной энтузиастами в таежном поселке Троицко-Печерское и просуществовавшей около десяти лет. Все в ней — от самого замысла и до принципов повседневной жизнедеятельности и общения — обозначено высоким стремлением создать новую, пусть маленькую, социальную среду, новые обстоятельства, общественные отношения, постепенно и посылно приближаемые общим усилием к коммунистическим.

К сожалению, фалангу «распустили», точнее сказать, запретили как социальную инициативу, бросившую дерзкий вызов насквозь лицемерной застойной повседневности 70-х годов. Ну как же, слишком нетипичная ситуация: не проводя политзанятий и различных юбилейных торжеств, получая среднюю, а то

и минимальную зарплату, не имея квартир или ютясь в примитивных комнатах общежитий, коммунары мечтали о коммунизме и жизнью своей утверждали его, делились друг с другом последним, уступали друг другу «углы», учились экономно хозяйствовать, осуществляли посылную благотворительную деятельность, жили в материальном отношении очень просто и скромно, но в отношении духовном, нравственном — на зависть многим — богато и насыщенно.* Здесь было бы чему поучиться и общине александрейских «врачевателей душ».

«Неформальную» коммунистическую организацию упразднили, между прочим, не оттого только, что она не вписывалась в бюрократизированную, закостенелую структуру безликих «коллективов». Она пользовалась завидным авторитетом в пределах своей известности и жизнедеятельности. Журналистка приводит факт, как в коммуну в командировку приехал сыктывкарский газетчик. И так ему понравился «фалангисты», что бросил он все блага цивилизации и остался с ними.

Не менее интересен и опыт коммуны в Пермской области, первого Молодежного жилищного кооператива в городе Свердловске, других добровольных неформальных объединений с четко выработанной социальной программой. И впрямь нелегко представить 20—30 совершенно благополучных семей, сдавших хорошие и даже «шикарные» квартиры в областном центре и приехавших «поднимать целину» обыкновенной «вымершей» деревни. Люди, умеющие делать все, способные во многом заменять друг друга: электрики, шофера, строители, историки и филоло-

* Подробно об опыте современной коммуны можно прочитать в статье И. Лангуевой «Люди завтрашнего дня» («Комсомольская правда», 1987, 17 марта).

до смысла истины

добраться —

что важно, быть, а

не казаться!

Бытие человека, развитие его творческой природы, его духовного мира всегда выше бытия любых вещей. Признание этого и есть критерий истинно разумного, живущего рационально и честно человека.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1. **Маркс К.** Проект закона о разводе. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 164.
2. **Маркс К.** Наемный труд и капитал //Там же. Т. 6. С. 446.
3. **Маркс К.** Критика политической экономии //Там же. — Т. 46, ч. I. — С. 417.
4. **Энгельс Ф.** Бруно Бауэр и первоначальное христианство //Там же. — Т. 19. — С. 311—312.
5. **Ленин В. И.** Задачи Союзов молодежи //Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 312.
6. **Ленин В. И.** Доклад на VIII Всероссийском съезде Советов. Там же. — Т. 42. — С. 151.
7. Там же.
8. **Ленин В. И.** Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства //Там же. — Т. 36. — С. 381.
9. **Ленин В. И.** Лучше меньше, да лучше //Там же. — Т. 45. — С. 404—405.
10. **Ленин В. И.** Новая экономическая политика и задачи литпросветов //Там же. — Т. 44. — С. 174.
11. **Энгельс Ф.** Эльберфельдские речи //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. — С. 536.
12. **Ленин В. И.** Речь на I Всероссийском съезде (поз. 8).
13. **Маркс К.** Наемный труд и капитал //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 6. — С. 446.
14. Там же.
15. **Ленин В. И.** Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов, 4—10 июня 1918 г. //Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 501.
16. **Ленин В. И.** Речь на заседании Пленума Московского Совета //Там же. — Т. 42. — С. 361.
17. **Энгельс Ф.** Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 496.
18. **Ленин В. И.** О значении золота теперь и после полной победы социализма //Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 226.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Человек в мире вещей	12
Этика личного потребления: социально-экономический и глобальный аспекты	89
Разум ищет альтернативу	150
Указатель источников	169

Научно-популярное издание

**ФОМИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
РАЗУМ И ВЕЩИ**

Ужгород, издательство «Карпаты»

Редактор П. И. Часто
Худож. оформление О. И. Денисенко
Худож. редактор В. А. Томашевский
Техн. редактор М. Р. Черкашина
Корректор Б. А. Гвардионон

ИБ № 1980

Сдано в набор 04. 05. 89. Подписано в печать 24. 07. 89. ББ 06128.
Формат 70×100 1/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высок. печать. Усл. печ. л. 6,99. Усл. кр.-отг. 7,22. Уч.-изд. л. 7,33.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1027. Цена 35 к.

Издательство «Карпаты».
294000, Ужгород, пл. Советская, 3.

Типография издательства «Радянське Закарпаття».
294006, Ужгород, ул. Гагарина, 42/1.

Фомин В. Н.

Ф 76 Разум и вещи. — Ужгород: Карпаты, 1989. —
169 с.
ISBN 5—7757—0101—0

Автор книги, кандидат философских наук, исследует
проблемы формирования разумных потребностей совет-
ского человека.

Для широкого круга читателей.

Ф 0303040000—040
М215(04)—89 89—3

ББК 60.55